Только после Вас

Всемирная история
хороших манер

Перевод с финского

Ari Turunen & Markus Partanen

ATENA JYVÄSKYLÄ

Всемирная
история
хороших манер

Только после Вас

Ари Турунен, Маркус Партанен

альпина
паблишер

2019

УДК 395
ББК 87.78
Т88

Переводчик Любовь Шалыгина
Научный редактор Денис Песков
Редактор Ирина Беличева

Турунен А.

Т88 Только после Вас: Всемирная история хороших манер. / Ари Турунен, Маркус Партанен : Пер. с фин. — М.: Альпина Паблишер, 2019. — 261 с., ил.

ISBN 978-5-9614-1057-0

Хорошие манеры во все времена считались отличительной особенностью цивилизованных людей. Почему этикет неизменно присутствует в любом обществе и как формируются его установки? Как менялись важнейшие поведенческие нормы в разные века? Всегда ли были адекватны требования ревнителей хороших манер? Какие казусы случались с ними в Средние века и в совсем недалеком прошлом? Познавательная, полезная и забавная книга финских писателей и исследователей Ари Турунена и Маркуса Партанена дает ответы на эти и многие другие вопросы, касающиеся исторически сложившихся норм поведения в обществе.

УДК 395
ББК 87.78

Перевод осуществлен при финансовой поддержке FILI

FILI

ISBN 978-5-9614-1057-0 (рус.)
ISBN 978-951-796-477-7(фин.)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ, для частного или публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Ari Turunen & Markus Partanen, 2007
First published by Atena Kustannus, Finland, in 2011
Published by agreement with the Kontext Agency
© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2019

Оглавление

Предисловие **9**

Введение **11**

Глава 1. Осанка и язык тела **33**

В этой главе рассказывается о том, какое поведение присуще уверенному в себе человеку, а также рассматриваются правила этикета, которые относятся к осанке и языку тела

Глава 2. Приветствие **47**

В этой главе говорится о том, что в основе приветственных жестов изначально лежало стремление продемонстрировать, что в руках у человека не было оружия

Глава 3. Правила поведения за столом **63**

Человеку цивилизованному присущи совместное принятие пищи и в особенности способность ею делиться. Поэтому практически в любом обществе правила этикета, касающиеся трапезы, являются основными при воспитании детей

Глава 4. Естественные надобности и телесные выделения **95**

В этой главе объясняется, почему неприлично приветствовать человека, справляющего большую или малую нужду

Глава 5. Слезы и смех **125**

Публичное выражение горя еще в Средние века считалось естественным. Однако совсем другое дело, когда человек смеется в одиночку

Глава 6. Преодолевая агрессию **159**

Человек — стадное животное, которое сражается за власть и свободу. Чем больше людей нас окружает, тем больше правил необходимо для того, чтобы предотвратить открытое проявление агрессии

Глава 7. Сексуальность **199**

Человек — единственное животное, у которого брачный период длится весь год. Именно это и служит источником проблем

Глава 8. Новое цифровое средневековье **241**

Интернет и социальные сети должны были объединить людей, а также помочь им делиться информацией и заводить новые дружеские связи. Однако на деле Всемирная паутина провоцирует многочисленные конфликты: ну просто средневековый беспредел в виртуальном мире

Заключение. Отец и непутевый сын **253**

И наконец, вы узнаете о том, что молодежь всегда казалась беспутной старшему поколению

Предисловие

На страницах этой книги, посвященной тому, как появился на свет европейский этикет, мы подробно рассмотрим различные его виды и жизненные сферы применения, от приветствия до прощального поцелуя. Мы проведем читателей по увлекательному пути возникновения хороших манер и покажем ему изнутри мир этикета со всех сторон: как с удивительной и неизвестной, так и с тревожно знакомой.

Не стоит чересчур превозносить формальное выполнение правил европейского этикета, поскольку многие изысканные манеры появились на свет как результат возмутительных и даже бесстыдных действий. Так, например, когда скандинавских мужчин, приученных с младых ногтей к безусловному равенству полов, обвиняют в том, что они не всегда пропускают женщин вперед, им стоило бы в ответ припомнить отнюдь не гламурную историю возникновения этого обычая. Первыми пропускать дам вперед начали средневековые рыцари, которые опасались стать жертвами вооруженных врагов, притаившихся в темных и запутанных коридорах замка. На всякий случай доблестные воители

отправляли женщин первыми проходить через ворота укреплений.

Так что не все существующие правила поведения являются такими блестящими образчиками этикета, как то кажется на первый взгляд.

Тем не менее мы искренне приветствуем наших читателей и без задних мыслей желаем им приятного чтения.

Ари Турунен, Маркус Партанен
Хельсинки, 31 января 2016 г.

Введение

Obwohl Europa das kleinste unter allen vier Teilen der Welt ist, so ist es doch um verschiedener Ursachen willen allen übrigen vorzuziehen. (...) Die Einwohner sind von sehr guten Sitten, höflich und sinnreich in Wissenschaften und Handwerken.

Zedlers Universal-Lexikon, Band 8, S. 2195, 1734

Europa ist seiner terrestrischen Gliederung wie seiner kulturhistorischen und politischen Bedeutung nach unbedingt der wichtigste unter den fünf Erdtheilen, über die er in materieller, noch mehr aber in geistiger Beziehung eine höchst einflussreiche Oberherrschaft erlangt hat.

Conversations-Lexicon für die gebildeten Stände,
Band 1, S. 373, 1847[1]

[1] Несмотря на то что Европа — самая маленькая из четырех частей света, она по множеству причин важнейшая... Жители [Европы] более вежливые, воспитанные в плане морали и развитые в науках и искусствах (Универсальный словарь Зедлера. Т. 8. С. 2195, 1734).

Европа по своему расположению, а также по культурно-исторической и политической значимости является важнейшей среди пяти частей Земли, над которыми она достигла превосходства в материальном и даже в большей степени в духовном плане (Энциклопедический словарь для образованных классов. Т. 1. С. 373, 1847). — *Пер. с нем. Д. Чанкселиани.*

Как следует из вышеприведенных цитат, взятых из двух немецких энциклопедий, жители Европы веками превозносили себя, гордясь собственной культурой, образованностью и хорошими манерами. Быть европейцем всегда означало придерживаться определенных, хорошо узнаваемых правил поведения и являться носителем культуры, которая немедленно бросается в глаза любому, кто пересекает границу этой части света. Наша книга, однако, ставит под вопрос изысканность европейских манер. Напрасно Европа позиционирует себя как некий клуб воспитанных людей, где царит непринужденная атмосфера, а сидящие за столами прекрасно одетые гости знают, как вежливо обращаться друг к другу и пить вино не пьянея. На самом деле этот внешний лоск вовсе не золото, а позолота. Стоит вспомнить, скажем, Доминика Стросс-Кана или Сильвио Берлускони, чтобы понять: далеко не все европейцы умеют себя вести, пусть им и доводилось, будучи облаченными в дорогие костюмы, поднимать бокалы в государственных палатах.

В этой книге мы зайдем дальше напускного позерства и проанализируем, что́ на самом деле есть хорошее воспитание. А можно поставить вопрос даже так: существуют ли в действительности хорошие манеры или же пресловутый этикет лишь дымовая завеса, необходимая для контроля над людьми, некая духовная клетка, призванная сдерживать естественное, животное поведение человеческих существ?

Прежде чем Евросоюз додумается ввести какую-нибудь директиву по этикету, неплохо было бы изучить, в том числе и с психотерапевтическими целями, историю появления на свет европейских хороших манер и поставить под сомнение самопровозглашенную добродетель некоторых строгих правил поведения.

В немецких энциклопедиях подчеркиваются значимость и культурный уровень Европы как одной из четырех, а впоследствии (после открытия Австралии) и пяти обитаемых частей света. Подобное деление мира уже тогда удивляло людей, живших за пределами Европы. Китайский историк и географ Сюй Цзю писал в своей книге, увидевшей свет в 1849 г., следующее: «Люди Западного океана охотно делят земной шар на части, которым они дали имена — Европа, Африка, Америка и Азия». Поскольку европейцы относят Китай к Азии, то Цзю задается вопросом, где же проходит граница между Азией и Европой, ведь, по его мнению, Европа — «всего лишь западный мыс Евразии».

Замечание Цзю абсолютно справедливо, потому что никто не может однозначно определить, где заканчиваются границы Европы. Это понятно, ведь она не является материком, а расположена на Евразийской

литосферной плите, покрывающей бóльшую часть Евразийского континента. Несмотря на это, восточную границу Европы — в географическом и культурном смысле — неоднократно стремились провести через пролив Босфор и Уральские и Кавказские горы. Однако деление это чисто условное. Действительно, если мы пересечем Босфор на пароме и высадимся на восточном его берегу, атмосфера там вряд ли будет сильно отличаться от той, что царит в многочисленных кафе на площади Таксим, расположенной на западном. Точно так же вы вряд ли заметите кардинальные отличия в поведении русских, живущих восточнее и западнее Уральского горного хребта. Обитатели Северной Осетии, по мнению географов, являются европейцами, тогда как их соплеменники из Южной Осетии вдруг становятся азиатами. Если Уральские или Кавказские горы якобы делят Евразийский материк на две части света, то почему бы, следуя той же логике, не заключить, что Скалистые горы в Северной Америке также являются границей и люди по обеим ее сторонам должны различаться между собой поведением и образом жизни.

Международный песенный конкурс «Евровидение», объединяющий всю Европу, притягивает зрителей к экранам куда сильнее, чем выборы в Европарламент, процент голосования на которых обычно существенно уступает активности избирателей на национальных выборах. «Евровидение» также сдвигает границы Европы южнее и восточнее, чем мы привыкли видеть в учебниках, не говоря уже о границах Евросоюза. Расположенные к югу от Кавказских гор Грузия, Армения и Азербайджан вместе с Израилем и Турцией

регулярно участвуют в конкурсе, который проводит Европейский вещательный союз, однако за стол переговоров, где решаются ключевые для Европы вопросы, эти страны пока никто не приглашает.

Не считая универсальной денежной единицы евро, все остальные «евроформулировки» являются сложными, даже запутанными. Знаем ли мы сами, где находимся, когда утверждаем, что живем в Европе? Возможно, Европу определяет именно то, от чего она так хочет дистанцироваться? Великие европейские мыслители эпохи Просвещения создали образ цивилизованной части света, которая была лидером духовного развития и выделялась на фоне остального мира благодаря своей культуре. К примеру, экономист Адам Смит писал, что практически все страны за пределами Европы являются варварскими, непросвещенными и дикими. Одним из признаков варварства Смит считал то, что в этих государствах не умели вести торговлю так, как это делали европейцы. Над самодовольством деятелей Просвещения сейчас можно лишь посмеяться, однако до сих пор в дискуссиях о том, что́ есть Европа, в основном перечисляют то, чем Европа на самом деле не является. Эти споры также предопределяют границы расширения Евросоюза.

Заикающиеся варвары

Классические европейские просветители не изобрели ничего нового, занимаясь дискриминацией иных народов, поскольку любое человеческое общество

склонно отделять себя от животных и чужаков. Также у членов практически любого социума всегда существовала тайная, а подчас и открытая потребность в том, чтобы называть «людьми» исключительно представителей собственной группы; в то же время о чужаках принято думать, что они другие, не похожие на нас, необразованные или даже дикие, что им свойственны животные пороки, которые проявляются в дурных манерах. Быть человеком означает правильно себя вести, правильно жестикулировать и говорить правильные вещи правильным образом.

Мысль о том, что своя собственная культура по всем параметрам превосходит остальные, стара как мир. Еще древние египтяне считали, что они выделяются в лучшую сторону на фоне других народов благодаря умению безупречно владеть собой. В Индии представителей иных, не индоарийских культур называли «млеччха». Подобно древним грекам, которым мы обязаны термином «варвар», они именовали так людей, не понимавших их язык, санскрит. По мнению греков, иностранные языки звучали подобно лаю собаки («бар-бар-бар»), и на этом основании они решили, что люди, живущие за пределами Эллады, по своему уровню развития недалеко ушли от четвероногих. «Варвар», — презрительно говорили они, подразумевая заикающегося чужеземца, в речи которого часто повторялся звук «р». Таким образом, слово это стало синонимом шута, болвана.

Как известно, французы также тщательно блюдут свою культуру через язык. Их желание говорить исключительно на французском проявляется иногда так не-

В Китае в эпоху императорского правления, приближаясь к правителю, необходимо было совершать коутоу, или обряд тройного коленопреклонения и девятикратного челобитья. Этот обычай чрезвычайно раздражал англичан

истово, что за пределами Франции это подчас считают проявлением национализма. Французы даже изобрели лингвистический термин «варваризм» (barbarisme), который означает слово из чужого языка или оборот речи, построенный по образцу чужого и нарушающий чистоту речи носителя родного языка!

Представителям практически любой культуры, похоже, свойственно клеймить чужаков за незнание их собственного языка. Так, славяне называли германцев «немцами» — то есть буквально немыми, не способными воспроизводить человеческую речь. Индейцы майя, жившие в Центральной Америке, презрительно именовали соседние племена заиками. По мнению ац-

теков, все, кто не говорили на их языке, были дикарями и варварами.

Однако имелись и более весомые причины для того, чтобы презирать чужаков: их манеры и внешний вид. Так, например, по мнению китайцев, европейцы были варварами, которые вели себя так ужасно, что остальные с трудом терпели их поведение. Полинезийцы считали всех европейцев «красноволосыми и большеносыми дикарями» и называли их «куки» в честь печально известного капитана Кука.

Фальшивая позолота европейских манер

Определить, что означает «европейскость», по-прежнему представляет проблему, даже если мы будем искать ее язык и повадки среди черт и характеристик, присущих «высоким» культурам. Общая картина современной европейской идентичности складывается за счет национальных кусочков мозаики, в свою очередь изготовленных из чего-то... неведомого. Из чего-то, что мы толком не способны объяснить. С целью отследить и выявить универсальную «европейскую идентичность» проводились бесчисленные семинары и предпринимались исследования, но однозначный ответ так и не был найден.

С другой стороны, понятие национальной идентичности сегодня также несколько размыто, поскольку европейские сообщества все чаще представляют собой пестрый ворох разнообразных субкультур. В историче-

ской перспективе национальная идентичность привязана к образованию различных европейских национальных государств в эпоху Нового времени и тесно связана с такими понятиями, как общий язык, общие национальные символы, измерительные системы и национальный фольклор; она также предполагает единый менталитет и, разумеется, общий свод правил поведения.

В последнее время, благодаря возросшей миграции и в особенности из-за недавно нахлынувшей волны беженцев, Европа становится все более и более мультикультурной. В связи с этим возникают сложные и политически окрашенные социальные вопросы, которые необходимо тщательно решать совместными усилиями. В то же время общество обычно очень эмоционально относится к мигрантам. Черты и поведение выходцев из иной культурной среды обычно кажутся угрожающими, и коренное население традиционно предполагает, что иностранцы не станут, как говорится, лезть со своим уставом в чужой монастырь, а вместо этого будут подчиняться правилам принявшей их страны и соблюдать местный уклад жизни. Многие философы, в их числе француз Поль Рикёр, писали о том, какие чувства пробуждает в коренных жителях политика мультикультурализма: он полагает, что люди, опасаясь того, что их собственная культура будет повержена, воспринимают ее как угрозу.

Ничто не ново под луной, не нов и подобный страх. Этот раскол общества, вызванный поведением различных групп, в которые входят как целые нации, так и отдельные их представители, Европа переживает постоянно, начиная еще со Средних веков. Именно поэтому

«правильное» поведение и выполнение одобренных и утвержденных обществом норм издавна считалось столь важным. За сотни лет до образования национальных государств, получивших официальную монополию на насилие, европейцы старались обуздать царившие тогда в их среде страх и агрессию с помощью контроля над поведением, поэтому, например, многие повседневные приветствия уходят корнями в жесты, призванные продемонстрировать, что человек не вооружен или не собирается каким-либо образом нанести другому вред.

Однако подобное стремление создать некий единый свод правил поведения еще вовсе не означает желания гармоничного и бескровного сосуществования — по крайней мере, в историческом контексте. Это было связано также с потребностью провести четкие границы между отдельными людьми и сословиями, например в XVII в. — между европейским дворянством и зарождающейся буржуазией. Таким образом, этикет можно образно назвать обоюдоострым мечом.

Книга, которую вы держите в руках, содержит бесчисленные примеры того, насколько фальшивыми могут быть некоторые повседневные правила этикета, изначально позаимствованные нами у европейских придворных и представителей знати. На самом деле критика в адрес хороших манер европейцев раздается уже давно. Живший еще в XVIII в. во Франции граф Мирабо жестко критиковал Версаль, заявляя, что изысканные манеры придворных лишь внешняя позолота. Мирабо полагал, что его ученые современники неверно понимали цивилизованность: они говорили об утонченности нравов и любезности, однако эти явления

представляли собой лишь маски добродетели, но вовсе не ее лицо. Сам он считал, что «цивилизация ничего не совершает для общества, если не дает ему основы и формы добродетели». Во времена Мирабо этикет стал для французских дворян еще одним элементом социальной игры, в которую уже входили изысканные наряды, парфюм, пудра и парики. Всё, не исключая манер, было поверхностным, напускным. Тем не менее французы, не входившие в королевское окружение, равно как и все остальные европейцы, разинув рты смотрели на тот спектакль, что разворачивался в Версале, восхищаясь и подражая его участникам.

В XVIII в. «цивилизованность» в контексте хороших манер, присущих той или иной нации, уже превратилась для некоторых в бранное слово, и, к примеру, Вольтер считал ее ненатуральной по сравнению с естественной вежливостью. Паскаль довольно цинично заметил, что цивилизованное поведение стоит принять просто потому, что это обычай, а вовсе не потому, что оно мудро или справедливо. Люди уже тогда понимали, что изысканность манер зачастую лишь фальшь. Вот, например, отрывок из сочинения французского дипломата Антуана де Куртена, датированного 1671 г. и содержащего инструкции, как вести себя в церкви: «Если ты забыл или же по неверию и лености своей не захотел преклонить колени пред Господом, стоит все же поскорее сделать это ради приличия, а также потому, что в церкви можно встретить представителей высшего общества». То есть, по мнению де Куртена, притворство можно было с легкостью выдать за благопристойное поведение.

С помощью манер также проводили культурные границы между классами. Европейское высшее общество изобретало и совершенствовало правила поведения, чтобы подчеркнуть свое отличие от иных сословий, и в особенности от крестьян. Люди, принадлежавшие к низшим сословиям, традиционно считались дикими и нередко описывались как ослы или обезьяны; подобное отношение нашло отражение на многих полотнах кисти Иеронима Босха и Питера Брейгеля. На их картинах современники изображены без прикрас: на холсте зачастую царит животная атмосфера карнавала, а упившиеся люди тут и там валяются на столах и под ними.

Старинные пособия по этикету, сея культуру, взывали к тому, что дурные манеры пробуждают в окружающих смущение и неловкость, однако на самом деле прорыв в области воспитания произошел не потому, что подобного рода книги якобы затронули верные психологические струны в душах людей. Изысканный этикет являлся для дворянства всего лишь способом отделить себя от черни, и в XVI–XVII вв. справочники по хорошим манерам в основном создавались для отпрысков высших сословий. К ним относятся, например, «Придворный» (Il Cortegiano) Бальдассаре Кастильоне (1528), «Галатео, или Об обычаях» (Galateo overo de' costumi) Джованни делла Каза (1558), а также «Новое образование» (Le Civilité Nouvelle) Антуана де Куртена (1671) и многие другие.

Распространение этикета среди низших сословий общества ущемляло чувство собственного достоинства знати, и уже в конце XVII в. появились трактаты, авторы которых рассуждали, почему манеры дворян превосхо-

В XVI в. в своем опусе «Придворный» Бальдассаре Кастильоне наставлял, что настоящий дворянин должен держаться свободно и вести себя не скованно, а беспечно

дят манеры представителей среднего класса. Несмотря на то что в наши дни общество является намного более демократичным, чем в Средние века или в начале Нового времени, в основе многих правил поведения до сих пор лежат механизмы разграничения. Если в XVII столетии тон задавал королевский двор в Версале, то теперь при-

мером служат так называемая американская мечта и воспитанники Гарварда и других престижных вузов США, которые усиленно прививают нам свойственные их культуре ценности. СМИ и социальные сети давят на нас, требуя быть популярными, красивыми и интересными. В современном мире не ценятся скромность и деликатность — в моде всевозможные гуру и тренеры, которые снабжают нас инструкциями, как с помощью глянцевых фото, снятых профессионалами с наиболее выгодного ракурса, можно сделать свой профиль в соцсетях более популярным. Как и в былые времена, внешность и стиль решают всё — неважно, идет ли речь о натужно улыбающемся парнишке на страничке Facebook или о придворном, красующемся в пышном парике в Версале.

Цивилизованное животное

В основу нашей книги лег главный труд немецкого социолога Норберта Элиаса «О процессе цивилизации»[1], написанный еще в 1930-е гг. Согласно цивилизационной теории Элиаса, люди — в особенности это относится к европейцам — постепенно выработали жесткий код самоограничений, названный позже этикетом, поскольку импульсивная человеческая природа, базирующаяся на инстинктах, служила источником опасности в обществе, где борьба за место под солн-

[1] Норберт Э. О процессе цивилизации. — СПб.: Университетская книга, 2001.

цем происходила уже не только на полях сражений, но и в кулуарах. Когда естественные нужды человека и его телесные потребности стали объектом пристального внимания, их начали контролировать, создавая правила, регулирующие поведение. И в результате присущие нам агрессивность и сексуальность, а также пищевые привычки и все телесные выделения, вплоть до слез, оказались под постоянным пристальным наблюдением.

Элиас хотел, чтобы его работа раскрыла людям глаза на то, как цивилизационный процесс на самом деле протекал в европейской культуре. Исследователь полагал, что мы считаем цивилизованность чем-то естественным и относимся к ней так же, как в Средние века относились к необъяснимым силам природы. Легко заметить, что в этом Элиас прав, поскольку в лучшем случае хорошие манеры — вещь настолько обыденная, что человек ее даже не осознает. С другой стороны, если всегда придерживаться неосознанных правил, то это прямой путь к внутренним противоречиям и психическим проблемам, о чем не устают нам напоминать пособия по популярной психологии.

Неписаные и неосознанные правила человеческого поведения стали объектом изучения Десмонда Морриса, британского зоолога и популяризатора науки. Его интересовало то, как люди на самом деле поступают, а не то, что они говорят. Морриса критиковали за подход, согласно которому поведение Homo sapiens якобы представляет собой сумму бесчисленных «животных» инстинктов, однако ученый в ответ заявлял, что это часть наследия, полученного нами от предков-приматов. И по мнению Морриса, в данном случае ни один

учебник хороших манер не смог ничего изменить: наше поведение с течением времени существенно не менялось, поскольку у человека как биологического вида всегда существовали одни и те же эмоциональные потребности и одинаковые способы для их выражения.

Так, появление на свет вежливых поклонов и книксенов скорее имеет биологическую подоплеку, нежели является результатом воспитания. Животные пригибаются и наклоняют головы, пытаясь казаться меньше, когда хотят усмирить гнев вожака, показывая, что они ему не угрожают. Поэтому и люди тоже кланяются власть имущим и в знак подчинения встают на колени перед могущественными правителями.

Способы невербальной коммуникации, выраженные языком тела: жестами, мимикой и позами, — это завязанное на инстинктах неосознанное поведение, которое мы стремимся обуздать и контролировать, соблюдая правила этикета. Разумеется, человеку тяжело признать, что по крайней мере часть его поведенческих моделей заимствована у животных. Наоборот, с помощью изысканных манер и светского лоска люди стремятся подчеркнуть, насколько далеко они ушли от своих четвероногих предков.

Эразм Роттердамский — отец европейского этикета

Крупнейший философ эпохи Возрождения, нидерландский ученый и мыслитель Эразм Роттердамский в 1530 г. написал трактат «О приличии детских

нравов» (De civilitate morum puerilium), который во многом стал решающим этапом в истории европейской культуры воспитания. В своем роде это одно из первых и, безусловно, самых популярных пособий по этикету. Уже в конце XVII столетия энциклопедический словарь Французской академии сообщал, что в ходу была поговорка «Он не читал Золотой трактат Эразма», которая описывала человека, не способного справиться со своими обязанностями.

Изначально рукопись Эразма была предназначена для воспитания Анри, малолетнего отпрыска Адольфа Бургундского, но вскоре после публикации на латыни обнаружилось, что эта тематика также сильно интересовала представителей высшего сословия по всей Европе. К моменту смерти Эразма Роттердамского (а скончался он в 1536 г.) его трактат успели переиздать порядка 30 раз, а в XVIII в. количество публикаций на латыни уже превысило 130. Вскоре книга «О приличии детских нравов» превратилась в общеевропейский учебник по воспитанию: на английском языке трактат появился уже в 1532 г. Но сборник советов Эразма не просто переводили на многочисленные европейские языки: многие переводчики ничтоже сумняшеся переписывали целые куски из его рукописи без упоминания первоисточника, и о количестве таких безымянных заимствований нам сейчас остается только гадать.

Пособие по этикету, созданное Эразмом Роттердамским, имело большой успех потому, что книга эта явно заполнила собой нишу, до нее пустовавшую. С переходом от Средневековья к Новому времени хорошие манеры сделались важным инструментом для социаль-

ного разграничения, и труд Эразма стал великолепным подспорьем на пути к «цивилизованному» поведению. Благодаря Эразму латинский термин «civilitas» получил новое значение — «благопристойные манеры», и позже именно он лег в основу самоосознания европейского общества. Впоследствии во многих европейских языках появилось похожее слово: у французов это «civilité», у англичан — «civility», у итальянцев — «civilità», а у немцев — «Zivilität».

Для нас самым важным является то, что Эразм, создав свой трактат, заложил основы того «цивилизационного процесса», который начался в Средние века и продолжается до сих пор и которому мы обязаны появлением современного этикета. Разумеется, процесс формирования этикета осуществлялся с некоторыми перерывами, и в различных географических регионах наблюдаются свои особенности, однако с течением времени «хорошие манеры» стали настолько привычными и обыденными, что практически никто не задумывается о том, что же лежит в их основе. Поэтому знакомство с небольшим пособием Эразма, являющегося, образно выражаясь, главным акушером современных поведенческих привычек, во многом может нас просветить. В дальнейшем мы еще не раз будем цитировать и анализировать этот текст, а пока расскажем в общих чертах, что он собой представляет.

Итак, книжица «О приличии детских нравов» толщиной чуть менее пятидесяти страниц подразделяется на три части, в первой из которых Эразм пишет о «благопристойном» внешнем виде, рассуждая, например, о выражениях лица, движениях рта и сморкании. В за-

ключение автор дает наставления также о «прочих наружных телесных членах», например о сохранении прямой осанки или об отправлении естественных потребностей. Вторая часть коротко знакомит читателей с правилами выбора одежды. В начале третьей Эразм говорит о «манерах, необходимых в церкви», после чего следует самое длинное наставление — подробное описание учтивых манер за столом, а также правил, которые надлежит выполнять, будучи в гостях или на пиру. Также в третью часть входят глава о жестах и манерах во время приветствия и ведения беседы, несколько советов по поводу игр и коротенькая главка, посвященная тому, как вести себя в опочивальне.

Многие наставления, встречающиеся в трактате Эразма, в наше время являются базовыми правилами поведения, с которыми большинство людей знакомятся еще в детстве. Его советы, в особенности о том, как вести себя за столом, по большей части используются и сейчас. Разумеется, есть и отличия: вряд ли в наши дни вы услышите подобную рекомендацию: «Если взял в рот нечто, чего не в силах проглотить, отвернись, вынь кусок изо рта и тайно выкинь в сторону». В книге Эразма можно также найти наставления относительно деликатных физиологических проблем: например, советы о том, как опорожнять кишечник или как вести себя человеку, которого тошнит. Большинство этих правил нынешние люди усваивают еще в раннем детстве в семье, для этого вовсе не обязательно изучать пособия по этикету. Многие советы также касаются поведения, непонятного современному читателю. Согласитесь, не так-то просто уразуметь, что, например, Эразм имеет

в виду, говоря: «Некоторые итальянцы, блюдя честь свою, трут одной ногой об другую, отчего стоять им приходится буквально на одной ноге, словно аистам; у меня нет уверенности, что юношам подобное поведение пристало».

Несмотря на то что учтивые манеры изначально служили для высших сословий способом отделить себя от черни, отец европейского этикета Эразм Роттердамский явно подразумевал иное, почти 500 лет назад составляя свой трактат, ставший одним из главных пособий по воспитанию Нового времени. «Те, кого удача обошла и кого наградили лишь простотой, бедностью да покорностью, должны старанием добиться того, чем судьба их обделила, а достичь этого можно благопристойностью манер», — писал он. Иначе говоря, уникальность трактата «О приличии детских нравов» заключается в том, что он не был написан для какого-то определенного сословия. В отличие от сочинения Эразма, остальные пособия по этикету, например изданные в Италии и в особенности во Франции, даже те, что содержали в себе прямые заимствования из наставлений нидерландского философа, явно создавались с прицелом на дворян. В Германии образованность с самого начала была более демократичным понятием, нежели в остальной Европе, однако и там прошло немало времени, прежде чем хоть кто-то из составителей учебников по этикету стал придерживаться нейтрального тона Эразма Роттердамского.

Кроме того, его трактат выделяется на общем фоне вследствие мягкого отношения к читателю. Можно сказать, что автор скорее описывает то, как ребенку

следовало бы вести себя в различных публичных ситуациях, нежели отдает прямые указания о правильном поведении. По мнению Эразма, воспитание должно происходить в созидательной домашней атмосфере. Все прочие пособия по этикету, в том числе и включающие цитаты из Эразма и использовавшиеся в школьном образовании, напротив, написаны в строгой повелительной манере.

Наша книга напоминает классический трактат Эразма Роттердамского в том смысле, что на ее страницах мы рассмотрим самые разные стороны повседневной жизни, начиная от пробуждения и приведения себя в порядок и до отхода ко сну. Однако, в отличие от других пособий по этикету, авторы ее в своем сочинении также — и в первую очередь — выметают сор из-под ковра.

Глава 1
Осанка и язык тела

Порядочному человеку не подобает ни бежать по улице, ни излишне поспешать, ибо это более пристало стремянному, чем человеку благовоспитанному; не говоря уж о том, что бегущий задыхается, потеет и пыхтит, что тоже не весьма прилично. Но и выступать, точно пава или новобрачная, тоже неуместно, как, с другой стороны, неуместна излишняя вертлявость. Руки не должны болтаться, но незачем и размахивать ими взад и вперед, будто сеешь в поле овес.

Джованни делла Каза.
Галатео, или Об обычаях[1] *(1558)*

Иной на ходу брыкается, точно испугавшаяся лошадь, или шагает, точно вытягивая ноги из кадки; иной топает так, что грохоту от него не меньше, чем от целого обоза; иной выбрасывает ногу вперед, иной дрыгает ногами, некоторые на каждом шагу нагибаются и подтягивают чулок.

Там же

[1] Здесь и далее цит. по: Сочинения великих итальянцев XVI века. — СПб.: Алетейя, 2002.

Наставления делла Каза хорошо дают понять, что о характере кого-либо судят в основном по его внешнему виду. Для нас более убедительным обычно служит то, как человек выглядит и ведет себя, а не то, что он говорит. Мы собираем информацию друг о друге на основании меняющихся выражений лица, языка тела и оттенков голоса. На самом деле то, что мы сейчас называем body language[1], и социально-психологические исследования невербальной коммуникации — это лишь современная версия тех явлений, которые царили в людском обществе с самых первых дней.

Поведение регулировали с помощью языка тела еще с античных времен. Нидерландский историк Ян Бреммер, опираясь на сочинения Гомера и другие тексты античных авторов, проанализировал, как выглядел идеальный гражданин Древней Греции и какие ценности связывались тогда с поведением на публике. Так, внимание окружающих было направлено на походку: шагать

[1] Язык тела (*англ.*).

эллинам предписывалось широко. Примером служил солдат, чей устрашающий облик сформировался на полях сражений. Воины, представлявшие собой самый почитаемый класс, и в обычной жизни вели себя сообразно своей роли и таким образом устанавливали норму походки для остальных граждан — только женщины семенили короткими шажками. В то же время некоторые поэты посмеивались над размашистой походкой военных и их вызывающими и фанфаронскими манерами, которые, по словам Бреммера, можно сравнить с современным мачизмом.

В VI в. до н. э. норма изменилась на полностью противоположную, и идеальной теперь считалась размеренная и спокойная походка. Подобная перемена объясняется тем, что в ставших более демократичными Афинах воины как класс потеряли свое главенствующее положение. Упоминания новых идеалов встречаются, помимо прочего, в трудах Платона и Аристотеля: так, в принадлежащей перу последнего «Никомаховой этике» прямо говорится, что медленная походка — это признак величавого и благородного человека. Несмотря на то что в некоторых комедиях представителей сильного пола, степенно расхаживающих в своих длинных туниках, высмеивали как жеманных и склонных к мужеложству, все же неспешное и приветливое поведение стало повсеместно распространенной нормой. Античные трагедии, в свою очередь, рисуют картину, согласно которой присущее грекам умение владеть собой противопоставлялось разнузданности иностранцев и чужаков. Между прочим, искусство Древнего Египта демонстрирует нам выстроенную на том же самом принципе рас-

становку сил «свои против чужих». Идеалы античных греков нашли отражение также и в Римской империи: там неспешная походка была привилегией свободных граждан — бегать пристало только рабам.

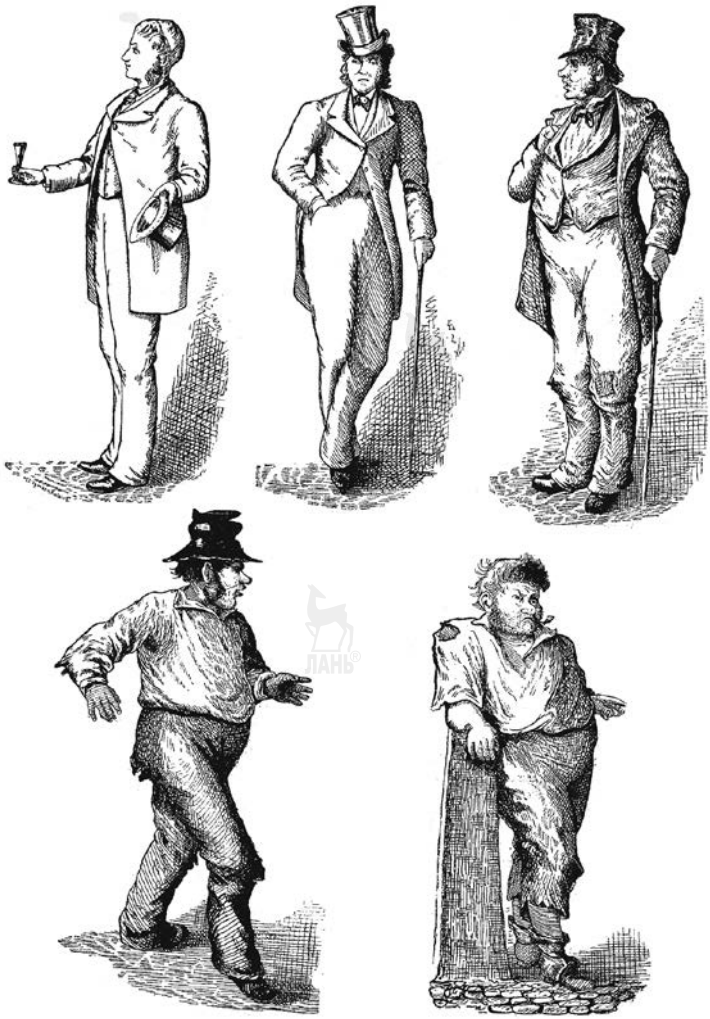
Изменения коснулись не только представлений о том, какой должна быть походка. Если статуи, созданные в раннюю эпоху, представляют древнегреческих богов и героев исключительно в положении стоя, то в VII в. до н. э. скульпторы начали изображать их сидящими. Это же относилось и к представителям высшего сословия: благодаря новой моде на неспешность привычкой стало восседать или возлежать за обедом. Сидеть, однако, полагалось исключительно на стуле или иной подходящей мебели, поскольку в античные времена на голой земле сидели лишь нищие.

В Древней Греции граждане, находясь на публике, должны были также контролировать движения своих рук и головы. Демонстрировать ладони или поднимать руки вверх считалось для мужчины постыдным: эти жесты показывали, что человек безоружен, и, таким образом, означали утрату мужественности. В Спарте, например, юношам советовали прятать руки в складках одежды. Мужчины должны были ходить с гордо поднятой головой, за исключением тех моментов, когда они испытывали глубокую скорбь или стыд. Вообще склонять голову публично разрешалось лишь женщинам и рабам. Взгляду надлежало быть твердым и устремленным вперед, поскольку, по представлениям эллинов, вращали глазами только сумасшедшие или отчаявшиеся люди, щурились, в свою очередь, предатели и уж только мужеложцы шарили глазами вокруг.

Две тысячи лет спустя Эразм Роттердамский в своем пособии по этикету дал касательно походки совет, который практически ничем не отличался от античных идеалов: «Шаг не должен быть ломаным, расхлябанным, однако не должен он быть и слишком быстрым, поскольку первое — признак натуры мягкой, а второе — вспыльчивой». Рекомендации Эразма контролировать свою походку и избегать излишней агрессивности очень похожи на те, что были распространены в Древней Греции. То же самое касается и взгляда: нидерландский ученый, подобно древним грекам, считал, что вращают глазами безумцы или глупцы, а прищуренный или косящий взгляд присущ предателям.

Выходит, что известная поговорка «Глаза — это зеркало души» появилась еще много столетий тому назад. Как видно из приведенного ниже отрывка, Эразм Роттердамский верил, будто в человеческих глазах может отразиться весь пестрый спектр качеств, присущих человеческой натуре.

Взгляд должен быть мягким, скромным, благопристойным. Не жестким, что есть признак жестокости, не дерзким, что признак бесстыдства, не бегающим, что признак глупости, не косым, что выдает людей недоверчивых и интриганов; глаза не следует округлять подобно безумцам. Взгляд не должен быть подмигивающим, что есть признак легкомыслия, удивленным, что признак невежества, острым, что признак злобы, или стреляющим, что говорит о натуре развратной; смотреть нужно смиренно и дружелюбно. Правы были древние му-



Плохая осанка считалась признаком распущенности.
Иллюстрация из журнала 1893 г.

дрецы, утверждавшие, что взгляд раскрывает саму суть человека.

Эразм Роттердамский.
О приличии детских нравов *(1530)*

Жесты как признак характера и социального класса

Невербальная коммуникация, язык тела всегда приковывает наше внимание, осознаем мы это или нет. Мы постоянно наблюдаем за тем, как меняются выражения лица, жестикуляция и позы людей, с которыми общаемся. Так, например, нахмуренные или приподнятые брови и прищуренные глаза — это типичная для всех приматов поведенческая модель, обозначающая агрессию. На агрессивный взгляд либо отвечают таким же вызывающим взглядом, либо же уходят от конфликта, смиряясь и опуская голову вниз.

Таким образом, жесты и мимика — это осознанные сигналы. К примеру, при любом социальном взаимодействии взгляд является своеобразной характеристикой табели о рангах. Люди, занимающие более низкую ступеньку на общественной лестнице, пытаются заглянуть в глаза тем, кто стоит выше их, а те часто делают вид, будто их не замечают. В XVII в. особое внимание уделялось жестикуляции и мимике представителей разных сословий. Жесты должны были соответствовать профессии или положению человека в обществе. Так, офицеры, судьи и учителя должны были выглядеть строго и угрожающе. Лишь придворные могли позволить себе

Жесты и мимика придворных должны были быть утонченными и радостными. Рисунок Уильяма Хогарта

веселость и беззаботность. Особняком стояла чернь, чьей характерной чертой объявлялась несвойственная высшим сословиям — иначе говоря, непристойная — вялость.

Стержнем невербальной, телесной коммуникации в пособиях по этикету считается осанка. По мнению Хелены Туоми-Никулы, финского автора, написавшего книгу о хороших манерах, правильная осанка является главнейшим фактором, влияющим на общее впечатление о человеке, ибо она свидетельствует о духовном величии, решительности, оптимизме и успешности.

Согнутый в дугу человек, хочет он того или нет, сообщает остальным, что ему ни до чего нет дела.

Абсолютно все равно, насколько хорошо этот горбун одет, поскольку одежда влияет на общее впечатление лишь незначительно, в то время как осанка зачастую в точности отражает умонастроение человека и его характер.

Хелена Туоми-Никула.
Пособие по этикету *(1981)*

То есть получается, что осанка, которая заметна уже издалека, может выдать сокровенные душевные тайны человека — таким образом, необходимость глядеть в глаза отпадает. Хорошая осанка, однако, является признаком не только «решительности и оптимизма», как утверждается выше, но также силы и агрессивности. Ведь выпрямленная спина — это признак лидерства, в то время как плохая осанка свидетельствует об утрате главенствующих позиций.

Повернуться к кому-то спиной до сих пор считается непростительной грубостью, поскольку это активный жест отторжения. Именно поэтому подданные в свое время обязаны были, кланяясь королю, пятиться к выходу задом. Поворот спины и ее одновременное выпрямление — это сигнал о том, что человек готов к нападению или другим насильственным действиям. Именно поэтому солдат обучают держать спину прямо, чтобы они даже в расслабленном состоянии выглядели слегка угрожающе.

В финском пособии по этикету для мужчин подчеркивается, как важно при помощи хорошей осанки произвести за столом именно такое мужественное впечатление.

За столом надлежит сидеть прямо, расправив спину и плечи, а не опираться на спинку стула либо кресла или вытягивать ноги под столом. Не следует также облокачиваться на стол, позвоночник должен быть прямым.

Пособие по этикету для мужчин *(1965)*

В начале XVII в. в уставе французской армии были прописаны критерии, согласно которым можно было отбирать подходящих для военной службы индивидуумов, руководствуясь их языком тела. Эти требования очень напоминают те, что перечислены в «Пособии по этикету для мужчин». Предписывалось обращать внимание на живой и настороженный взгляд, прямую спину, грудь колесом, широкие плечи, длинные руки, толстые пальцы, плоский живот и жилистые ноги с массивными бедрами, поскольку «такой мужчина наверняка гибок и силен». Раз уж мужчина стал военным, то маршировать в строю он должен в ногу, чтобы выглядеть как можно более солидным и стойким.

Военная выправка долго считалась эталоном. В конце XIX в. во Франции даже развернулось активное движение, участники которого ратовали за хорошую осанку: мужчин учили затягивать пояс и втягивать живот, выпячивая вперед грудь, а у женщин, в свою очередь, за прямую спину отвечал корсет, который, правда, почти всегда приводил к искривлению позвоночника. Некоторые методы были еще более жестокими: матери из высших слоев общества, желая, чтобы их дочери на выданье соответствовали общепринятым идеалам красоты, в погоне за «осиной» талией порой заставляли

девушек носить корсеты с металлическими вставками. В школах учителя были немало озабочены тем, чтобы розгами выбить из подрастающего поколения плохую осанку, которая, по их мнению, свидетельствовала о лености и беспечности.

С вялостью сражались с помощью физических упражнений. Недаром в начале XX в. возникло скаутское движение: бодрый, здоровый, спортивный подросток с хорошей осанкой был идеалом того времени.

В конце XIX в. в Великобритании дурная осанка считалась признаком психических проблем и в особенности депрессии. Депрессия (от *лат.* depressio — «подавление») внешне проявлялась как вялость и мышечная слабость, что, в свою очередь, объясняли недостатком нервической энергии.

В наши дни вряд ли кто-то расценит плохую осанку как признак невоспитанности или духовного переутомления; к ней стоит, наверное, относиться прежде всего как к проблеме физиологического характера. И все же финские пособия по этикету долгое время подчеркивали, что во внешнем облике человека должны быть видны сила и дисциплинированность, ну чуть ли не как в армии. Забавно, что в XX столетии подобная агрессивная манера держаться считалась добродетелью: ведь еще древние греки отказались от военной выправки в пользу дружелюбного поведения, а Эразм Роттердамский в XVI в. предостерегал современников от того, чтобы подавать себя чересчур агрессивно. Но вряд ли хоть где-нибудь в Европе в 1960 г. взрослых людей еще призывали в обычной жизни маршировать по улице в ногу, подобно воинственным пруссакам.

Кое-что о качествах, которыми, по нашему мнению, должны обладать вожаки стаи, говорит тот факт, что из бывших европейских и американских премьеров и президентов можно составить неплохую баскетбольную команду. Так, рост президента Франции Валери Жискара д'Эстена составлял 189 см, Жоржа Помпиду — 181 см, а Шарля де Голля — 196 см. Федеральный канцлер Германии Гельмут Коль был ниже де Голля всего на 3 см. Многие из британских премьер-министров также оказались выше среднего роста: Джеймс Каллагэн — 185 см, Эдвард Хит — 183 см, Джон Мейджор — 183 см, Тони Блэр — 183 см и Дэвид Кэмерон — 186 см. Да и президенты США, от Никсона до Обамы, все были ростом от 182 до 188 см. На их фоне выделяются лишь Николя Саркози и Сильвио Берлускони — оба по 165 см. Одного роста с ними были также Ленин и Сталин.

Как показал социологический опрос, проведенный в США, избиратели считают высоких политиков более подходящими на роль лидера. В исследовании приняли участие 457 студентов вузов, расположенных в разных уголках страны. На вопрос, каким они видят идеального лидера, 64% респондентов ответили, что он обязательно должен быть высоким. Это подтверждает и статистика: люди, занимающие ключевые должности, как правило, на 12% выше среднего роста. По мнению американских психологов Грега Мюррея и Дэвида Шмитца, подобное представление базируется на древнем обычае выбирать в вожаки наиболее сильных физически мужчин, которые при необходимости смогут дать отпор врагам.

Язык тела и жестов, однако, крайне переменчив и тесно привязан к культурному контексту. Интересно, что бы сказали Эразм Роттердамский и составители пособий по этикету XX столетия по поводу манеры современных, уверенных в себе молодых афроамериканцев шагать подчеркнуто расслабленно и в то же время угрожающе, то есть так называемой походкой сутенера?

Глава 2
Приветствие

Входя в магазин, всегда нужно здороваться с продавцом. Не поприветствовать человека, стоящего за прилавком, грубо и невежливо. Если же продавец говорит по телефону, достаточно просто кивнуть ему. Когда вы с кем-то здороваетесь во Франции, у вас есть три варианта: обменяться рукопожатием, поцеловаться или же просто сказать «Bonjour». Имейте в виду, что обниматься тут не принято.

Целоваться в качестве приветствия кажется вам странным? Но помните, что точно такую же реакцию у местных жителей вызовут объятия. Во Франции подобное допустимо лишь по отношению к возлюбленным, ну или, может быть, к самым близким друзьям. Большинство французов смутится, если вы попытаетесь их обнять. Этот жест считается здесь чересчур интимным.

Бенджамин Хюи.
Искусство французского приветствия

Разумеется, все мы хотим стать стильными и уверенными в себе, каковыми и обещают сделать нас пособия по этикету, однако история возникновения различных форм приветствия выставляет «любвеобильность» этих жестов в несколько ином свете. Многие из нас автоматически поднимают правую руку при встрече со знакомым. Этот обычай мы унаследовали от римских легионеров, которые выбрасывали вперед правую руку, демонстрируя, что в ней не зажато оружие.

Те же корни и у рукопожатия: когда в былые времена один человек протягивал другому руку, он хотел показать, что в ней нет, к примеру, ножа. Рукопожатие стало распространенной формой приветствия в Европе только в XIX в. До этого оно долгое время оставалось символическим жестом, который использовался как знак дружбы при заключении тех или иных социальных договоров, например как жест примирения после ссоры или при скреплении сделки. Именно так, кстати, и произошло выражение «ударить по рукам», которое означает «заключить сделку».

Изначально приветственные жесты
были призваны контролировать агрессию.
Рыцарь пожимает руку хозяйке дома. Немецкая гравюра

Приветственное поднятие шляпы тоже слегка попахивает мертвечиной. В Средние века рыцари в знак того, что они не имеют дурных намерений, должны были снимать шлем в присутствии правителя или друзей — ведь таким образом воин сам подвергался смертельной опасности. На популярность этого приветственного жеста повлияли также масштабные эпидемии, которые в те далекие времена распространялись с ужасающей быстротой именно благодаря другим способам здоро-

ваться, а именно поцелуям и рукопожатиям. Куда более безопасным было просто приподнять головной убор. Также торжествующее восклицание «Ура!» изначально представляло собой вовсе не радостный возглас. У турецких янычар существовал обычай приветствовать султана криками «Ура!». Это, однако, был боевой клич, означавший «Убейте их всех».

Сама привычка здороваться изначально являлась попыткой контролировать агрессию окружающих, чтобы сохранить таким образом себе жизнь. По мнению Десмонда Морриса, любая ситуация, в которой мы должны поприветствовать другого человека, неважно, в насколько неформальной и дружелюбной атмосфере это происходит, на самом деле чревата непредсказуемостью: попросту говоря, мы никогда не знаем наверняка, как будет себя вести тот или иной человек и насколько он изменился со времени нашей последней встречи, если даже мы были знакомы прежде.

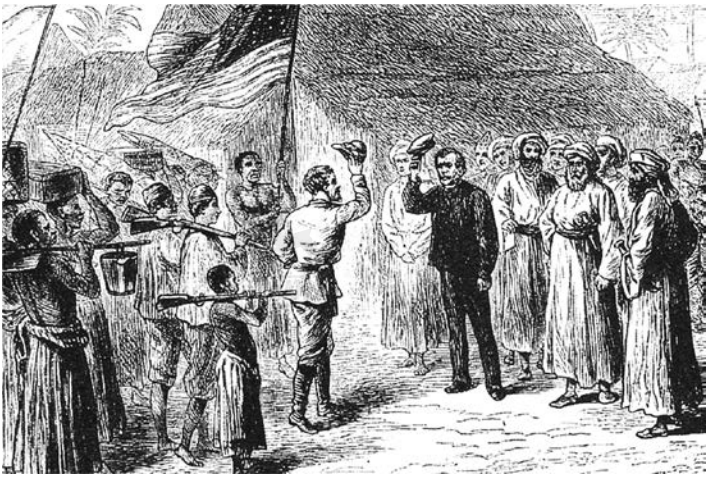
Норберт Элиас в своей цивилизационной теории описывает опасность, бесконтрольность и импульсивность средневекового бытия в следующих поэтических строках: «Это была опасная жизнь, и никто не пытался заглянуть в будущее. Если кто-либо в том обществе не стремился полной чашей испить любви и ненависти и не хотел метать кости в игре страстей, то отправлялся в монастырь: в земной жизни он был так же потерян, как человек будущих веков, который, живя при дворе, не мог сдерживать свои порывы и прятать, облагораживать свои эмоции».

Правила поведения были предосторожностью против насилия. Запутанный придворный этикет и раз-

нообразные приветственные ритуалы, которые затем переняли и другие слои населения, появились на свет как следствие той опасной жизни, которую люди вели в Средние века. Тогда еще не существовало государственной монополии на насилие, регулирующей поведение простого народа, и постоянно велась своеобразная война «всех против всех». Поскольку мир был поделен на черное и белое, врагов и друзей, то поведение и манеры должны были сразу указывать, к какому лагерю принадлежал тот или иной человек.

Темница приветственного этикета

Жесткое сословное разделение, главенствовавшее некогда в обществе, привело к тому, что овладеть в полной мере наукой правильного приветствия оказалось задачей непростой. В пособии по этикету, составленном французом де Куртеном, например, говорилось, что при появлении высокопоставленного лица все должны были немедленно обнажить головы. Гостю при входе в дом предписывалось снять шляпу, переложить ее в левую руку и низко поклониться. Хозяин или хозяйка могли предложить посетителю вновь надеть ее, но на этом дело не заканчивалось. Головной убор следовало немедленно снять в ряде оговоренных этикетом случаях, например, если более высокопоставленный гость... сморкался. Де Куртен также дает совет общего характера: как можно дольше держать голову непокрытой, пусть даже хозяева из вежливости и просят гостя надеть шляпу. Это можно сделать, только



Возможно, самое известное в западной истории приветствие. Встреча Генри Стэнли и Давида Ливингстона в Уджиджи, в Африке. 1871 г.

когда они во второй раз обратятся к вам с подобным призывом.

Что касается правил обращения с головными уборами, то порой доходило до смешного, и заложниками этикета оказывались в основном дворяне. При дворе шляпу нужно было снимать, если слуга проносил мимо обед для короля. Обнажать голову также предписывалось перед портретом монарха и даже в том случае, если правитель, скажем, присылал собственноручно подписанное письмо. Когда хозяин предлагал гостю угощение, он приподнимал головной убор, и гость должен был ответить тем же. Рассказывали, что английский король Карл II, будучи безупречным джентльменом, в присутствии королевы Франции брался за шляпу каждый раз, когда

она произносила хоть слово. Женщины тоже приподнимали шляпки, за исключением случаев, когда те были закреплены на прическе с помощью сложных конструкций из специальных булавок. Кроме того, дамы должны были приветствовать окружающих и иными способами, и их жизнь существенно усложняли бесконечные правила, касающиеся книксенов и реверансов.

В начале Нового времени представители высшего класса в разных уголках Европы строго придерживались этикета при встречах и расставаниях. В каждой стране имелись свои особенности, однако везде этот свод жесточайших правил буквально сковывал дворян по рукам и ногам. Польский историк Мария Богуцкая описывает в своих трудах социальную тюрьму, в которую, по ее словам, запутанный протокол приветствий и прощаний превратился в Польше XVI в. Хозяева при встрече устраивали длительные церемонии, которые зачастую начинались с того, что слугу отправляли на дерево — следить за дорогой, по которой должны были прибыть высокие гости. Когда слуга объявлял об их приближении, все домашние сломя голову неслись на улицу и выстраивались в шеренгу, дабы выразить с помощью ритуалов свою радость. Но это еще цветочки по сравнению с обычаями прощаться, распространенными в то время среди польской шляхты. Так, хозяин мог протестовать против отъезда и пытаться подольше задержать гостей у себя, спрятав их лошадей или сняв с кареты колеса!

Запутанная культура приветствий породила также протестное движение. Так, английские квакеры отказывались кланяться, приседать, поднимать шляпу и говорить высокопоставленным особам «ваше высо-

чество», как того требовали правила. Представители этого пуританского движения считали более целесообразным приветствовать окружающих с помощью по-христиански простого жеста — а именно рукопожатия. Этот способ приветствия появился в закрытом кругу обособленных людей, считавших себя братьями, а затем уже распространился по миру как популярный способ здороваться с друзьями и равными себе.

Правила поведения постоянно меняются и тесно связаны с эпохой. Когда в Финляндии в 1995 г. впервые собрался новый парламент, то председатель сделал замечание одному из депутатов, находившемуся в зале заседаний в головном уборе. В XVII в. его, напротив, попросили бы оставаться в шляпе, поскольку тогда сидеть с покрытой головой было привилегией элиты и дворян.

Оковы поцелуя

Французы славятся своим обычаем целоваться при встрече. Однако поцелуй не всегда уместен. Как правило, во Франции приветствуют таким образом лишь тех, кого хорошо знают: друзей или родных. Поцеловаться с незнакомым человеком можно, но только если он сам приглашает вас так поступить. Обычно в подобной ситуации говорят: «On se fait la bise?» — что означает: «Мы поцелуемся?» В большинстве случаев незнакомцы могут поприветствовать друг друга поцелуем при неформальном общении.

Бенджамин Хюи.
Искусство французского приветствия

Не только светские дамы подставляли мужчинам щечку для поцелуя. В древней Персии, к примеру, существовал обычай, согласно которому мужчины, принадлежащие к одному сословию, при встрече целовались в губы, а тех, кто стоял ниже их на социальной лестнице, приветствовали поцелуем в щеку. В средневековой Европе рыцари также поначалу здоровались, целуя друг друга в щеку.

Отец европейского этикета Эразм Роттердамский в 1499 г. во время своего путешествия по Англии восхищался «модой, которую невозможно не превозносить». В письме к своему близкому другу Фаусто Андрелини он описывал, как местные жители при любом удобном случае приветствовали друг друга (и, очевидно, его самого) поцелуями в щеку. В конце письма Эразм заявляет: «О Фаусто, если бы ты хоть раз изведал, как сладки и свежи эти поцелуи, то пожелал бы путешествовать по Англии до конца дней своих».

Поцелуи были частью сложного приветственного протокола, принятого в Европе в XVI в. В этот ритуал входили также бесконечные поклоны, коленопреклонения, поцелуи и целование рук, а также рукопожатие и обнимание колен, особенно если перед вами был человек пожилой или стоящий более высоко на социальной лестнице. Знатному дворянину целовали не только руку, но также и грудь, и живот, и колени, и ступни. Этикет требовал постоянно пресмыкаться. Представители самых низших сословий целовали власть имущим ногу, следующие по чину — подол платья или колено. Например, епископу следовало облобызать колено папе римскому. Следующим на этой шкале ценностей шел

Поцелуи как приветствие в разное время регламентировались по-разному

поцелуй руки, который изначально являлся способом приветствия среди мужчин.

В XVII столетии обычай целовать руку в некоторых странах, например в Польше, распространился на все общество, и приветствовать таким образом старшего по возрасту или более знатного человека стало обязательным. Крестьянам предписывалось облобызать руку помещику, а также его жене и детям. Мелкие дворяне должны были приветствовать своих более знатных собратьев, целуя им руку. Также все более распространенным стал обычай прикладываться к ручке дамы, и, воспитывая девочек, их в числе прочего обучали и тому, как правильно подавать для этого руку.

Однако правила приветственного этикета отличались в разных странах и зависели от сословия, к которому человек принадлежал. Так, в XVII в. в Англии лишь «неотесанные крестьяне» здоровались, обнимая и целуя друг друга. Во Франции комбинация объятий и поцелуев в щеку изначально была крестьянской привычкой приветствовать друг друга, которая лишь позднее стала частью городской культуры — возможно, вследствие урбанизации деревенского населения. В то же время «городские» поцелуи в щечку существенно изменились по сравнению с «деревенскими»: если уровень эмоций в крестьянской среде определялся громкостью издаваемого при этом чмоканья, то в городе этот звук стал считаться чем-то неприличным, и для выражения особенной приязни было принято целоваться несколько раз. Иными словами, в процессе урбанизации поцелуя пришлось его несколько облагородить.

Несмотря на то что приветственные поцелуи в щеку давно стали делом привычным, они по-прежнему смущают и сбивают с толку представителей многих культур. Так, например, ни в одном из нидерландских пособий по этикету не прописано, сколько раз следует облобызать друг друга при встрече. Зависит ли количество поцелуев от степени привязанности друг к другу? Голландский культуролог Виллем Фрийхофф отмечает, что этот вопрос, постоянно вызывающий трудности у местного населения, даже заставил скептиков начать дискуссию о действительной ценности эмоциональных связей между людьми.

В соседней Бельгии люди целуются более непринужденно, однако и там есть свои сложности: вследствие

внутринациональных конфликтов в стране сформировались два разных способа приветствия. Фламандцы и валлоны, придерживающиеся диаметрально противоположных взглядов буквально во всем, хотят отличаться и в этом тоже: так, первым достаточно одного поцелуя в щеку, в то время как вторые чмокают друг друга трижды.

Визиты вежливости и тонкое искусство лести

Этика визитов подразумевает, что гость должен оставить свое дурное настроение дома. Надевая праздничный костюм, ему следует также настроиться соответствующим образом, что предполагает дружелюбие, приветливость, жизнелюбие и склонность к шуткам. Выбирая тему для беседы, необходимо отдавать предпочтение позитивным явлениям, происходящим в мире, вместо того чтобы рассуждать о материях грустных, мрачных и наводящих уныние. Гости должны говорить друг другу и хозяевам приятные вещи, которые те хотят услышать, при условии, что комплименты являются искренними.

Золотая книга этикета *(1961)*

Выше озвученные правила, скорее всего, позаимствованы современными европейцами из французского придворного этикета. Люди, допущенные ко двору, поддерживали свои социальные связи с помощью ви-

зитов вежливости, которые были строго регламентированы, вплоть до времени посещения. Поскольку визитерам требовалось овладеть искусством куртуазной беседы, на страницах справочников по этикету можно было также найти советы о том, какие темы для этого лучше выбирать. Например, Антуан де Куртен в своем пособии «Новое воспитание» перечисляет существовавшие на тот момент ограничения. Так, с учеными мужами нельзя было беседовать о всяких пустяках, а сложные вопросы запрещалось поднимать в разговоре с теми, кто в них не разбирался. Личные темы надлежало тщательно обходить. Строго предписывалось избегать любых разговоров о сердечных печалях, судебных процессах, войнах и смерти. Сны нельзя было пересказывать по нескольку раз, высказывание личного мнения возбранялось, а исправлять ошибки, которые допускал в разговоре собеседник, считалось неприличным.

При дворах правителей Западной Европы обязательным умением стала лесть, с помощью которой можно было легко обойти личные темы для разговора. Вышестоящим следовало расточать комплименты, а титулы подчеркнуто смаковались. При рукопожатии или поклоне необходимо было показать, насколько человек рад встретить персону столь великую и значимую. Комплименты и лесть при первой встрече помогали установлению контактов, и, однако, разумеется, при этом на кону были также собственная репутация льстеца и его положение при дворе.

В XVIII в. культура лести и преувеличенного дружелюбия быстро распространилась за пределы королевского двора. Образованные люди в Лондоне и Па-

Карикатура XVIII в. высмеивает чопорные манеры городских жителей

риже были хорошо знакомы с правилами придворного этикета, и, например, Жан-Жак Руссо, философ эпохи Просвещения, обвинял парижан в том, что их изысканные манеры не были искренними, но служили исключительно средством для поддержания репутации. Французский мыслитель жаловался на то, что окружающие приветствуют его чересчур дружелюбно, и задавался вопросом: как возможно вмиг подружиться с человеком, которого ты только что встретил? Руссо писал, что по-настоящему искренний человек говорит на языке, полностью противоположном тем фальшивым изъявлениям вежливости, которых требует от него свет.

Если при дворе изысканная похвала была естественной частью прочей мишуры, то в крупных городах, таких как Лондон и Париж, лесть по отношению к незнакомцам превратилась в чистую формальность. Комплименты стали напоминать заученные фразы, штампы, не имеющие ничего общего с тем, что в действительности думали люди, их произносившие. За пышными фразами маскировали показное уважение к собеседнику, с помощью которого можно было избежать прямого и открытого диалога, и подобная ситуация, к слову, сохраняется и по сей день. Для обозначения такой «безопасной» формы коммуникации англичане придумали меткий термин «small talk» («светская беседа»), известный сейчас во многих языках мира.

Глава 3
Правила поведения за столом

Собираясь произнести тост, убедитесь, что всем подали напитки (неважно, вино это или минеральная вода), и только потом скажите «Prost», что по-немецки означает «Ваше здоровье!».

В немецкоязычной части Швейцарии в качестве тоста говорят «Prost», во франкоязычной — «Votre santé» или просто «Santé», в италоязычной — «Salute». После того как хозяин произнес тост, взгляните ему в глаза и ответьте тем же, лучше всего — на местном языке. Затем нужно чокнуться стаканами со всеми, находящимися рядом, или же по крайней мере с гостями, находящимися к вам ближе всего. И только потом можно сделать глоток.

Тосты по-швейцарски[1]

[1] https://www.etiquettescholar.com/dining_etiquette/toasting_etiquette/international_toasts.html

Изначально трапеза предварялась жертвенным возлиянием. В «Одиссее» рассказывается о том, как древние греки, перед тем как пить вино, выплескивали часть его на землю: первые капли были предназначены в жертву богам. И только после этого можно было приниматься за еду. Во времена Гомера жертву богам приносили стоя — следовало поднять к небесам полную чашу, взглянуть вверх, брызнуть на землю вином, произнести молитву, и лишь после этого можно было его пить. Вряд ли боги на Олимпе в этот момент присоединялись к пирушке, однако они принимали жертву после первого глотка, поскольку связь с ними была подтверждена. Когда наши современники провозглашают тост, это сильно напоминает древнее жертвенное возлияние. Один из участников застолья встает, произносит речь в честь кого-либо или чего-либо, и все поднимают бокалы. Тост проговаривают вслух, смотря в глаза тому, кому он адресован, после чего кланяются и пьют из бокала. Древняя религиозная природа алкоголя нашла отражение в застольных манерах и тостах, в которых часто заложена мысль о принесении жертвы в честь некоего

дела или человека. Еще в XVII в. у шведских офицеров была привычка осушать бокал в один присест. Когда пили за здоровье короля, каждому подносили по три полных стакана, которые необходимо было опорожнить. Этикет требовал, чтобы пустые стаканы переворачивали вверх дном в знак верности монарху.

Застолье, или Старинная культура опьянения

У культурного застолья существует куда менее культурная предыстория. Изначально поднятие бокалов преследовало лишь одну цель — тотальное опьянение, поскольку застолье было соревнованием «кто кого перепьет». Звон пивных кружек являлся одним из главных элементов средневековой алкогольной и поведенческой культуры: пить за здоровье, в чью-то честь, отвечая тостом на тост, а также в качестве состязания — в ту пору это было обычаем, уклониться от которого нелегко.

Согласно старинным верованиям, демоны могли проникнуть внутрь человека через рот, поэтому держать его открытым было опасно. Эразм Роттердамский в своем пособии по этикету советовал каждый раз креститься после громкого и продолжительного зевка. Во время пирушек выпивохи «изгоняли демонов», громко чокаясь кружками перед тем, как опрокинуть их содержимое в рот. Этот обычай казался людям забавным, к тому же он пробуждал жажду к выпивке. Застолье обычно заканчивалось тем, что все участники напивались в стельку. Если

В Средние века отношение духовенства к алкоголю и пирушкам было более чем благосклонным. Во Франции священники справляли «Праздник бутылки» еще до середины столетия. Отмечать начинали в конце февраля, а продолжались праздничные возлияния порой до середины мая

же попойку прерывали до того, как пирующие успевали упиться в дымину, это воспринимали как страшное оскорбление. Также немыслимой грубостью считалось отказаться от предложенного напитка или не присоединиться к тосту. Если же кто-то пытался ускользнуть с пирушки, его сразу же клеймили как труса и слабака.

В Средние века выпивка имела устоявшееся символическое значение. Так, духовенство практиковало ритуальные возлияния, длившиеся с начала года до Благовещения и обычно сопровождавшиеся шутовскими мессами. В монастырях вовсю предавались грехам об-

жорства и пьянства: в пастырском послании, составленном епископом Анже в IX в., говорилось, что викарию, изблевавшему на обеденный стол, надлежит 40 дней читать покаянные молитвы, монаху в той же ситуации полагалось каяться 30 дней, а помощнику викария — 20. Во Франции духовенство еще в середине XV столетия отмечало «Праздник бутылки», который начинался в феврале и длился до мая.

В Средние века различных религиозных праздников в году набиралось более ста, так что поводов для возлияний хватало. Нехватка чистой питьевой воды была одной из причин, почему народ поощряли пить алкоголь. Пиво входило в рацион питания, и по утрам люди того времени ели пивной суп. Употребление спиртного считалось скорее здоровой, нежели дурной привычкой: так, в одной из стокгольмских больниц минимальная дневная порция пива составляла 8 л, а в Дании медики рекомендовали пить по 10–15 л пива в сутки. Неудивительно, что подобное злоупотребление вызывало отеки, не говоря уже о том, что повсюду попахивало мочой.

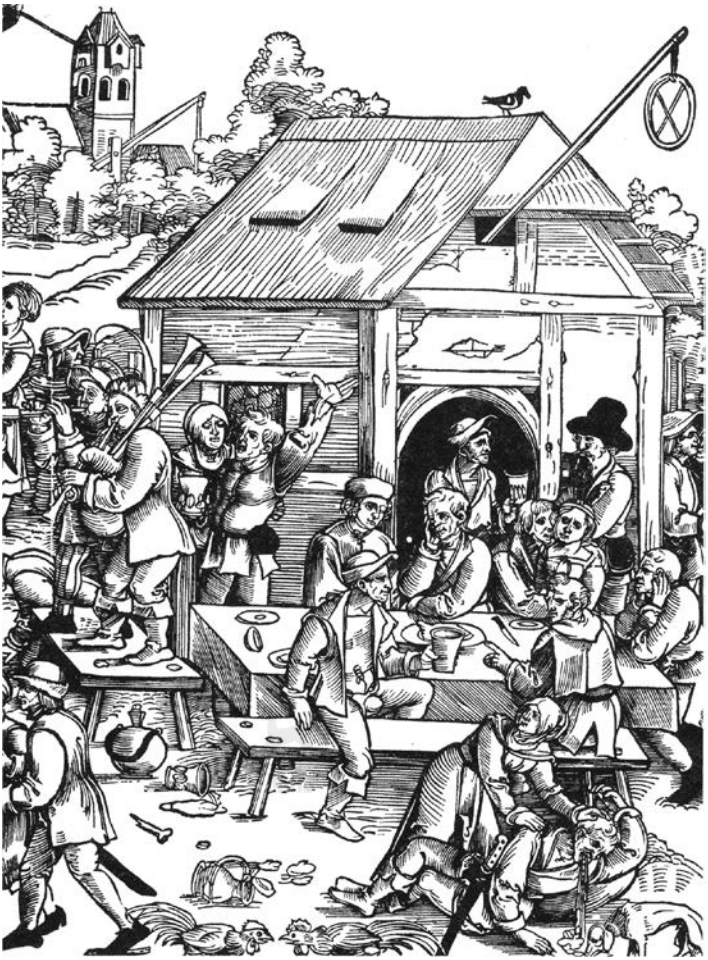
После ужина порой случается, что члены компании настолько воодушевлены обществом друг друга, а также прекрасными блюдами и напитками, что они не хотят расходиться, а решают вместе отправиться куда-либо продолжить веселье. Этот обычай, скорее всего, пришел из Германии, где его называют «Nachspiel». Однако в наше время и в нашей стране эти «продолжения» приносят один лишь вред: в отличие от немцев, никто не беседует

на возвышенные темы, приятное общение сменяется пустой болтовней, люди страдают от излишка алкоголя и ссорятся.

Золотая книга этикета *(1961)*

Возможно, финский автор был чересчур строг, критикуя своих современников и превознося алкогольную культуру Германии, где участники застолья якобы «беседуют на возвышенные темы». По крайней мере Эразм Роттердамский не особенно восхищался в этом отношении немцами, поскольку, по его словам, застолья в Германии как раз таки сводились к злоупотреблениям алкоголем, ссорам и пустой болтовне. В диалоге «Заезжие дворы» (Diversoria), который был опубликован в 1523 г. и представлял собой размышления на тему различий между французской и немецкой культурами постоялых дворов, нидерландский мыслитель рассказывает, каково было оказаться постояльцем в обычной деревенской гостинице в Германии в 1518 г.

Когда Эразм прибыл на постоялый двор, никто не обеспокоился тем, чтобы поприветствовать гостя, не говоря уже о том, чтобы предложить ему свои услуги. После того как он долго кричал, в воротах открылось маленькое оконце, и на вопрос его ответили небрежным жестом. Помыться было негде, и бедняга вынужден был грязным спуститься в жарко натопленный общий зал, где уже восседало около сотни грубых и дурно пахнущих постояльцев. В зале нестерпимо воняло, кто-то из гостей стирал белье, другие же мыли руки и сапоги, и все плевали на пол. Вино оказалось кислым, но когда Эразм сделал хозяину замечание, ему посоветовали



На немецкой гравюре XVI в. манеры простолюдинов отличаются приземленностью

сменить место ночлега, сопроводив это недружелюбное пожелание таким выражением лица, что, по словам автора, он испугался за свою жизнь. Как пишет Эразм,

владелец постоялого двора одних лишь дворян считал за людей.

Удивительно, какой поднимается крик и шум, когда головы людей разгорячены выпивкой. Никто не понимает, что говорит другой. Шуты и клоуны присоединяются к кутежу, и невозможно поверить, какую глубочайшую радость доставляют немцам такие люди, которые своим горлопанством, болтовней, криками, прыжками и драками едва не обрушивают себе на головы крышу здания, в котором сами же и кутят.

Эразм Роттердамский. Заезжие дворы *(1523)*

Когда ворота немецких городов в XVI в. захлопывались на ночь, а жители предместий возвращались домой, картину, открывающуюся взору на улицах, тяжело было назвать пристойной. Совершенно пьяные люди, шатаясь, шли по тротуарам, спотыкались и падали в грязь, раздвинув ноги так широко, словно бы, как скептически заметил один из современников, «между ними должна была проехать карета». Безудержное пьянство не было, таким образом, явлением, присущим исключительно эпохе Средневековья; на самом деле в XVI столетии во всех социальных слоях общества стали употреблять больше спиртного. Гравюры на дереве, выполненные в то время и сохранившиеся до наших дней, безыскусно воспроизводят жизнь простого народа. Люди, собравшиеся на ярмарке, практически поголовно пьяны, а кого-то уже рвет на собственные сапоги. Описание одной из попоек, сохранившееся с 1599 г., живо напоминает тематику вышеупомянутых рисунков.

Выпивохи не довольствуются одним лишь вином, они сражаются друг с другом своей посудой, словно копьями и молотами. Сперва самый знатный из них подначивает остальных и заставляет всю компанию осушить чаши до дна. После этого он побуждает сидящих напротив чокаться друг с другом. Вскоре приходится освобождать место для новых участников попойки, которые поспешают к столу со стаканами и кубками. И вот гости-бражники разгорячились, состязание в самом разгаре: сейчас пьем половину, а сейчас до дна, одним глотком, не выдыхая и не вытирая бороды. Подобно героям, сражающимся в поединке, каждый старается перепить другого. А того, кто победит и останется на ногах, все превозносят. Время от времени тем, кто лучше других умеет пить, даже оказывают почести и преподносят дары.

Немецкие питейные состязания *(1599)*

В Европе попойки долгое время оставались любимым времяпровождением горожан и солдат. В XVII в. для молодых венских офицеров отдельно составлялись правила, в которых подчеркивалось, что за столом у эрцгерцога стоит избегать опьянения и прочего грубого поведения: «Появляйтесь перед людьми в чистой униформе и не приезжайте на ужин, будучи пьяны, не пейте после каждого проглоченного кусочка пищи, и не плюйте на тарелку, и уж тем более не лакайте вино, словно дикие звери».

В XVIII в. отношение буржуазии и дворянства к алкоголю изменилось: безудержное пьянство стало

вызывать у них неодобрение. Массовое потребление алкоголя привело к тому, что представители этих сословий начали регулировать свои питейные привычки. Благообразные буржуа стремились к умеренности во всем и пили в основном вдали от людских взглядов. Аристократы и мещане хотели отличаться от черни, и это привело к тому, что в почет возвели другие напитки — во Франции и в Англии таким напитком стал кофе. Кофейни не желали иметь ничего общего с пивными погребами. Так, в самых первых английских кофейнях запрещено было браниться, играть в азартные игры и в особенности — пить спиртное. Эти заведения считались приличными местами, где не стыдно было, например, проводить деловые переговоры.

Алкоголизм придумали лишь в XIX в., и во Франции, к примеру, публичное представление о пьющих людях изменилось: место румяного пьяницы, веселого и разговорчивого, занял мрачный, агрессивный алкоголик, который вел себя просто преступно. Отчасти причиной подобной трансформации стали перемены в алкогольной культуре среди рабочих, которые предпочитали топить в вине невзгоды своей тяжелой жизни. Наряду с этим нельзя сбрасывать со счетов и пропаганду, проводимую представителями высшего класса: они хотели представить привычку работяг выпивать как алкоголизм, который уходил корнями в полное отсутствие морали среди пролетариата. В 1873 г. во Франции была организована широкомасштабная кампания по искоренению алкоголизма среди простого народа, однако ее организаторы, хотя и не говорили этого прямо, рассчитывали также положительным образом повлиять

Алкоголизм придумали лишь в XIX в., после чего образ веселого балагура-пьянчужки сменился образом мрачного алкоголика

на питейные привычки аристократов. Особую тревогу вызывал абсент, популярный среди дворян напиток, про который говорили, что он будто бы разрушает мозг и вызывает эпилепсию. В Англии прилюдное пьянство тоже вызывало осуждение: там в середине XIX в. ни один «человек чести» не мог уже больше появляться в пабах, поскольку они стали считаться заведениями для рабочих.

Сегодня жители «западного мыса Евразии» являются рекордсменами по употреблению спиртного. Европейцы, составляющие всего лишь $^{1}/_{8}$ населения планеты, выпивают половину всех производимых в мире спиртных напитков! Возглавляют статистику Франция, Австрия, Германия, Венгрия, Португалия и Швейца-

рия. Австралия и Аргентина — единственные государства за пределами Европы, которые входят в топ-двадцатку стран по потреблению алкоголя на душу населения, но и там бóльшая часть жителей унаследовала свои гены от европейцев.

Одно из свойств самодовольной человеческой природы заключается в том, что нам кажется, будто бы весь мир крутится вокруг стола, который мы накрыли. Свои собственные привычки в еде и питье всегда считаются превосходными и изысканными, в то время как пристрастия соседей кажутся примитивными и даже варварскими.

На протяжении столетий чванливые снобы составляли утрированные и оскорбительные описания чужих застольных привычек, будучи уверенными, что обычаи эти являются отражением сомнительных культурных традиций. Мы привыкли считать, что если чьи-то правила отличаются от наших собственных, то из этого автоматически следует, будто они плохие. «Хороший вкус» — удел власть имущих. Право определять за других ценности, моду и стиль заложено в самом понятии власти. Главенствующая культура всегда диктовала остальным, что является приемлемым, а что нет.

Так, питейные традиции бретонцев, народа, живущего на северо-западе Франции, вызвали в свое время безграничное удивление французов, в особенности утонченных парижан. Бретонцев, в отличие от них самих, не интересовали изысканные манеры, эстетика вкусов и салонная культура; наоборот, их стиль — это многочисленные шумные пирушки, по завершении которых

участники нередко просыпаются в канавах. Путешественники, ставшие в XIX в. свидетелями этих попоек, не понимали, что нарочитая манера бретонцев обильно употреблять алкоголь была призвана подчеркнуть разницу между будничной жизнью и значительными событиями, такими как карнавалы, свадьбы, похороны или, скажем, посещение ярмарки, и дружно критиковали их. В результате в Бретани был введен закон, ограничивающий публичное пьянство, а в общественном сознании утвердился образ вечно пьяного бретонца. Подобные слухи о жителях данного региона распространяли принадлежавшие к главенствующей нации французы, которые на деле употребляли больше спиртного и чаще умирали от цирроза печени, нежели высмеиваемые ими бретонцы!

Исследователь Ренье из Парижской медицинской академии считал алкогольные привычки жителей Бретани настолько серьезной угрозой, что в начале XX столетия даже объявил их вымирающим народом. А ученый по фамилии Ришар, эксперт в области физиологии и психологии, искренне верил, что эмигранты, покидающие родную страну, например ирландцы и поляки, пьют больше остальных европейцев, поскольку стремятся заглушить тоску по дому. Вообще ирландцы, в особенности в США, традиционно считаются народом, склонным к неумеренным возлияниям.

Согласно давно сложившемуся стереотипу, чем дальше на север, тем больше спиртного употребляют местные жители.

«Возможно, климат побуждает их пить. — Так в XVII в. писал о местных жителях сэр Уильям Темпл,

британский посол в Нидерландах. — Вполне вероятно, что хотя для человека, живущего в обычных природных условиях, переизбыток алкоголя может стать смертельным, он в то же время способен оживить определенные функции в организме тех, кто живет в дурном климате, и побудить к движению их застывшие душевные силы».

Подобного рода размышления заставят лишь усмехнуться скандинава, вывалившегося из бара и попыхивающего сигареткой на январском морозе. Север, где бы он ни находился, всегда считался мистическим местом обитания пьянчуг.

Застольные манеры

Если человек за едой сопит, как тюлень, и чавкает, словно неотесанная баварская деревенщина, то он отверг все приличия.
За столом не пристало засовывать пальцы в уши или в глаза, и уж тем более неприлично ковырять во время трапезы в носу. Эти три привычки — от лукавого.

Придворные обычаи *(XIII в.)*

Советы, подобные вышеприведенным, можно было найти в виршах под названием «Придворные обычаи» (Die Hofzucht), сочиненных немецким рыцарем и миннезингером Тангейзером в XIII в. Хотя автором Тангейзера в данном случае можно считать условно: он всего лишь запечатлел на бумаге эти и прочие фрагменты бо-

гатейшего фольклора, связанного с правилами хорошего тона в Средние века.

В XII–XIII вв. пособия по придворному этикету были крайне популярными, поскольку они приблизительно соответствовали современным книгам на тему «Как завести друзей, преуспеть и стать влиятельным человеком». Авторы их в особенности подчеркивали важность хороших манер за столом. Сейчас эти советы кажутся наивными и примитивными, написанными словно бы для детей, однако стоит помнить, что в Средние века культурный уровень читателей этих пособий был совершенно иным. Столовые приборы тогда еще только-только появились, то есть люди в основном брали еду из общей посуды руками, иногда помогая себе ножом, ели суп из одной миски, а также пили вино из общих сосудов.

Вот как Норберт Элиас сформулировал особенности средневековых застольных манер с точки зрения современного человека: «Эмоции людей, живших в Средние века, определяло такое коммуникативное поведение, которое по нынешним стандартам показалось бы невыносимым или по меньшей мере отвратительным. В их мире отсутствовали та невидимая стена чувств, которая в наши дни поднимается меж людьми, и та пропасть, которая мигом разверзается, когда ты лишь пытаешься прикоснуться к чему-то, чего недавно касались чужие губы или руки».

В ранних пособиях по этикету, предназначенных для дворян, хорошим манерам не дается никакого обоснования, в качестве объяснения авторы их постоянно ссылаются на социальный контекст: «подобное поведение

неуместно при дворе», «благородный человек так не поступает» и т.д. Однако уже у Тангейзера можно прочесть между строк, что настоящей причиной для того, чтобы вести себя прилично, служило чувство смущения, которое вызывало у людей чье-то дурное, или, иными словами, отклоняющееся от норм этикета поведение.

Хорошие манеры вошли в моду: написанные для дворян пособия по этикету стали популярными среди богатеющих мещан и чиновников. Представители этих сословий желали ощутить собственную значимость, проведя границу между собой и чернью, и одним из способов это сделать было перенять поведение у придворных. В какой-то момент нормы приличия заинтересовали также церковников, и христианское воспитание с его новыми поведенческими моделями начало усиленно распространяться среди простонародья. Таким образом, хорошие манеры получили христианское обоснование.

Проблемные столовые приборы

Если твой товарищ сидит справа от тебя, то есть следует левой рукой, и наоборот. Никогда не хватай пищу двумя руками!

Придворные обычаи *(XIII в.)*

Представляю, как шокировал бы подобный совет последователей пророка Мухаммеда. В исламских странах считается неприличным есть левой рукой, поскольку правая рука предназначена для того, чтобы брать

пищу, а левая — чтобы вытирать зад. В свою очередь, в западных странах бытовало множество важных, однако крайне странных правил, касающихся использования столовых приборов в самых разных ситуациях. На определенных этапах истории вилки, ложки и ножи являлись проблемой и представляли собой угрозу. Порой их не признавали совсем, как гласит следующая трагическая история.

В XI в. одну византийскую принцессу выдали замуж за венецианского дожа. Свадебный пир проходил в его роскошном дворце, и, когда во время ужина принцесса достала из сумочки вилку, присутствующие испытали немалое потрясение. Христиане того времени прекрасно знали, что за использование вилки — предмета, столь напоминающего трезубец Сатаны, — грешники были обречены на медленное поджаривание в адском пламени. А вскоре после свадьбы молодая жена тяжело заболела. Два столетия спустя кардинал Бонавентура, один из величайших теологов, впоследствии канонизированный католической церковью, рассказывал эту историю в назидание добрым христианам, заявляя, что причиной болезни августейшей особы якобы стало наказание, ниспосланное свыше за использование дьявольского трезубца.

Один немецкий священник объяснял инфернальную природу вилки тем, что Господь неспроста подарил человеку пальцы. Разумеется, пальцами во время еды можно пользоваться по-разному, и ранние правила этикета советовали знающим себе цену дворянам прикасаться к пище лишь тремя из них. Кроме того, в Средние века за столом также использовали ложку, правда

Королевские особы за трапезой.
Карикатура высмеивает короля Георга III

одну на всех: трапезничавшие по очереди черпали ею из общей миски похлебку. Уже в XIII столетии пособия по этикету советовали читателям не хлюпать ртом и не всасывать слишком громко суп из ложки.

И все же этот столовый прибор оставался редкостью, присутствующей исключительно в обиходе дворян: простой народ по-прежнему хлебал суп через край из общей миски. Приличия требовали вытереть краешек посуды перед тем, как передавать ее следующему едоку. Правила, регламентирующие использование личной ложки, встречаются в пособиях по этикету только в XVI в. В ту пору пить из одного кубка и есть из одной

посуды разрешалось лишь супружеской паре и можно было уже не полоскать пальцы в соусе.

Некоторые столовые приборы появились на столах богатых людей еще в Средние века, и их функция изначально была такой же, как и у хороших манер: подчеркнуть принадлежность к высшему сословию. Эти предметы, имевшие символическое значение, мастерили из дорогих материалов: к примеру, в XIII столетии ложки изготавливали из золота и инкрустировали хрусталем и кораллами. Вилки из драгоценных металлов получили распространение в конце Средневековья, и первое время они предназначались исключительно для того, чтобы брать пищу с общего блюда, в основном это касалось жаркого. Вообще вилка, или дьявольские вилы, долго пробуждала недовольство церковников в Западной Европе. Еще в XVI в. князь Монтеверди каждый раз после использования вилки за столом служил тройную мессу.

Хотя это, пожалуй, все-таки было исключением, поскольку в XVI в. вилка в качестве индивидуального столового прибора уже повсеместно распространилась среди дворян Италии и Франции. Разумеется, какое-то время ушло на то, чтобы выработать соответствующие навыки: так, поговаривали, что при дворе Генриха III Валуа, мать которого ввела во Франции моду есть вилкой, половина еды падала на пол, пока люди не научились использовать новый столовый прибор. В Англии же еще в середине XVII в. к вилкам относились с подозрением. Некий английский джентльмен, регулярно использовавший этот столовый прибор, получил от современников прозвище Furciferus, что приблизительно означает «Вилкодержатель».

Столовый нож как оружие

Вот вам совет: все, что можно разрезать без ножа, стоит делить на куски вилкой.

«Манеры высшего света»,
английское пособие по этикету *(1859)*

Нож — это не только столовый прибор, но при необходимости еще и оружие, поэтому неудивительно, что его использование за столом контролировалось тщательно, порой даже с усердием, достойным лучшего применения, как видно из вышеприведенной рекомендации. Можно утверждать, что история ножа — это история о страхах: по мере их разрастания увеличивалось и количество ограничений, накладываемых на него.

В XIII в. есть с помощью острого ножа считалось безобидной привычкой, запрещено было лишь ковырять им в зубах. В Средние века, когда существование находившихся на самой верхушке классового общества рыцарей было непредсказуемым и опасным, использование ножей еще не регламентировалось массой правил. Впрочем, к концу эпохи Средневековья одно правило уже возникло: строго-настрого запрещалось указывать острием на соседа или же на себя самого. Можно заметить, что, хотя опасность физической угрозы к тому времени существенно снизилась по сравнению с предыдущими столетиями, нож по-прежнему вызывал у людей опасения.

«Не держи острие ножа вблизи лица своего, ибо это возбуждает сильный страх» — так было написано

Нож не только столовый прибор, но и оружие

в «Книге вежливости» (The Book of Curtesye), изданной британским первопечатником Уильямом Кекстоном в конце XV в. В эпоху Нового времени количество правил, связанных с использованием ножей, лишь увеличилось, и, например, в пособии «Учтивые манеры» (Civilité), составленном французом Клодом Кальвиаком в 1560 г., мы можем встретить уже знакомый совет: «Если передаешь кому-либо нож, то из вежливости сам возьмись за острие и протягивай его рукояткой вперед».

Начиная с XVI в. применение ножей ограничивал свод все более и более жестких правил, которые касались, например, того, в какой руке этот столовый прибор необходимо было держать. В эпоху Нового вре-

мени общество несколько успокоилось в результате изобретения государственной монополии на насилие, а также благодаря тому, что люди научились контролировать себя — то есть освоили хорошие манеры, но, несмотря на это, пользуясь ножами, по-прежнему необходимо было соблюдать правила. Еще в 1850 г. авторы английских пособий по этикету советовали максимально воздерживаться от использования его во время трапезы.

Бесчисленные рекомендации и даже прямые табу, связанные с ножами, объясняются тем, что речь идет об опасном предмете, изначально служившем орудием убийства. Так что в данном случае все ограничения отражали стремление человеческого общества контролировать поведение отдельных его членов. Опасность не обязательно должна быть реальной, поскольку даже символическая природа ножа уже пробуждает страх. Таким образом, несмотря на то что объяснения тех или иных застольных манер с течением времени становятся все более рациональными и бытовыми, среди причин появления на свет этикета по-прежнему можно отыскать вызывающий неприятные ощущения эмоциональный фактор — а именно страх. Мы хотим держать под контролем не только то, что реально угрожает нашей жизни, но также предметы и жесты, представляющие чисто символическую опасность.

Правила, связанные с использованием столовых приборов, и в особенности ножей, являлись своеобразным методом разоружения. В Средние века, пока государство еще не контролировало царящее в обществе насилие, а жизнь была подчинена эмоциональным

порывам, каждый садился за стол с оружием — то есть с ножом. Однако, когда король Франции в XVII столетии заставил дворян собраться в Версале, он, можно сказать, разоружил буйствующих рыцарей. Природа поединков между представителями высших сословий изменилась: теперь сражаться приходилось при помощи не оружия, а интеллекта — демонстрируя начитанность и изысканные манеры.

В наши дни стандарт использования столовых приборов един во всем западном мире. Однако еще 500 лет назад в разных европейских странах за столом вели себя по-разному, о чем писал в своем пособии по этикету француз Клод Кальвиак.

> *Немцы используют ложку, когда едят суп или иную жидкую пищу; итальянцы же повсеместно пользуются вилкой; французы берут то, что им удобнее и по нраву. Итальянцы обычно предпочитают, чтобы за столом у каждого был свой нож. На это же обращают особое внимание и немцы, вплоть до того, что они сильно оскорбляются, если кто-то из едоков по незнанию возьмет их собственный нож или даже попросит одолжить его на минуту. Во Франции же обычай иной: все сидящие за накрытым столом используют два или три ножа, и это не создает никаких трудностей для трапезничающих.*
>
> Клод Кальвиак. Учтивые манеры *(1560)*

Еще больший интерес представляют различия, которые наблюдаются в застольных манерах жителей Европы и Китая. Китайская цивилизация древнее европей-

ской, и в этой стране нож исчез с обеденного стола еще несколько столетий тому назад. Блюда в Китае изначально готовятся так, что есть их можно без ножа, и за столом всегда пользуются специальными палочками. Неудивительно, что азиаты считают нас варварами, которые едят «с помощью мечей», как говорят китайцы. Развитие застольных манер в Китае пошло по иному пути, и это можно объяснить тем, что там подавали пример не рыцари, как в Европе, а принадлежащие к высшему сословию ученые чиновники, бывшие куда более мирным социальным классом.

С другой стороны, «упадок» хороших манер наблюдается сейчас в ресторанах быстрого питания, где, например, все едят гамбургеры руками, не испытывая при этом ни малейших угрызений совести по поводу дурного воспитания или отсутствия культуры. Разумеется, этому можно найти и более хитрое объяснение, которое удовлетворит пацифистов: еда в таких закусочных специально готовится так, чтобы не нужно было использовать ножи.

Блеск и нищета культуры

Когда бесконтрольный образ жизни, принятый в Средневековье, сменился культурой, в которой ограничивались проявления чувств и любое импульсивное поведение, застольные манеры также стали объектом пристального внимания. Любое «животное» поведение во время трапезы вызывало отвращение и негодование; социальное давление заставляло человека,

Старинные пособия по этикету изначально предназначались для дворян. Социально приемлемое поведение (хорошие манеры за столом и возведенная в абсолют аристократичность) было частью кодекса, призванного подчеркнуть разницу между дворянством и чернью

отклоняющегося от этикета, чувствовать страх и стыд. Негативное отношение к тем, кто «дурно» вел себя за едой, стало ритуалом и превратилось в повсеместную

практику, границы дозволенного сдвинулись, что повлекло за собой возникновение многочисленных запретов и табу. Эта практика будет существовать до тех пор, пока модель человеческого поведения, появившаяся на свет благодаря рожденной ею культуре, и структура межличностных связей не изменятся существенным образом.

Придворная культура Франции в XVII в. требовала строгого соблюдения правил этикета за столом. Самым главным блюстителем хороших манер выступал сам «король-солнце» Людовик XIV. Когда жена одного из министров во время ужина выхватила стул перед носом у некоей графини, это повергло короля в такую пучину негативных эмоций, что трапеза была полностью испорчена. Король заявил, что он стал свидетелем настолько невыносимой надменности и грубости, совершенно не приставшей дворянке, что напрочь лишился аппетита. Обе женщины вынуждены были весь вечер смиренно извиняться и успокаивать возмущенного монарха.

Манеры за столом до сих пор являются одним из критериев социального разграничения. Люди оценивают друг друга, обедая в изысканных ресторанах, где существуют свои правила, очень напоминающие придворный этикет. Ведь целью посещения дорогого ресторана является не только — и не столько — утоление голода, ибо это также вопрос образа жизни и стиля. Поведение официанта и клиента регулируется этикетом: жесты, положение тела, способы подачи блюд, использование столовых приборов, а также порядок, в котором гостей рассаживают за столом, — все это предопределено за-

ранее: строго, но элегантно. Этот код «цивилизованного» поведения делает ужин своего рода формальным событием.

Без хороших манер — никуда

И в наши дни, воспитывая детей, мы объясняем им правила этикета. С другой стороны, ребятишки учатся манерам, подражая старшим и используя примеры, которые предлагает им мир взрослых. Эразм Роттердамский, веривший в силу домашнего примера, избегал в своем трактате «О приличии детских нравов» назидательного тона, которого придерживались его современники и последователи, составляя учебники хороших манер, предназначенных для отпрысков из высших сословий. Так или иначе, обучение этикету всегда основывалось на провоцируемом извне подавлении присущих человеку импульсивных порывов. По крайней мере, именно так считал Элиас Норберт, который хоть и не являлся психологом, но утверждал, что, взрослея, дети просто забывают о том, что их чувства — стыд, удовольствие и гнев — были сформированы согласно общественным нормам, и это произошло под внешним воздействием с использованием наказаний.

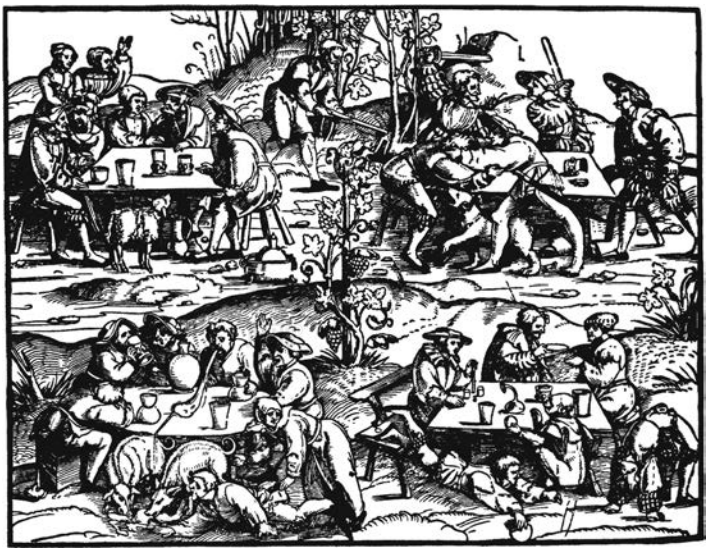
Французский священник и педагог Жан-Батист де ла Салль, впоследствии причисленный католической церковью к лику святых и провозглашенный небесным покровителем всех учителей, составил в начале XVIII в. пособие по воспитанию под названием «Правила доброго поведения и христианского соблюдения

приличий» (Les Règles de la bienséance et de la civilité chrétienne). Обратите внимание, какого менторского тона он придерживался в своем опусе.

> *За столом тебе надлежит пользоваться салфеткой, тарелкой, ножом, ложкой и вилкой. Совершенно неприлично трапезничать без использования приборов и посуды. Если ложка, вилка или нож испачкались в жире, облизывать их нельзя и тем более запрещается вытирать их или любой другой предмет о скатерть. За обеденным столом также не дозволяется все время сжимать в руке нож; достаточно брать его каждый раз, когда он понадобится. Вилку, в свою очередь, нельзя сжимать всей пятерней в кулаке, словно палку, но надлежит легко держать ее между пальцами. Вилкой нельзя есть жидкую пищу, ибо для сего предназначена ложка.*
>
> Жан-Батист де ла Салль.
> Правила доброго поведения
> и христианского соблюдения приличий *(1702)*

Несмотря на то что де ла Салль и прочие составляли свои пособия в расчете на детей из высшего сословия, их трудами заинтересовались во всех слоях общества. Дешевые книжицы после распространения книгопечатания было легко достать, и они зачастую использовались как домашние справочники, с которыми сверялись в ситуациях, когда надо было понять, как вести себя в обществе.

В наши дни правила хорошего тона обычно обосновывают в том числе и соображениями гигиены,



Об изысканности манер на этой гравюре и речи быть не может. Попойка оборачивается драками и прилюдным опорожнением желудка

это касается также и застольных манер (конечно, если взрослым людям вообще нужно их как-то обосновывать). Однако в Средние века и даже в начале Нового времени о гигиене еще не слыхали, да и понятия о чистоте были тогда совершенно иными, нежели сейчас. Поскольку в разгар Средневековья никаких столовых приборов, кроме пальцев, еще не существовало, омовение рук перед трапезой считалось крайне важным. Руки мыли непосредственно за едой, и передача чаши для омовения стала ритуалом вежливости. Учтивым считалось разделить чашу с соседом по столу, и еще более вежливым было омыть руки соседа, в особенности

дамы. Отказ от омывания рук расценивался как грубое оскорбление.

То, что происходило после еды, считалось второстепенным. Руки никто зря не мыл, и пальцы, ставшие жирными от мясных блюд, попросту облизывали или же вытирали об одежду. Придворные дамы из свиты немецкого короля Конрада III, правившего в XII в., разрешали почетным гостям вытирать руки о свои белые одежды. «Невозможно представить себе вежливость превыше этой», — писал один из современников, впечатленный подобным гостеприимством.

Использование личных салфеток вошло в обиход в XV в., однако долгое время оставалось неясным, как именно ими пользоваться: так, архиепископ Джованни делла Каза в своем опусе «Галатео, или Об обычаях» обличал тех, «кто, как порой бывает, за столом ведет себя не лучше свиньи, уткнувшей рыло в пойло; кто, не подымая головы, набивает рот так, что щеки чуть не лопаются, точно у играющего на трубе или раздувающего огонь, — поистине не ест, а объедается... кто, вымазав руки чуть не до локтя, отделывает салфетку так, что тряпка в отхожем месте кажется чище. Не то этой же салфеткой бесстыдно утирает пот, обильно выступающий от спешки и обжорства и капающий со лба, с лица, с шеи, или даже прочищает нос, когда случается надобность».

Однако уже в XVI в. Эразм Роттердамский подчеркивал, что невежливо после еды облизывать жирные пальцы или вытирать их об одежду.

В наше время никому и в голову не придет искать в пособиях по этикету элементарные правила исполь-

зования столовых приборов, поскольку многовековой процесс цивилизации сделал их частью базовой культуры, которую мы впитываем еще в раннем детстве. К тому же мы сегодня острее ощущаем неловкость, и потому чувство стыда при разговоре о «неприемлемых вещах» вспыхивает в наших современниках ярче, чем в былые времена о чем и пойдет речь в следующей главе.

Глава 4

Естественные надобности и телесные выделения

Газы

Есть те, кто приказывает, чтобы мальчики силою сжатых ягодиц удерживали внутри звуки, животом издаваемые, но подобная попытка соблюсти приличия вредна, поскольку вызывает болезни. Если есть выбор, то лучше выпустить газы в одиночестве. В противном случае следует, как водится, прикрыть кашлем непотребный звук.

Эразм Роттердамский.
О приличии детских нравов *(1530)*

В Средние века прилюдно выпускать газы не считалось чем-то зазорным. Рожер I, носивший титул великого графа Сицилии, правил островом с 1071 по 1101 г. Бенедиктинский монах Гоффредо Малатерра отмечал, что этот человек, нормандец по происхождению, был прекраснейшим, велеречивейшим и наихрабрейшим правителем. Тем не менее он позволял себе публично портить воздух. Арабский историк Ибн аль-Асир пишет о том, как посол короля Балдуина посетил двор

Рожера и предложил тому вместе отправиться завоевывать Северную Африку. Присутствовавшие при встрече дворяне с восторгом приняли это предложение, однако Рожер поднял ногу, издал крайне громкий и характерный звук и заявил, что это гораздо лучший совет, нежели тот, который дали сановники.

В Средние века полагали, что вонь кишечных газов — это запах самого дьявола. Поскольку на небесах все источало тонкие ароматы, люди верили, что ад является во всех отношениях противоположностью рая, — это же касалось и запахов. Считалось, что на шабашах колдуны и демоны катаются в моче и экскрементах, а также пьют и едят их. Во время процессов над ведьмами одним из главных обвинений против несчастных женщин было то, что они якобы целовали ледяной зад Сатаны. Таким образом, естественные выделения человеческого тела — кал, моча и сперма — использовались неестественным образом.

Телесные потребности и выделения в Средние века пробуждали в людях интерес, что приводило к самым разнообразным верованиям. Как же относились к публичному испусканию газов в пособиях по этикету? Эразм Роттердамский, как мы уже упоминали, уделял в своем труде внимание этому вопросу.

> *О болезнях: прислушайтесь к старой максиме о звуках, животом издаваемых. Если можно выпустить газы беззвучно, то сие будет наилучшим выходом, если же нет, то все же лучше выпустить воздух громко, нежели насильно удерживать его внутри.*
>
> Эразм Роттердамский.
> О приличии детских нравов *(1530)*

Сидя за столом, следовало избегать движений, которые могли породить звук, вызывающий ассоциации с порчей воздуха.

> *Качаться на сиденье, ерзая с одной ягодицы на другую, — это манера человека, часто пускающего ветры или притворяющегося, будто он так поступает.*
>
> Эразм Роттердамский.
> О приличии детских нравов *(1530)*

Подобные инструкции говорят о том, что еще во времена Эразма газы не являлись запретной темой, которую нельзя было бы обсуждать открыто и рационально. Эразм Роттердамский приводит аргумент медицинского характера: по его мнению, лучше уж пукнуть, нежели сдержаться и в итоге заболеть. Правда, он все же рекомендует по возможности соблюдать приличия, призывая либо пускать ветры беззвучно, либо маскировать конфуз кашлем или иным громким звуком. На практике, однако, дела обстояли иначе. Книги Франсуа Рабле, например, рисуют отличную картину нравов того времени и рассказывают, что в XVI в. к порче воздуха относились с изрядной долей юмора. Во всяком случае, проблема эта в те времена не слишком беспокоила посетителей постоялых дворах и пивных погребов.

Мартин Лютер, который не чурался никаких тем: критиковал церковь, откровенно писал о вине, женщинах и современных ему нравах, — обосновывал свою привычку пускать газы тем, что это превосходный способ отогнать дьявола: «Я могу противостоять бесам и чаще всего отпугиваю их раскатистым пуканьем».

«Громкие вопли, рыгание и отвратительная порча воздуха — этого достаточно, чтобы любого разумного человека заставить стыдиться своей природы» — вот мнение современника о посетителях английских пивнушек XVIII в. Интересно, что бытописателя шокировали «непристойные» запахи, а не само пьянство. В XIX столетии мнение медиков о том, надо ли сдерживаться, кардинально изменилось. Если во времена Эразма Роттердамского боялись, что это может привести к болезни, то теперь считалось, что портящий воздух человек попросту не желает контролировать низменные инстинкты.

Хотя в наши дни случайный пук может привести к неловкой ситуации, все же эта тема не является табу. Порча воздуха постоянно служит предметом шуток не только среди школьников, но и, например, обыгрывается в различных телешоу. За раскрепощающим смехом, однако, по-прежнему скрывается чувство неловкости, которое мы пытаемся смягчить с помощью веселья.

Дефекация и мочеиспускание

Невежливо приветствовать человека, который мочится или испражняется.

Эразм Роттердамский.
О приличии детских нравов *(1530)*

По моему разумению, не следует также, выйдя по нужде и возвратясь, мыть руки пред всей честной компанией, ибо знающим, по какой причине он мо-

В XIX в. пускание газов считалось проявлением животных инстинктов. Иллюстрация Обри Бердслея к «Лисистрате» Аристофана. 1896 г.

ет руки, может явиться в воображении кое-что нечистое. Оттого же нехорошо, наткнувшись дорогой на гадость, как иной раз случается, призывать спутников и на нее указывать. Еще хуже совать им под нос что-либо вонючее, как иные делают с великой настойчивостью, говоря: «Благоволите понюхать, как воняет!» — нет чтобы сказать: «Не обоняйте это, ибо оно воняет».

Джованни делла Каза.
Галатео, или Об обычаях *(1558)*

Советы, приведенные в старинных пособиях по этикету, зачастую касаются времени, когда испражнения не являлись чем-то тайным и постыдным, но воспринимались как нечто совершенно обыденное. В Средние века и в эпоху Нового времени чернь справляла нужду где придется, зачастую без вспомогательной посуды или же при помощи горшка, содержимое которого позже выплескивалось прямо на улицу. Общественных туалетов, предназначенных для простонародья, было очень мало: так, к примеру, в конце XIII — начале XIV в. в районе Лондонского моста на 138 домов имелась лишь одна уборная, из-за чего жильцы ничтоже сумняшеся предпочитали справлять нужду прямо в текущую неподалеку Темзу. Также подходящими местами для отправления естественных надобностей считались внутренние дворики и темные переулки. Не было ничего необычного в том, что как в домах знати, так и в лачугах бедняков на видном месте красовался горшок с плавающими в нем экскрементами. Когда один лондонский купец, живший в XVII в., не нашел в чужом доме горшка, он без лишних

экивоков помочился в камин. Дворяне также справляли нужду без особых стеснений, и порой дворцовые камины заменяли им нужники.

Из-за отсутствия канализации улицы европейских городов утопали в фекалиях. «Повсюду видны горы отбросов, а ноздри забивает тысяча отвратительных запахов», — отмечал современник.

В Эдинбурге, например, еще в XVIII в. пешеходам следовало соблюдать крайнюю осторожность и быть очень внимательными, чтобы не оказаться под душем из мочи и фекалий: ночные горшки раз в сутки опорожняли из окон прямо на мостовую. Вежливым считалось заранее громким голосом предупредить проходивших мимо, чтобы они успели убраться из-под окон. Выплеснутые испражнения оставались на улице до утра, когда городские службы принимались за очистку мостовых.

Поскольку столкнуться с фекалиями можно было повсеместно, к ним также относились вполне естественно (с точки зрения современного человека, даже слишком естественно). Так, кал порой использовали довольно оригинально, как можно узнать из написанной в XVI в. Циммернской хроники. Там рассказывается, что в последний вечер Великого поста во дворце графа Андерса Зонненберга на стол подали собачьи экскременты, которыми собравшие за ужином знатные дамы и господа в шутку измазали головы друг друга. Скорее всего, речь шла о каком-то ритуале, поскольку в хронике указано, что «в наши дни от сего обычая отказались, поскольку экскременты портят одежду и стены».

Когда в XVII в. у некоей дамы во время театрального представления в Лондоне приключился понос, бед-

Юмор XVI в. Мужчина испражняется на стол

ная женщина вынуждена была справлять нужду на углу одной из деловых улиц столицы, поскольку публичных уборных практически не было. То есть Эразм Роттердамский не просто так писал, что невежливо приветствовать человека, который опорожняет кишечник. Советы, касающиеся испражнения и мочеиспускания, встречаются в пособиях по этикету XVI столетия, что указывает на уже тогда существовавшие попытки контролировать эту сферу человеческой жизни, однако в ту

Содержимое ночного горшка выплеснули прямиком на шляпу прохожего. Рисунок Уильяма Хогарта. XVIII в.

пору, в отличие от более позднего времени, о «постыдных» вещах еще можно было говорить относительно открыто. Справлять нужду на улице было совершенно нормальным явлением. О публичности этих процессов, которые ныне считаются интимными, свидетельствует, например, тот факт, что еще в XVIII в. на аристократических балах принято было на отдельном столе выставлять в ряд ночные горшки, для того чтобы дамы и господа могли после ужина справить естественные надобности.

Неспешное появление нужников

Разумеется, более предпочтительным вариантом, нежели ночной горшок, была уборная. В Средние века наиболее передовые в санитарном отношении помещения имелись в монастырях, где монахи и монахини жили в чистоте не только духовной, но и физической: отходы из уборных выводили либо по канализационным трубам, либо через специально выкопанные под нужниками канавы. Поскольку распорядок жизни в монастырях был строгим и подчинялся общим правилам, естественные нужды также справляли по часам, и поэтому монастырские туалеты зачастую оснащались большим количеством отверстий. Также в Средние века в дворянских замках были распространены общие для всех обитателей туалеты, которые стремились сделать более удобными, размещая их вблизи дымовой трубы, чтобы было теплее.

То есть нужники существовали уже давно, однако с приватностью в них дела обстояли плохо: так, в зда-

нии городской ратуши Йорка власти решили возвести стены в общественной уборной при зале переговоров лишь в XVII в. Открытыми были также и предназначенные для дворян туалеты, даже самые роскошные из них. Шикарный клозет был в ту пору таким же предметом гордости, как в наши дни дорогой автомобиль. Зародившаяся в эпоху Нового времени помпезная придворная культура оставила свой след на туалетных сиденьях, которые смягчали с помощью бархатных подушек и украшали вышивками и бахромой. При дворе Людовика XIV, например, таких ласкающих глаз приспособлений насчитывалось 264. Подобная роскошь объяснялась вовсе не пристрастием короля к гламуру; дело в том, что сиденье подчас заменяло трон: монархи, отправляя естественные потребности, могли одновременно заботиться о выполнении обязанностей, принимать гостей и провозглашать новости государственной важности. Так, к примеру, Людовик XIV объявил о своей помолвке, восседая на горшке.

Однако уже в XVII столетии почетное сиденье старались всячески прятать. Например, в жилищах французского дворянства можно было подчас обнаружить стопки скучно выглядевших книг, и под обложкой верхней из них скрывалось туалетное отверстие.

Несмотря на то что первый туалет со смывом появился лишь в XIX в., идею ватерклозета представил еще в 1569 г. сэр Джон Харингтон, крестник английской королевы Елизаветы I. А еще раньше Леонардо да Винчи, автор многочисленных изобретений, также пытался сконструировать приспособление, которое помогало бы справлять естественные потребности. Однако

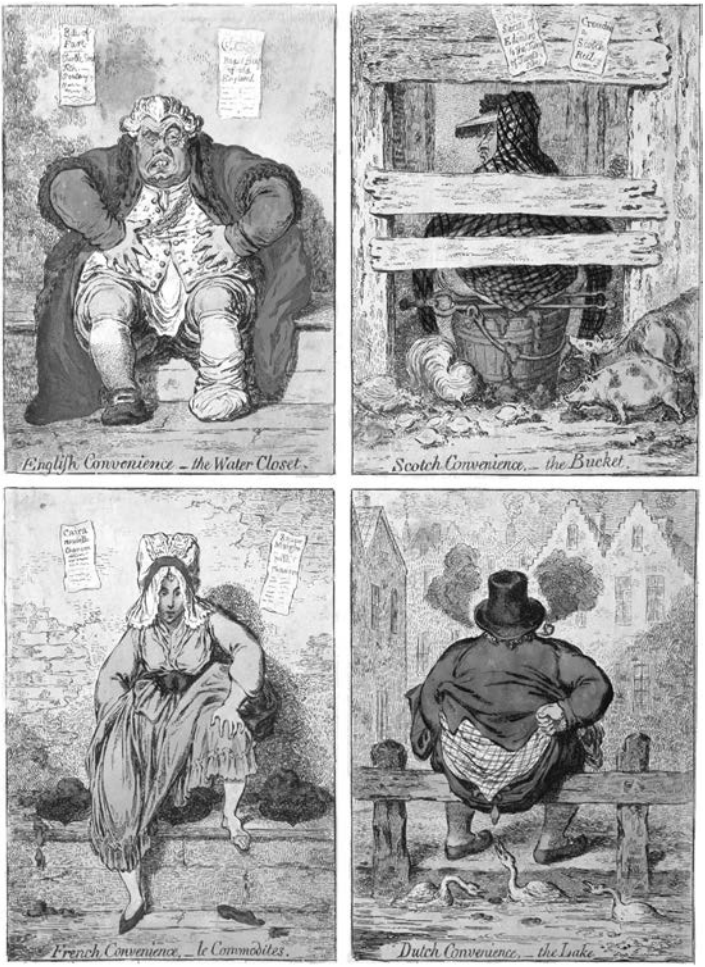
людей, живших в XVI в., ватерклозет нимало не интересовал. В элегантную эпоху туалеты и правда были роскошными, но это вовсе не означает, что на гигиену уборных обращали особое внимание.

Окончательно культура санитарных помещений изменилась лишь в XIX столетии, когда в Европе появилась канализация. Городские жители, однако, поначалу протестовали против канализационных труб, поскольку с их появлением лишились возможности продавать фермерам свой кал в качестве удобрения. С возникновением канализации человеческие экскременты в буквальном смысле слова провалились под землю.

С глаз долой

Если сравнить прямолинейный запрет на приветствие справляющего нужду человека, который содержится в трактате жившего в XVI в. Эразма Роттердамского, с советами, появившимися в пособиях по этикету на два столетия позже, то можно заметить, насколько за это время в обществе усилились деликатность и чувство стыдливости. Прекрасным примером может послужить упоминавшееся уже пособие француза де ла Салля, написанное в начале XVIII столетия, а затем выдержавшее множество переизданий.

Когда подступает нужда, то отойди в место уединенное. Вообще все естественные нужды как взрослым, так и детям стоит справлять там, где вас никто не видит. Крайне невежливо любым способом



Английская карикатура XVIII в. представляет различные виды общественных уборных. Сверху английский и шотландский, снизу — французский и голландский способы «делать дела»

пускать газы в компании других людей, даже если это и возможно проделать беззвучно.

Жан-Батист де ла Салль.
Правила доброго поведения
и христианского соблюдения приличий *(1702)*

В свою очередь, в пособии, выпущенном в 1774 г., весь предыдущий абзац ужался в следующее лаконичное предложение: «Что касается телесных потребностей, то уместно как детям, так и взрослым делать это там, где вас никто не видит». То есть по мере повышения в обществе уровня стыдливости люди перестают называть вещи прямо и начинают использовать эвфемизмы.

В наше время в пособиях по этикету уже нет даже упоминаний о «естественных нуждах». Публичная дискуссия обходит тему телесных потребностей и выделений, а стыдливость, связанную с этими вопросами, дети впитывают с младых ногтей благодаря внутрисемейной социализации.

Если публичный разговор об испражнении стал казаться чем-то постыдным и достойным осуждения, то также и сам акт дефекации превратился в глубоко интимный процесс. Норберт Элиас в своей цивилизационной теории называет туалеты техническим аспектом контроля поведения, с помощью которого вызывающие смущение действия стремятся вынести за пределы общественной жизни и спрятать за кулисами. Уборные и прочие технические чудеса цивилизации не появились на свет сами собой, а стали ответом на проблемы, возникшие в результате нового стандарта поведения в социуме.

В норме человек посещает уборную в среднем 4–6 раз на дню, однако если он пьет спиртное, например пиво, то начинается настоящая свистопляска. Алкоголь уменьшает выделение регулируемого гипофизом гормона, и мочеиспускание учащается. Если участник фестиваля Октоберфест быстренько осушит пару кружечек пива, то его спотыкающийся взгляд должен наткнуться на туалет спустя как минимум час. Согласно исследованию, опубликованному в журнале *New Scientist*, человек в среднем проводит в уборной 1 минуту (мужчины 39 секунд, а женщины 89 секунд). Если каждый участник фестиваля выпивает по 2 кружки в час, то в течение следующего часа одну кабинку будут осаждать приблизительно 60 страждущих. Таким образом, на 10 000 пивных энтузиастов должно иметься порядка 167 туалетов. Если же человек в час опустошает более 2 кружек, то клозетов на всех уже не хватит, а мочевой пузырь не особенно любит ждать. Когда количество жидкости в нем достигает определенного уровня, человеку приходится смиренно слушаться зова природы, будь он в помещении или на улице. В этом каждый из нас убедился на собственном опыте. Да взять хоть участников праздника Сан-Фермин в испанском городе Памплона. Некоторые гости, конечно, участвуют в забаве под названием «энсьерро» и убегают по улицам от разъяренных быков, но абсолютное большинство предпочитает накачиваться алкоголем и поливать из своего шланга окрестные улицы.

Как установил нидерландский культуролог Питер Спиренбург, нигде в мире не могут похвастаться абсолютным контролем над прихотями тела: посетитель

амстердамского кабака, после весело проведенного вечера мочащийся в канал, — явление довольное частое. Сомнительной чести также удостоилось и славящееся своими родовитыми правителями княжество Монако, когда в 2000 г. мужа принцессы Каролины поймали за «мокрым делом» у Турецкого павильона во время Всемирной выставки в Ганновере.

Плевки

Зевая, не стоит хрипеть и хрюкать, а при разговоре с людьми недопустимо, чтобы слюна изо рта летела в лицо собеседнику. Если вам нужно сплюнуть, то делать сие надлежит в укромном месте и ни в коем случае не под ноги собеседнику.

Пособие по этикету *(XVII в.)*

В наши дни плеваться «разрешено» только при выполнении какой-либо тяжелой физической работы или при тяжелых нагрузках, скажем спортсменам. В то же время плевок в обычной бытовой ситуации рассматривается как нечто неприличное. Однако в древности, на протяжении достаточно длительного времени, плевку приписывалось особое значение: он считался магическим способом скрепить клятву или сделку. А в странах Средиземноморья, да и не только там, с его помощью оборонялись от злых сил. Например, если навстречу шел человек, которого считали колдуном или ведьмой, нужно было сплюнуть наземь, чтобы защититься от его чар. И в наши дни суеверные люди

Пирушка в кабаке. Одна из женщин плюет вином в лицо другой

порой трижды плюют через плечо, если дорогу им перебежала черная кошка.

В иных практических ситуациях плевок в Средние века был вещью обыденной, которую регламентировали лишь незначительно: так, за обедом плевать дозволялось только под стол, а не на или через него, а также крайне невежливым считалось плюнуть в чашу для омовения рук. В эпоху Средневековья плевки не были лишь дурной привычкой, а люди испытывали настоятельную потребность часто сплевывать.

В XVI столетии отношение к этому изменилось, слюна стала пробуждать отвращение, и на плюющих людей начали посматривать косо. Так, Эразм Роттердамский писал: «Если выплюнул что-то изо рта, то прикрой это ногой, а если нет возможности сплюнуть наземь, то прикрой рот платком и плюнь в него». Эразм также различал естественную потребность сплюнуть и привычку, которая была достойна лишь осуждения. Еще в 1702 г. де ла Салль писал, что не стоит воздерживаться

от плевков, поскольку «крайне невоспитанно и отвратительно глотать то, что необходимо было выплюнуть». Однако эту манеру начали все больше контролировать, и к середине XIX в. авторы пособий по этикету уже решительно не одобряли ее.

> *Плеваться — отвратительная привычка. Никогда ей не поддавайся. Мало того что сие выглядит неаппетитно и вызывает отвращение, плеваться еще и крайне опасно для здоровья.*
>
> Манеры высшего света, пособие по этикету *(1859)*

В начале XX в. распространение правил гигиены, достижения медицины и повсеместная боязнь микробов привели к тому, что ранее располагавшиеся на виду плевательницы сперва задвинули в темные углы, а затем и вовсе отказались от их публичного использования. Прекрасная иллюстрация того, насколько сильное влияние может оказать на общество цивилизационная культура: в крайних случаях она формирует поведение человека на куда более глубоком уровне, нежели формальное заучивание и исполнение правил.

Сморкание

В Средние века абсолютно все сморкались при помощи пальцев, и в низших социальных слоях эта привычка сохранилась надолго. Согласно старинным пособиям по этикету, было неприлично сморкаться той же рукой, которой ты брал пищу и ел из общей посуды.

Существовали также свои тонкости: сморкаться в кулак считалось постыдным, в то время как очистить нос с помощью двух пальцев — «всего лишь» неприличным. В «Книге вежливости» Кекстона от 1477 г. подчеркивалось, что после сморкания пальцы приличествует вытереть о рубаху.

Носовой платок изначально был статусным символом знати: в XVI в. простонародье сморкалось в кулак, средний класс — в рукав, а богатого и высокородного человека можно было отличить по носовому платку. Трактат Эразма Роттердамского хорошо иллюстрируют связь между принадлежностью к тому или иному сословию и манерой прочищать ноздри.

> *Сморкаться в шапку или в подол — привычка крестьян, вытирать нос рукавом или изгибом локтя — мещан, не намного более воспитанно также проделывать это пальцами, а затем обтирать их об одежду. Прилично же очищать нос платком, при этом стоит чуть отвернуться в сторону, если рядом находятся знатные люди. Если же на земле остался след после того, как ты высморкался двумя пальцами, разотри его ногой немедленно.*
>
> Эразм Роттердамский.
> О приличии детских нравов *(1530)*

В эпоху, когда сморкаться при помощи пальцев еще дозволялось, серьезным аргументом служило то, что глотать слизь было непристойно. После введения в обиход носового платка деликатность стала предъявлять новые требования к его использованию, в частности

появилось правило о том, что не стоит разглядывать содержимое платка. Делла Каза в 1558 г. сформулировал это в куда более язвительной форме: «Не надо также, высморкавшись, разворачивать носовой платок и глядеть туда, будто ожидая обнаружить там невесть какие перлы и рубины, ибо зрелище сие тошнотворно для присутствующих». Пару сотен лет спустя появились еще две рекомендации на этот счет: сморкаться теперь следовало по возможности бесшумно и при этом необходимо было отвернуться в сторону.

Фу, как стыдно!

До сих пор дети могут пукать и справлять нужду публично — по крайней мере, до определенного возраста ребенку разрешается пописать там, где этого не может сделать взрослый. Социально определенная граница детства является одним из главных инструментов цивилизации. По мере взросления с разнообразными физиологическими аспектами человеческой жизни начинает связываться все больше заложенного в нас обществом чувства стыда и страха. Удовольствия, связанные с проявлениями физиологии, становятся интимными, поскольку с социальной точки зрения единственным приемлемым к этому отношением является отторжение и стыд. Процесс взросления означает, что естественные потребности человека задвигаются все дальше, в темный угол приватности. Если ребенок не подчиняется общественным нормам, его считают сложным, проблемным, а то и больным или даже ненормальным.

Бог вина Бахус мочится на мужчину.
Немецкая гравюра. 1522 г.

Импульсивному образу жизни, который практиковался в Средние века, были свойственны поведенческие модели, которые сейчас позволительны лишь детям, да

и то до определенного возраста. Мы уже отмечали ранее, что старинные пособия по этикету, предназначенные для взрослых, по своему содержанию и менторскому тону напоминают манеру, которую современный человек использует при воспитании детей. Объясняя ребятишкам, что необходимо вести себя прилично, воспитатели долгое время обосновывали это божественным всеведением: «Ангелы всегда с тобой, а они любят в мальчиках приличие, этого лучшего соратника и защитника чистоты». Таким образом стыд, возникавший при отклонении от социально приемлемого поведения, насаждали глубоко в сознание ребенка, превращая его в «голос совести».

Упоминание Господа и ангелов долгое время сохранялось в качестве инструмента воспитания подрастающего поколения, в особенности среди простонародья. Религиозные отсылки позже сменились обоснованиями, связанными с гигиеной и здоровьем, однако детям об этом рассказывали не в такой мере, как взрослым, в среде которых осуществляли просветительскую работу. Это привело к тому, что во взрослой культуре истинные причины, по которым человек стремится соблюдать чистоту, являются не рациональными, а базируются на чувстве стыда и отвращения.

Со временем модель так называемого хорошего, цивилизованного поведения изменилась не только с точки зрения обоснования причин. Ранее санкции за отклонения от нормы были куда более мягкими, нежели сейчас. Так, уже в XVI в. соприкосновение с человеческими испражнениями осуждалось, однако тогда подобные конфузы рассматривались исключительно как урон хоро-

шим манерам и утонченности, тогда как сейчас интерес к фекалиям трактуется как патология, извращение, которое в худшем случае может привести человека к изоляции в заведении известного толка.

Внешняя чистота

Казалось бы, с тех пор, как люди поняли значение гигиены, было бы вполне логично обосновывать контроль над разнообразными телесными выделениями пользой для здоровья. Разумеется, это тоже сыграло свою роль, как можно заметить из приведенной ранее рекомендации, запрещающей плевки любого рода. И все же в данной области доводы гигиены влияли на цивилизационный процесс куда в меньшей степени, нежели причины эмоционального характера, в основе которых лежали человеческие взаимоотношения.

В Средние века омовения были связаны также с духовным очищением — то есть принятая ванна в буквальном смысле смывала грехи. Однако уже тогда хватало скептиков. Так, один средневековый автор ругал датчан за изнеженность, поскольку у них имелась привычка ежедневно причесываться, часто менять одежду и мыться каждую субботу. Согласно немецкому своду рыцарских правил XIII столетия, лишь легкомысленные мужчины принимали ванны. То есть, по мнению одних, банные процедуры были занятием слишком женственным, тогда как другие считали принятие ванн бесстыдным плотским развлечением. Эти обвинения трудно назвать беспочвенными, поскольку в ту пору для

Рыцарь готовится принять ванну вместе с юной девой. Согласно жившему в XIII в. трубадуру Тангейзеру, подобные купания в обществе прекрасных дам обходились недешево

рыцарей все не ограничивалось одним лишь простым мытьем. Когда они возвращались с турнира, их обычно купали юные девушки. Некий поэт живописал, как он разреза́л жаркое из птицы, сидя в ванне «в окружении трех юных девственниц».

Если рыцари принимали банные процедуры преимущественно ради плотских наслаждений, то простолюдины к воде не прикасались даже пальцем. Французские крестьяне в XIII в. мылись крайне редко. В знак выражения дружбы чернь давила друг на друге паразитов. В жизни человека подчеркивалась важность скорее духовной, нежели физической чистоты. Редкое мытье

никогда не затрагивало интимных зон: оно было предназначено исключительно для «чистых» частей тела, необходимых для молитвы и принятия пищи, то есть лица и рук.

В то же время в Средние века хватало публичных купален и бань, которые были очень популярны — отчасти благодаря практиковавшейся в них проституции. В XIV в. церковь начала относиться к купальням с прохладцей, называя их гнездами разврата. В XV столетии большинство публичных банных заведений было закрыто из-за нехватки древесины для отопления, а также из-за распространявшегося в них сифилиса.

В XVI в. в Европе начался продлившийся два столетия период, во время которого личной гигиене не уделяли особого внимания даже представители высших сословий: так, английская королева Елизавета принимала ванну один раз в месяц, «нуждалась она в этом или нет». Ежедневно умывали лишь лицо и руки, да и то реже, чем ранее. С распространением столовых приборов привычка мыть руки перед едой более не считалась важной. На Британских островах дела с гигиеной обстояли еще хуже, чем в континентальной Европе: головы людей кишели вшами, а умываться никто и не думал. В XVII в. в Англии особенно непристойным считалось мытье интимных участков тела: так, французское биде у англичан не прижилось, потому что бытовало мнение, якобы его используют исключительно с целью подготовиться к оральному сексу.

Нужда в умывании практически отпала после того, как из Италии по всей Европе распространилась мода на духи и ароматизированную пудру. При французском

дворе знать «умывалась», ополаскивая руки в воде и сбрызгивая лицо несколькими каплями кёльнской воды — одеколона. Нижнее белье практически не меняли, и даже среди простыней роскошного ложа короля Людовика XIV порой находили паразитов. Неприятные запахи маскировали духами, а грязь — пудрой.

Французский врач Луи Саво в своем опусе, вышедшем в свет в 1624 г., утверждал, что новомоднейшее изобретение — постельное белье — поможет соблюдать гигиену надежнее и лучше, чем баня. В 1782 г. авторы английского пособия по этикету советовали читателям каждое утро обтирать лицо белым платком; воды же, по их мнению, следовало избегать — она могла сделать кожу чрезмерно нежной и чувствительной.

Если в XVII в. в Северной Европе над «цивилизованной» привычкой пудриться и душиться, вместо того чтобы мыться, смеялись, то в XVIII столетии шведы также пришли к типичной для эпохи Просвещения идее, что банные процедуры опасны для здоровья. Шведские врачи ужасались финскому обычаю ходить в сауну дважды в неделю, а летом так и вовсе каждый день. Лиценциат Антон Роландсон Мартин в 1765 г. опубликовал исследование, в котором назвал привычку финнов купать детей пагубной и безрассудной, поскольку это, по его мнению, вело к сильным запорам.

Только в XIX в. в Европе на личную гигиену стали обращать больше внимания. Один английский врач писал, что лондонцы уже выучились мыть руки и лицо каждый день, однако прочие части тела по-прежнему не знают воды годами. Чистоту телесную стали связывать с духовной, повторяя, по сути, старую добрую поговор-

ку «В здоровом теле здоровый дух». В высших слоях общества идея о необходимости гигиены быстро нашла приверженцев, ведь с ее помощью легко было выделиться на фоне «вонючей черни». Тем не менее распространение в обществе принципов гигиены тормозило множество крепко засевших в головах людей предрассудков. Ален Корбен описывал, насколько сложные предубеждения приходилось преодолевать тем, кто занимался просветительской работой во второй половине XIX в. во Франции. Обыватели считали, что мытье в ванне способствует усталости, пробуждает нездоровое удовлетворение и способствует греху онанизма. Предпочтение отдавалось душу, быстрому и «активному», тогда как принятие «пассивной» ванны жестко регулировалось правилами, основанными на возрасте и поле. Среди женщин распространение гигиены ограничивало суеверие, согласно которому вода была излишне стерильной и вызывала бесплодие.

В конце концов идеи чистоты все же победили и прижились среди городских буржуа, а уже через их слуг новые привычки перекочевали и в низшие слои общества. В то же время среди простонародья привычка к мытью затрагивала лишь определенные части тела: так, лицо и зубы (по крайней мере передние) очищались ежедневно, руки мыли часто, ноги же раз в месяц или реже, а голову и вовсе никогда. Также понятие гигиены стало более расплывчатым, и его чаще понимали как относящееся к внешнему виду; атрибутами ее стали причесанные волосы, использование одеколона и приличные манеры. Французский литератор Жюль Ренар в конце XIX в. писал о некоем месье Раготе, по

мнению которого гигиена означала умение правильно есть суп.

Привычка мыться, таким образом, долгое время имела скорее моральное, нежели физическое значение. Забавно, что отголоском этих пережитков в Центральной Европе стала «финская сауна», которую до сих пор считают своеобразной разновидностью борделя.

Мэри Дуглас, специалист по культурной антропологии, в своих исследованиях, посвященных грязи и чистоте, доказала, что в странах Западной Европы, в отличие от многих других культур, очищение было связано не с религиозными постулатами, а скорее с доводами этического и — в более позднее время — гигиенического характера. В конце концов из всех телесных жидкостей одни лишь слезы стали считать чистыми. Все остальное было провозглашено грязным и нечестивым.

Глава 5
Слезы и смех

Настоящий мужчина ведет себя в театре сдержанно. Он не хохочет безудержно даже в самых смешных местах и сохраняет спокойствие, когда публика глотает слезы, потрясенная разыгравшейся перед нею трагедией. Мужчина не проронит ни слезинки, даже если все герои пьесы погибнут. Он знает, что это лишь игра и исполнительница главной роли, очаровательно улыбнувшись, в конце поблагодарит его за отправленный букет роз.

Пособие по этикету для мужчин *(1965)*

В 1960-х гг. в финских учебниках хороших манер можно было прочесть, что воспитанному мужчине не пристало смеяться, плакать или же иным образом выражать свои эмоции, по крайней мере публично. Тем не менее предыдущий совет, призывающий контролировать свои чувства в театре, кажется с точки зрения воспитания несколько надуманным: в конце концов, еще Аристотель утверждал, что погружение в вымышленные переживания при восприятии художественного произведения приводит к духовному очищению, катарсису. Это чувство сопереживания, которое заставляет зрителя примерить на себя образ другого человека и пережить испытываемые им эмоции, благотворно влияет на нас.

Если бросить ретроспективный взгляд на историю европейского театра, то становится понятно, что вплоть до XIX столетия он являлся местом, где публика как раз таки и выражала свои чувства в открытую: представители низших классов, занимавшие дешевые места в партере, вовсю рыдали, смеялись, пьянствовали, шумели и выкрикивали непристойности сидевшим

в верхнем ярусе аристократам, не обращая особого внимания на разворачивающееся на сцене представление. Проститутки и карманники делали свое дело среди этой пестрой театральной толпы, и всё вместе превращалось в этакий балаган. Подобное варварское поведение старались ограничивать с помощью правил и штрафов, например запрещая доступ в театр тем, кто испражнялся на пол. Только в XIX в. атмосфера в театрах стала более спокойной, отчасти за счет улучшившегося освещения, которое помогало сосредоточиться на пьесе, а также благодаря тому, что мещане стали перенимать у дворян хорошие манеры и контролировать свое буйное поведение.

Еще в Средние века и на заре Нового времени плакать прилюдно считалось совершенно нормальным, причем поводом могли служить события не только выдуманные, но и совершенно реальные. Согласно этикету, чем благороднее был мужчина, тем больше слез ему следовало проливать.

«Он пробуждал внимание благодаря своей крупной и сильной фигуре, был высок ростом и строен станом. Он говорил умело, и слушать его было приятно, он был мягок к сирым и убогим мира сего, но тверд с теми, кто ему не подчинялся, строг, но справедлив, был человеком богобоязненным и рьяным на богоугодные дела. Когда читал он молитвы, слезы благочестия лились из его глаз и катились по щекам».

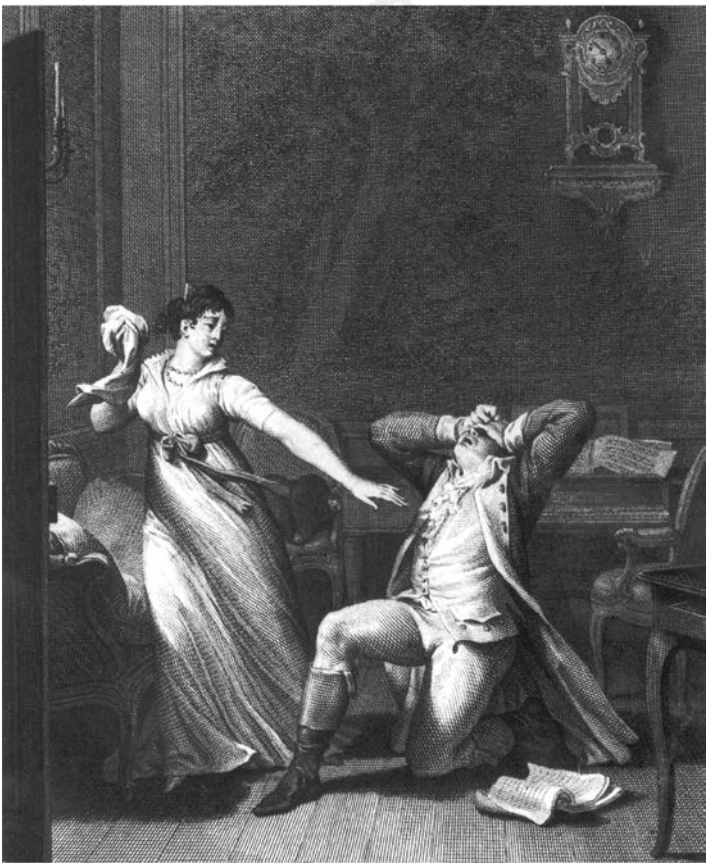
В столь возвышенном тоне средневековый английский хронист, монах-бенедиктинец Ордерик Виталий описывает в своей созданной в XII в. «Церковной истории» (Historia Ecclesiastica) некоего рыцаря. Об-

ратите внимание, что здесь особенно превозносятся эмоциональные качества. Несмотря на мужественность, при необходимости рыцарь мог отпустить на волю свои чувства. В то же время ему не было нужды скрывать слезы, поскольку в Средние века публичное выражение эмоций считалось абсолютно нормальным явлением. Мужчина мог заплакать, например, обнаружив, что кто-то предал его дружбу. Кретьен де Труа в своем романе «Ланселот, или Рыцарь телеги»[1] описывает, как главный герой рыдает на плече у женщины, узнав, что не может принять участие в турнире. Высокородная дама, растроганная слезами Ланселота, помогает ему попасть на ристалище.

В широко известной героической поэме «Песнь о Роланде» рассказывается о том, как после битвы в Ронсевальском ущелье 100 000 франкских рыцарей горько рыдали в голос, узнав о смерти доблестного Роланда. Автор поэмы явно преувеличил количество скорбящих, ибо трудно поверить, что гибель Роланда в предгорьях Пиренеев оплакивало столько же человек, сколько помещается на футбольном стадионе «Камп Ноу» в Барселоне. Однако в данном случае важно другое: плакать для рыцарей в те времена было занятием не постыдным, но, напротив, благородным.

Иногда плач является неотъемлемой частью спектакля, как в случае публичного покаяния. Один из самых известных нытиков в истории, император Священ-

[1] Труа де, К. Ланселот, или Рыцарь телеги. — СПб., 2013 и 2016.



Еще в XVIII в. считалось совершенно нормальным плакать, к примеру, в театре. После того как власть сосредоточилась в руках буржуа, публичное выражение чувств стало неприличным

ной Римской империи Генрих IV, в 1077 г. трое суток простоял перед замком в Каноссе, где обосновался тогдашний папа римский Григорий VII, рыдая и моля

последнего о прощении. В итоге папа смилостивился и отменил отлучение от церкви, которому прежде подверг Генриха.

Даже спустя 800 лет этот инцидент настолько раздражал Отто фон Бисмарка, железного канцлера Германии, что он заявил: второго хождения в Каноссу не случится никогда.

С легкостью плакали в те времена и простолюдины, например слушая церковные проповеди. Нидерландский историк Йохан Хёйзинга пишет о том, как в 1429 г. брат Ричард 10 дней подряд читал в Париже проповеди. И когда во время заключительной речи он объявил о том, что эта проповедь станет последней, то абсолютно все его слушатели — представители как высших, так и низших сословий — зарыдали столь горько, словно, по словам одного из современников, «они стали свидетелями того, как хоронят их ближайшего друга». Когда Викентий Феррер, доминиканский монах, впоследствии канонизированный католической церковью, проповедовал о Страшном суде и адском пламени или повествовал же о Страстях Христовых, то и он сам, и его слушатели разражались плачем столь громким, что долго потом не могли успокоиться. У кающихся грешников также была манера прилюдно исповедоваться в грехах: они бросались наземь и с рыданием каялись в своих деяниях. Порой, правда, слезы давались с трудом, и у монахов в ходу был обычай хлестать себя плетью, чтобы вызвать слезы — признак искреннего раскаяния.

В былые века публичное выражение эмоций тесно переплеталось с жестокостью правосудия. Так, счита-

лось уместным проливать слезы, наблюдая за казнью, в особенности если стоявший на эшафоте мог в своих последних словах воззвать к чувствам собравшихся.

Нидерландский историк Йохан Хёйзинга описывает такой случай: «Одного молодого поджигателя и убийцу приговорили к сожжению и приковали цепью к шесту, находившемуся посреди уже полыхавшего костра. Перед смертью преступник обратился с прочувствованной речью ко всему честному народу, и его последнее слово настолько растрогало собравшихся, что они разразились плачем сострадания, когда пламя охватило несчастного. Его конец был провозглашен самым прекрасным из всех виденных».

Подчас, правда, казнь превращалась в балаган. Преступники, идущие на эшафот, пытались выжать из ситуации все возможное. Некий джентльмен, приговоренный к смерти в 1411 г., не только благосклонно ответил на формальную просьбу палача простить тому его грех, но и потребовал, чтобы прощение было скреплено поцелуем! В результате зеваки, собравшиеся поглазеть на казнь, рыдали в голос от умиления. В романе финского автора Мики Валтари «Микаэль Карваялка» (Mikael Karvajalka), действие которого разворачивается в XVI в., описывается, как человек, которого вот-вот должны казнить, поворачивается к собравшимся на площади и тщательно подбирает последние слова, вещая с эшафота, «словно желая показать, что он получил достойное воспитание»:

«Прощайте, достопочтенные бюргеры и прекрасные дамы! К вящей радости вашей, вскоре мне предстоит сплясать на негнущихся ногах свой последний

Публичные казни для простого народа были зрелищем, куда приходили не только поглазеть, но и поплакать, в особенности если казнимый в своем последнем слове взывал к чувствам собравшихся.
Немецкая гравюра. XIX в.

танец в объятиях ветра! Я последую в райские кущи за своим братом, который ожидает меня там согласно тому обещанию, что Господь наш Иисус Христос дал на кресте разбойнику. Я благодарю великодушного святого отца, который подарил мне надежду на вечную жизнь, и благодарю также заплечных дел мастера, который своими умелыми руками вскоре наденет мне на шею пеньковый воротник, — если я о чем и жалею, так это о том, что бедность и несчастье мешают мне вознаградить этого достойного человека, как он того заслуживает. Прощай, прекрасная страна, прощайте, вольный ветер и легкие ласточки в облаках. Добро пожаловать, брат мой ворон, на последний пир — выклевать мои ясные очи!»

Если публичные казни для обычного человека были своего рода развлечением — туда приходили поплакать и послушать пламенные речи, которые с театральным искусством произносили приговоренные к смерти, — то у организаторов «мероприятия» задача была совершенно иной. Казнь являлась для власть имущих способом держать народ в узде; это был метод устрашения, с помощью которого высшие классы вносили порядок в тогдашние шаткие общественные устои.

Также во дворцах и замках считалось приличным время от времени заливаться слезами, неважно, насколько искренними. Так, посланник французского короля, державший речь при дворе Филиппа Доброго, несколько раз принимался рыдать. Когда же этот дворянин попрощался с двором герцога Бургундского, все присутствующие заплакали в голос. Людовика XIV,

нанесшего визит в Бургундию, также неоднократно видели в слезах. Во время мирных переговоров в Аррасе в 1435 г. люди были так впечатлены убедительными речами послов, что, лишившись дара речи, падали на землю со вздохами, всхлипами и рыданиями.

Как становится понятно, раньше не принято было стесняться публичных слез, скорее уж наоборот — способность плакать служила признаком добросердечия и благородной натуры. В особенности необходимо было проявлять чувства дворянину: для тогдашней элиты общества слезы являлись способом выразить «привилегированную эмоциональность», которая была подарена аристократам по праву рождения. Слезы, в отличие от крестьянского пота и животных испражнений, были ничем не осквернённой жидкостью, которая считалась признаком натуры благородной и способной к состраданию.

Искоренение слезливости

Еще в XVIII в. плакать в театре или при чтении книги было в порядке вещей. Так, в Мангейме во время премьеры пьесы Шиллера «Разбойники» (1782) зрители в зале по ходу действия вскрикивали и, громко всхлипывая, обнимали друг друга. В романе Гете «Страдания юного Вертера» (1774) главный герой практически ничем другим и не занимается: только постоянно плачет и утирает слезы. И все же мода и идеалы меняются. Протестантская этика и расцвет буржуазии привели к искоренению публичного про-

явления чувств, и в результате нормы в отношении проливания слез тоже пришлось пересмотреть. Теперь цивилизованному человеку уже более не пристало плакать на людях, только дикари да неотесанная деревенщина могли себе такое позволить. Правда, и прежде то, что дозволялось в театре, вовсе не обязательно было разрешено в обычной жизни. Например, в Англии и Германии авторы пособий по этикету уже в XVII в. подчеркивали важность умения держать себя в руках и советовали избегать излишней эмоциональности. Утверждалось, что плач и обуревающие индивида чувства замутняют здравый смысл, который человеку всегда необходим. Наступила пора Просвещения, эпоха главенствующего разума.

> *Родители, которым природа мудро внушила любовь к детям, очень склонны, если разум не контролирует этой естественной привязанности со всей бдительностью, очень склонны — скажу я — позволять ей переходить в слепую влюбленность. Родители любят своих малюток, и это их долг; но часто они любят в своих детях также их недостатки.*
>
> Джон Локк. Мысли о воспитании[1] *(1693)*

Джон Локк, английский философ эпохи Просвещения, в своем труде «Мысли о воспитании» советовал родителям обращать поменьше внимания на крики

[1] Здесь и далее цит. по: Локк Дж. Сочинения в 3 т. / Т. 3. — М.: Мысль, 1988.

Публичный смех и публичные слезы старались контролировать. В театре, однако, по-прежнему можно было смеяться. Рисунок Уильяма Хогарта

и плач детей. Изначально трактат Локка был написан как подспорье для его друга, который обратился к философу за советами по воспитанию сына. Локк был против того, чтобы поощрять чувствительность в детях, Он, наоборот, рекомендовал закалять их в эмоциональном отношении, чтобы избежать мягкотелости в будущем.

Локк не выносил типичной для Средневековья публичной демонстрации чувств. По его мнению, следовало отринуть все естественные склонности и инстинкты и руководствоваться лишь голосом разума. В противном случае прихоти и желания будут направлять жизнь человека также и во взрослом возрасте.

> *Ибо если лучше ребенку дать виноград или леденец, когда ему это захочется, чем дать бедному дитяти расплакаться или огорчить его, то почему, когда он станет взрослым, не следует удовлетворять его желания, которые тянут его к вину или к женщинам? Ведь эти предметы в такой же мере соответствуют желаниям взрослого, в какой отвечали детским склонностям те предметы, из-за которых он плакал, когда был мал.*
>
> Джон Локк. Мысли о воспитании *(1693)*

Идеи Локка хорошо отражают моральные ценности и новое отношение к телу, свойственное англичанам в XVII в. Разум должен был управлять плотью, а не наоборот. Книга «Мысли о воспитании» оказала большое влияние не только на соотечественников Локка, и в XVIII столетии его стали считать в Европе отцом педагогики.

Обо все шире распространявшемся контроле над человеческими эмоциями по-своему говорит и тот факт, что даже такая интимная вещь, как траур, была жестко регламентирована: например, в XVIII в. во Франции издавались своеобразные «траурные инструкции». Так, в Париже вдова-мещанка на протяжении первых

четырех с половиной месяцев (в деревне этот срок составлял полгода) должна была соблюдать строгий траур по супругу: в это время она не могла носить никакой одежды, кроме черного шерстяного платья. Под запретом были духи и украшения, и строго-настрого возбранялось завивать волосы. В течение следующего полугода можно было надевать черные платья из более тонких тканей, а также использовать подходящие к ним скромные серьги и кулоны. На завершающем этапе траура, который длился три месяца, вдова могла позволить себе одежду других приглушенных оттенков и более броские украшения. Анн Мартин-Фугье, занимавшаяся исследованием обычаев французской буржуазии, пишет, что в XIX в. траур носили еще дольше и в целом «траурный код» среднего класса был таким же унаследованным от сословного общества ритуалом, как и этикет: с его помощью можно было выделиться на фоне остальных.

В 1840–1861 гг. Пруссией правил король Фридрих Вильгельм IV. Он любил романтическую литературу — и регулярно плакал над книгами. Сентиментальность короля нашла свое отражение в карикатурах того времени как признак немужественного поведения и излишнего пафоса. Романтизм вынужден был отступить под натиском национализма колониальной эпохи, которому были свойственны сила и дисциплина. Джентльмены, не выпускавшие из зубов сигаретку, теперь предпочитали носить форму и чурались любых проявлений эмоций.

В XIX в. педагоги в школах Великобритании, Франции и Германии подчеркивали разницу в воспи-

тании мальчиков и девочек. И недаром именно женщины, олицетворявшие собой мягкость, невинность, чистоту и материнство, — Британия, Марианна и Германия — служили аллегорическими символами этих стран. При воспитании мальчиков упор делался на сознательное подавление эмоций. Вместо этого приветствовались маскулинность, спортивность, жесткость и честолюбие.

В XIX столетии к такому проявлению чувств, как плач, начали относиться как к проблеме медицинского и психологического характера, подчас считая его симптомом нервного заболевания. Английские медики стали считать избыточную эмоциональность патологическим состоянием, чем-то сродни истерии.

В наши дни тенденции опять в корне изменились. Сейчас людям нужно вновь уметь выражать свои чувства. Психотерапевты сокрушаются, что многие мужчины оказались загнанными в ловушку, поскольку лишены предоставленного им природой инструмента для выражения горя — способности плакать.

Однако если давать выход эмоциям отдельных людей в наши дни поощряется, то «групповые слезы» вызывают удивление. Необычный траурный спектакль развернулся в Северной Корее в 1994 г., когда долго находившийся у власти лидер Ким Ир Сен скончался. Фотографии с похорон, растиражированные западными СМИ, немало озадачили европейцев: улицы были заполнены облаченными в траурные одеждами корейцами, которые громко рыдали и прочими способами выражали скорбь, не обращая ни малейшего внимания на камеры. Некоторые рвали на се-

бе волосы или пытались пробиться сквозь оцепление к похоронной процессии, сопровождавшей умершего лидера в последний путь. Что это: последствия культа личности, взращенного тоталитарным режимом? Возможно. Однако не следует забывать, что еще в начале Нового времени подобные публичные выражения скорби были в Европе скорее правилом, нежели исключением.

И все же в западном мире до сих пор существует публичная зона, находясь в которой обычные люди проливают крокодиловы слезы перед всем честным народом: мы говорим, разумеется, о телевидении. Большинство реалити-шоу построено на демонстративном проявлении эмоций, в том числе и плача. К примеру, в программах, в основе которых лежит соревновательный принцип, проигравшие в финале зачастую разражаются бурными рыданиями: неважно, идет ли речь о красивой молодой женщине, занявшей второе место в «Топ-модели по-американски», или же о брутальном лесорубе, который напрасно боролся за победу на экзотическом острове в «Последнем герое». Подобная эмоциональность легко передается зрителям, по крайней мере самым чувствительным, однако зачастую все это лишь искусно написанный сценарий. Заключительные сцены в умелых руках монтажера могут быть составлены из разных фрагментов, снятых в совершенно иных ситуациях, а если финальное крещендо в виде рыданий заставляет себя ждать, можно прибегнуть к проверенному в телевизионной среде способу — специальному ментоловому карандашу для слез.

Глава 5

Смех без причины

Не следует также, веселя окружающих, зубоскалить и делать неподобающие жесты, гримасничать и ломаться, ибо зачем унижать себя в угоду другим — это ремесло не порядочного человека, но шута и скомороха.

Джованни делла Каза.
Галатео, или Об обычаях *(1558)*

Хорошо воспитанным дамам не подобает размахивать руками при ходьбе, есть на улице, сосать ручку зонтика, протискиваться сквозь толпу, шуметь и громко разговаривать или смеяться в толпе, а также шептаться на людях.

Томас Хилл. Пособие по этикету
Викторианской эпохи *(1873)*

В Средние века советы делла Каза и профессора Хилла, автора «Пособия по этикету Викторианской эпохи» (The Essential Handbook Of Victorian Etiquette), вызвали бы явное недоумение, а человека, им следующего, посчитали бы черствым. Михаил Бахтин в своей работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Возрождения» утверждает, что смех и пародия в ту пору выполняли важнейшие функции. Гротескный, карнавальный хохот громогласно раздавался как на площадях, так и в церквях.

В городах карнавалы традиционно длились вплоть до трех месяцев в году, так что праздник являлся существенной частью средневекового уклада. В это время все

переворачивалось с ног на голову и смеяться было можно над чем угодно. После пасхальных празднований хохот гремел в церкви, где священники обменивались шутками. Смех считался выражением радости, связанным с воскрешением Христа. В ходу были и пародийные литургии, к примеру «Литургия пьяниц» и «Литургия игроков». Наряду с этим в память об усопших устраивались шумные пирушки с возлияниями.

В праздничные дни рынки и улицы наводняли танцующие люди, шуты и скоморохи. Шутов выбирали в епископы, а головным убором им служило нижнее белье. Спиртное лилось рекой. Помимо пародий средневековый юмор также был сосредоточен на человеческом теле и его выделениях. Шутки практически всегда были связаны с выпивкой, обжорством, сексом, половыми органами, мочой или экскрементами.

Специфику средневекового юмора хорошо передает история о встрече поэта Данте и придворного шута. Присутствующие забавлялись игрой, согласно которой человек должен был делать все, что прикажет ему партнер. Шут велел Данте снять с головы шляпу и помочился в нее — под бурный хохот остальных. Поэт невозмутимо наблюдал за всеобщим весельем, а когда подошла его очередь, приказал шуту надеть использованную не по назначению шляпу на голову.

Грубый юмор был в почете как у дворян, так и у простонародья. Современник удивлялся в 1579 г., что люди от души веселились, когда кто-нибудь случайно обнажал свои срамные места. Если кто-то из присутствующих успевал приложить к голому месту раскаленный чугунный утюг или зажженную свечу, то веселью

остальных не было предела, про ожог же предпочитали не вспоминать.

Также были весьма популярны двусмысленные прибаутки на тему секса. Известные религиозные тексты переиначивали так, чтобы в них было как можно больше непристойностей.

Темы для шуток сильно менялись в зависимости от эпохи. Аристотель считал поводом для смеха «безобразие, никому не приносящее вреда и ни для кого не пагубное». Философ Томас Гоббс говорил: «Внезапная слава есть страсть, производящая те гримасы, которые называются смехом. Она вызывается у людей или каким-нибудь их собственным неожиданным действием, которое им понравилось, или восприятием какого-либо недостатка или уродства у другого, по сравнению с чем они сами неожиданно возвышаются в собственных глазах». Разумеется, не приносящее вреда безобразие и недостатки других людей всегда были отличным поводом для веселья, однако другой вопрос — что именно в разное время подпадало под такое определение. В Средние века смех был исключительно свободным и жестоким. К тому же объектами насмешек в основном становились умственно неполноценные, непохожие на других и принадлежащие к низшему классу люди: к примеру, средневековый хронист Пьер де Фене так завершил свой рассказ об истреблении шайки разбойников: «И все смеялись громко, поскольку все убитые были бедняками из низшего сословия».

Над крестьянами издевались также в песнях и шуточных молитвах, которые порой были очень жесто-

Если муж оказывался рогоносцем или подкаблучником, это, по мнению общественности, означало, что он утратил жизненную силу и больше не может заботиться о доме. Он становился объектом насмешек всей деревни, терял репутацию и не мог претендовать ни на одну публичную должность. Он также подвергался наказанию стыдом. Его сажали задом наперед на лошадь или осла и везли по деревне, а жители насмехались над ним. На этом рисунке в публичном поругании участвует и жена несчастного. Рисунок Уильяма Хогарта

кими: «Всемогущий Господь, породивший вражду между церковниками и батраками, дай нам хлеб наш руками крестьян, дай нам наслаждаться их женами и дочерями и радоваться их страданиям». В шутках зачастую отсутствовал юмор, а его заменяли лишь грубое бесстыдство, обман, оскорбления и непристойности, которые, как пишет культуролог Якоб Буркхард, в своей жестокости и злобе превосходили всё. Участники карнавала обычно носили маски, что позволяло

им чувствовать себя безнаказанными. Скрыв лицо, легко оскорблять прохожих и распространять гадкие слухи и клевету.

Людей, которых в обществе не любили, подвергали унижениям, оскорблениям и осмеянию. Позорное наказание всегда было публичным, и зачастую в травле жертвы участвовали все члены сообщества. Так называемое шаривари (от *фр.* charivari — «кошачий концерт») известно во всех странах Южной и Центральной Европы. Причины тут практически всегда без исключения крылись в личной жизни наказуемого. Шаривари часто подвергали прелюбодеев и подкаблучников. Если, например, мужчина позволял женщине себя ударить, его сажали задом наперед на осла, вручив в качестве руля хвост животного, и в таком виде провозили по улицам на потеху толпе под аккомпанемент «кошачьего концерта» — звон и грохот металлической посуды и прочих немелодичных инструментов. Порой даже суд мог наложить на человека подобное позорное наказание. Еще в XVIII в. в Лангедоке обычным способом публичного осмеяния было обвалять провинившегося в меду и перьях.

Отдельные насмешки были уготованы и представителям различных национальных меньшинств: так, в Древнем Риме во время карнавалов евреев принуждали проходить по улицам столицы, пока горожане швыряли в них грязью для пущего веселья. Подчас даже публичная казнь обретала некие карнавальные черты: так, жители города Монса в XV в. выкупили из тюрьмы главаря разбойников, чтобы, к своему удовольствию, четвертовать его, привязав к лошадям. Это случай, по

свидетельству очевидцев, вызвал среди городского простонародья «такой восторг, словно из мертвых пробудился новый святой». В свою очередь, жители города Брюгге никак не могли насытиться зрелищем пыток, которым подвергли служащих магистрата, обвиненных в казнокрадстве. Публика нарочно задерживала казнь, о которой молили несчастные жертвы пыток, чтобы подольше насладиться их мучениями.

Квинтэссенцией насмешек над страданиями других стала традиция придворного шутовства. Шуты обычно были карликами, калеками или же выделялись каким-либо иным способом. Так, монах фра Мариано, придворный шут главы Флорентийской республики Лоренцо де Медичи, в равной степени славился своим насмешливым характером и непомерным аппетитом. Он гонялся за курицами по обеденным столам, а поймав птиц, сворачивал несчастным шеи и окроплял себя их кровью. Он также затевал в обеденном зале сражения с другими шутами, а оружием им служили столовые приборы.

Сумасшедшие шуты особенно ценились: безумец мог без страха говорить что угодно — какой с него спрос! Слабых разумом во все времена высмеивали и унижали, однако их также всегда принимали. В Средние века к сумасшествию относились куда проще, чем сейчас: поскольку больниц для умалишенных не было, с ними можно было столкнуться повсюду. Часть шутов была образованными и умными людьми, а часть — настоящими безумцами. И если первые исполняли роли придворных увеселителей, то вторые обычно находились в услужении у богатых.

Квинтэссенцией насмешки над чужими несчастьями были шуты, которых держали при дворах или в богатых частных домах. Часто они были карликами или имели иные физические недостатки

Несмотря на то что шуты были любимчиками правителей, свои границы дозволенного существовали и для них. Последнего шута, официально занимавшего эту должность при французском дворе, Людовик XIV прогнал за то, что он вел себя злобно и грубо. У шута была привычка сидеть за троном короля и задирать за ужином гостей, которые в конце концов, опасаясь оказаться объектом насмешек острого на язык карлика, стали бояться произнести хоть слово.

В XVII столетии буйство пошло на спад, отчасти в силу всеобщего распространения цивилизации, отча-

сти благодаря Реформации. В XVII в. душевнобольных начали запирать в соответствующих заведениях вместе с нищими, преступниками и бездельниками. Таким образом именно те социальные группы, которые служили основным объектом насмешек, были изолированы от общества.

Смех начали контролировать по причинам морального характера. Немецкие и английские пиетисты подчеркивали необходимость воздерживаться от мирских забав и веселья. Они осуждали увеселительные прогулки, игры, комедии и считали, что смеяться не следует.

Так, например, Филип Стэнхоуп, 4-й граф Честерфилд, известный как автор сборника «Письма к сыну» (Letters to His Son on the Art of Becoming a Man of the World and a Gentleman), содержащего обширный свод наставлений и рекомендаций в духе педагогических идей Джона Локка, в письме от 1748 г. подчеркивает, сколь важно воздерживаться от внешних признаков веселья. Против улыбки Честерфилд ничего не имел, однако он решительно запрещал сыну смеяться.

А раз я уже заговорил о смехе, то должен тебя особенно против него предостеречь: мне очень бы хотелось, чтобы люди часто видели на твоем лице улыбку, но никогда не слышали, как ты смеешься. Частый и громкий смех свидетельствует об отсутствии ума и о дурном воспитании; этим способом низменная толпа выражает свои глупые радости по поводу каких-нибудь глупых происшествий; на ее языке это означает веселиться. У меня нет никакой склонно-

сти ни к меланхолии, ни к цинизму; я так же хочу и могу веселиться, как и всякий другой, но я уверен, что с той поры, когда я стал жить в полном разуме, никто никогда не слышал, как я смеюсь.

Филип Честерфилд. Письма к сыну[1]

В Англии королевские особы, принадлежавшие к средневековой, падкой до смеха культуре, всеми силами старались воспрепятствовать проникновению в общество пуританских норм морали. Высочайшим указом даже велено было увеличить количество народных зрелищ и увеселений: людям предписывалось веселиться под страхом наказания. На пуритан, однако, эти угрозы не действовали, и пуританство оставило неизгладимый след на образе жизни населения Северной Европы. Увеселения, к которым причисляли также и занятия спортом, вызывали подозрения: это считалось удовольствием, которое пробуждает честолюбивые и грубые инстинкты. А инстинктивное поведение, по мнению пуритан, являлось злейшим врагом аскезы, неважно, проявлялось ли оно в спортивных состязаниях или в походах в кабак.

В пособиях по этикету также стали появляться советы, с помощью которых пытались искоренить ненужное веселье, и в особенности злорадство. Так, например, Антуан де Куртен писал в 1671 г.: «Человек, который смеется над тем, кого наказывают или оскорбляют, проявляет злую натуру».

---

[1] Цит. по: Честерфилд Ф. Письма к сыну. — Л.: Наука, 1971.

Как становится понятно из вышеприведенной цитаты, в конце XVII в. «зона комичности» существенно сузилась по сравнению с тем, что было ранее. Уже не все вещи дозволялось высмеивать, и только аморальные или падшие люди могли позволить себе смеяться над теми, кого жизнь и без того обделила.

И тем не менее даже в XVIII столетии поведенческие нормы не смогли полностью выкорчевать в Европе безрассудство. Так, в России во времена Петра Первого любимой забавой при дворе по-прежнему оставались насмешки над карликами, умалишенными и калеками. Во Франции, в свою очередь, забавлялись, мучая животных. Когда в 1730 г. французские рабочие убили кошку, принадлежавшую супруге некоего торговца, это пробудило в обществе такое веселье, что в итоге всех кошек в окрестностях переловили и торжественно «приговорили» к смерти, после чего повесили. Подобный геноцид вряд ли пробудит в современном читателе какие-либо иные чувства, кроме отвращения. Возникает вопрос: почему в XVIII столетии это казалось людям смешным? В ту пору кошки были домашними любимцами исключительно у представителей буржуазии, поэтому вполне естественно, что пролетариат их не особо жаловал. Свою роль сыграла также и старая традиция, согласно которой кошки в Средние века являлись объектом жестоких забав черни: на карнавалах их принято было сжигать живьем. Пытки животных были одним из самых популярных зрелищ: к примеру, в эпоху Реформации в Англии существовал обряд, во время которого кошку сперва брили налысо, потом одевали в наряд папы римского, после чего отправляли несчастное животное на виселицу.

Получается, что раньше принято было смеяться над теми, на чьем месте невозможно было представить самого себя: то есть над животными, над людьми, которые по каким-то причинам выделялись из общей массы, над представителями иных социальных классов и религиозных групп. Так, например, во время Великой французской революции считалось уместным смеяться над приговоренными к смерти аристократами. В Великобритании в XVII–XVIII вв. устраивались ярмарки, на которых публике за деньги показывали великанов и карликов. Рекламные тексты были более чем выразительными: одного карлика расписывали публике как «диковинку, радующую взгляд». В XIX столетии на английских ярмарках также демонстрировали африканцев, которых зазывалы называли «черными каннибалами»: те на потеху публике ели сырое мясо и танцевали воинственные танцы. За насмешками в адрес подобных людей стояла цивилизационная пропасть, которая, как тогда подразумевалось, существовала между европейской и африканской культурами.

Шутовская традиция злорадства продолжила свое существование в цирках, в которых еще в первой половине XX в. демонстрировали разнообразных уродцев: самых толстых людей на планете, бородатых женщин или трехногих мужчин. В наше время попытка выставить на всеобщее осмеяние подобных «фриков» показалась бы абсолютно аморальной; тем не менее благодаря телевизору у нас есть возможность попрактиковаться в злорадстве, сохраняя лицо. Многие современные телепередачи базируются на том, что люди добровольно выставляют себя на посмешище, лишь бы

Жестокое обращение с животными было повсеместно распространено в Европе еще в XVIII в. В Англии популярными забавами были собачьи бои, также людям нравилось дразнить быков и барсуков. По словам лорда Кеймса, лишь дразнить медведя было чересчур смелой затеей для людей с утонченным вкусом

только попасть на экран. В некоторых программах соревновательного характера участников заставляют совершать действительно опасные и причиняющие боль вещи, и в этом случае смех зрителей становится по-настоящему жестоким.

Писатель Салман Рушди, посмотрев в начале 2000-х гг. несколько реалити-шоу, заявил, что в этих сомнительных с моральной точки зрения программах «хорошо быть предателем, хорошо быть злодеем». Рушди задался вопросом: когда же, интересно, мы станем свидетелями первой настоящей смерти в прямом эфире? Тем не менее реалити-формат продолжает свое победоносное шествие, и все больше людей хотят поучаствовать в съемках. Если в 1960-е гг. американский художник Энди Уорхол говорил, что в будущем каждый получит свои 15 минут славы, то в наши дни, пожалуй, некоторым вполне достаточно и 15 секунд.

Пугающий, сумасшедший смех

Почему смех — сам по себе вещь веселая и радостная — в неверном контексте воспринимается как признак невоспитанности? Все дело в том, что по своей природе смех брутален и импульсивен; это проявление инстинктивного поведения, выражение личностных эмоций, которые человек цивилизованный должен уметь держать в узде. Смех может казаться пугающим также потому, что обнажает зубы: подобная гримаса с древности означала угрозу физической расправы. Так, Эразм Роттердамский в своем наставлении подчеркивал

необходимость сдерживаться в минуты веселья: смеяться дозволялось, однако делать это следовало по возможности тихо и не раскрывая рта. Обнажающую зубы «сардоническую» улыбку Эразм считал признаком дурного воспитания, поскольку скалиться пристало лишь собакам. Если же смех тяжело было контролировать, то, по мнению автора трактата, стоило прикрыть лицо.

> *Радость на лице стоит изображать так, чтобы рот не искажался и не свидетельствовал о твоей легкомысленной природе. Только безумцы говорят: «Я разрываюсь от смеха», «Я лопаюсь от смеха» или «Я умираю от хохота». Если же произойдет нечто, что пробудит в тебе столь бурное веселье, лицо следует прикрыть платком или ладонью.*
>
> Эразм Роттердамский.
> О приличии детских нравов *(1530)*

К смеху всегда примешивается толика страха. Шутка возникает, когда случается что-то странное, нечто необычное и потому пугающее. Если ненормальность происходящего воспринимается не слишком серьезно, тогда рождается смех. Смех пробуждает в человеке приятные эмоции, поскольку он означает, что опасности удалось избежать.

Так, например, в библиотеке Ламбетского дворца хранится датированная 1350 г. рукопись, в которой отец наставляет сына следующим образом: «Чем более высокое положение ты занимаешь, тем менее требовательным и более скромным тебе надлежит быть. Не стоит много смеяться, ведь смех — признак сумасшедших».

Во многих сборниках советов по этикету подчеркивалось, что лишь безумцы и шуты смеются в одиночку. Немецкая гравюра. 1540 г.

Со смехом могут быть связаны двоякие чувства еще и потому, что безумие и смех кажутся нам неким естественным способом связанными друг с другом. Если, скажем, одинокий человек плачет в автобусе, то окружающие сочтут это признаком грусти, но если же кто-то в одиночестве смеется, это легко будет истолковано как поведение сумасшедшего. То есть смех разрешен, но исключительно в компании. Эразм в свое время обоб-

щил эти соображения, заявив, что смеяться вслух над своими мыслями свойственно разве что страдающим от душевной болезни, однако если нечто подобное все же происходит с нормальным человеком, то смеющийся должен поделиться с окружающими причиной своего веселья.

Кроме того, французский философ Анри Бергсон подчеркивал социальную природу смеха:

«Каким бы искренним смех ни считали, в нем всегда кроется мысль о союзе или даже о партнерстве по преступлению с другими — реальными или вымышленными — смеющимися людьми. Чтобы смех был понятен, его нужно вернуть в его естественную среду, в общество».

Когда остальные смеются, к общему хору лучше присоединиться. Смех, даже деланый, заразителен. Именно благодаря этой особенности в США и придумали комедийные шоу с постановочным смехом, где задача зрителей в зале заключалась в том, чтобы смеяться над происходящим, заставляя также улыбаться и аудиторию, которая смотрит шоу дома на диване. Однако зрители в зале могли развеселиться в неподходящий момент, поэтому в 1950-е гг. изобрели закадровый смех — запись, которую на стадии монтажа делают фоном программы. В Европе практика закадрового смеха в телепередачах, будь он настоящим или же записанным заранее, никогда не принимала таких масштабов, как за океаном. Некоторые исследователи пришли к выводу, что заранее «осмеянные» программы сделали американских телезрителей менее критичными к материалу, который преподносят им СМИ. А кое-кто даже утверждает, что

без закадрового смеха рядовой американец не способен понять разницу между комедией и драмой.

Несмотря на то что смех сплачивает, он также способен создать агрессивную атмосферу. Смех формирует связи, но также и проводит границы: если человек не может посмеяться над чем-то смешным для окружающих, он чувствует себя в их среде чужим, а если над кем-то насмехаются, то это быстро вызывает в объекте насмешек агрессию. Сам по себе смеющийся человек, однако, редко бывает агрессивным. Как писал выдающийся австрийский зоолог и зоопсихолог Конрад Лоренц: «Если собаки, которые лают, подчас могут кусаться, то люди, которые смеются, не стреляют никогда».

Глава 6
Преодолевая агрессию

Существуют люди, с которыми не могут совладать никакие аргументы, кроме физического наказания, и время от времени нам приходится с ними сталкиваться. Что делать, если грубый лодочник или надоедливый и нечестный кебмен в вашем присутствии оскорбил леди? Один хороший удар может все поправить. Правда, этот способ жесток и прибегать к нему стоит лишь в последнюю очередь, но именно к этому порой принуждают нас обстоятельства, а подобная демонстрация решительности заставляет бесстыдников сложить оружие. Я бы сказала, что стоит уметь использовать кулаки, однако нужно воздерживаться от их применения до тех пор, пока в ход еще могут пойти другие аргументы. Однако, если их все-таки окажется недостаточно, положитесь на этот, столь естественный и более чем убедительный. Мужчина, намеревается он быть джентльменом или нет, должен уметь боксировать.

Джейн Астер. Манеры высшего света *(1859)*

Автор появившегося на свет в викторианской Англии и позже ставшего популярным также в США пособия по этикету, писавший под псевдонимом «миссис Джейн Астер», обобщил то, что является важнейшей и основной причиной правил поведения: они контролируют скрытую агрессию в человеке и заставляют его при взаимодействии с другими людьми обуздывать свои чувства. Как становится ясно из приведенной выше цитаты, еще в XIX в., если речь шла о женской чести, считалось совершенно нормальным наградить дурно воспитанного человека хорошей зуботычиной, однако делать это стоило по-джентльменски. Настоящий джентльмен непременно должен был владеть правилами боя на кулаках.

Если правила поведения не выполняются или же их не существует вовсе, то легко создаются негативные ситуации. Поведение может даже не быть открыто угрожающим, достаточно, если отсутствуют некоторые общепринятые жесты и движения, призванные подчеркнуть дружелюбие. Современный воспитанный человек в Средние века вряд ли прожил бы долго, поскольку

избежать стычек, порожденных агрессивностью, тогда было практически невозможно.

В 967 г. саксонский дворянин Вихман Биллунг-младший оказался пленником войск, находившихся в подчинении у польского князя Мешко. Вихман долгое время сражался против своего дяди, герцога Саксонии Германа Биллунга, союзником которого и был Мешко. Вихман пытался сбежать, однако был окружен и бился до тех пор, пока не почувствовал полное изнеможение. Когда солдаты Мешко узнали, кем был их пленник, они предложили ему свободу и охранное письмо, чтобы пройти через вражеские земли. Однако Вихман, не забывший о своем титуле, отказался сдаваться тем, кто стоял ниже его на общественной лестнице, и потребовал оповестить князя Мешко, которому готов был отдать оружие. Польские солдаты согласились, однако в ожидании князя все продолжили сражаться, и в результате гордый пленник был убит.

В наше время чувство собственного достоинства Вихмана Биллунга и его представления о чести кажутся абсурдными, однако в X в. его поведение считалось героическим и совершенно естественным. Аристократ покинул этот бренный мир ровно так, как и полагалось: с оружием в руках, защищая свою честь.

Средневековая культура была во всех отношениях более жестокой, а общение более прямым, нежели сейчас. Поскольку эмоции демонстрировали в открытую, невинная шутка могла легко обернуться кровавым поединком. Так, некий житель Флоренции в 1216 г. устроил у себя во дворце пир, гостями на котором были влиятельные горожане. Во время ужина шут выхватил

блюдо перед носом у молодого Буодельмонте, что повеселило всех гостей, кроме объекта шутки. Когда господин Арриджи обвинил Буодельмонте в недостатке самоиронии, вспыхнула ссора. Арриджи кинул в Буодельмонте блюдом, тот же в ответ ударил противника ножом. В результате между представителями двух влиятельных родов разгорелась самая известная в истории города вражда, которая в итоге привела к появлению на свет двух противоборствующих политических групп: гвельфов, поддерживавших папу римского, и их противников гибеллинов, выступавших на стороне императора.

Противостояние, зародившееся во время описанного выше пира, спустя несколько десятилетий привело к изгнанию из Флоренции всех белых гвельфов, в числе которых был и великий Данте Алигьери, отец итальянского литературного языка.

Оскорбление чести и достоинства в Средние века являлось в буквальном смысле слова смертельно опасным делом, и представитель любого социального слоя был готов немедленно обнажить оружие, если была задета его честь. То есть совет, включенный в состав «Двустиший Катона» (Disticha Catonis), использовавшихся в Средние века не только для изучения латыни, но также и в качестве пособия по воспитанию мальчиков, был полностью обоснован: «Когда твои товарищи обижают тебя, сын мой, позаботься о том, чтобы твоя вспышка гнева не привела к последствиям, о которых ты впоследствии пожалеешь». Применение физической силы также определяло позицию в обществе: если тебе было что терять, ты должен был уметь оборонять

свое имущество. В эпоху феодализма человек, который не мог защитить то, чем владеет, в итоге не способен был владеть ничем.

Жестокое обращение со всеми, кто стоял на общественной лестнице ниже тебя, было само собой разумеющимся, как становится ясно из поучений, которые король англосаксов Альфред Великий давал своему сыну: «Говори разумно, чтобы люди любили тебя. Если же встретишь на улице пьяного, позволь ему пройти и сохрани дружелюбие. Ты поступишь мудро, избежав столкновения с сумасшедшим, который оскорбляет тебя, *ведь избить его ты можешь и позже*». В средневековых городах любому, кто принадлежал к рыцарскому сословию, официально дозволялось бить и хлестать кнутом не только безумцев, но также крестьян и рабов.

Сражения, драки и охота были в ту пору частью повседневности, и насилие, в особенности для дворян, стало одним из способов получать от жизни удовольствие. Когда в XIII в. католическая церковь предприняла закончившийся победой кровавый Крестовый поход против французских катаров, один из его участников заявил, что с радостью созерцает костры, на которых горят эти еретики. Людям в те времена было абсолютно чуждо сострадание, поскольку вследствие жесткого деления по социальному и религиозному признаку у них не было ни малейшей причины почувствовать себя на месте другого. Все вели себя так, как того требовали социум и здравый смысл; даже если по отношению к страждущим и ощущали жалость, ей не давали воли, поскольку страх будущего довлел надо всеми.

В Средние века и позже излюбленным сюжетом для изображений было насилие

«Жизнь в мире мне не дорога:
Не любо есть мне, пить и спать.
Люблю я крикам “На врага!”
И ржанию коней внимать
Пред схваткой боевой;
Мне любы крики “Помоги!”,
Когда сшибаются враги
И бьются меж собою,
И средь поломанных древков
Мне любо видеть мертвецов»[1] —

так пел в XII в. прославленный трубадур Бертран де Борн. Для дворян война являлась способом существо-

[1] Цит. по: Поэзия трубадуров. Поэзия миннезингеров. Поэзия вагантов. — М.: Худож. лит., 1974.

вания. Бóльшую часть жизни рыцари проводили в походах и сражениях. В кровавых битвах важно было проявить верность своей стороне и порадоваться неудаче противников.

В XII–XIII вв. теологи признавали моральное право вести так называемую «оправданную войну»: то есть церковь дозволяла людям с оружием в руках защищать себя и свою родину. В то же время, если война велась во имя истинной веры, она не считалась грехом, а солдаты, совершавшие на поле боя убийства, не попадали за это в ад. Такая война рассматривалась как божественный дар, ибо предоставлялась возможность для искоренения грехов и наказания преступников. По мнению историка Фредерика Рассела, схоластики того времени видели в человеке агрессивное существо, которое убивает и погибает, защищая свою территорию. Эта жестокая теория средневековых философов во многом созвучна заключениям современным ученых, исследующих человеческое поведение.

Романтика и гостеприимство: ранние способы предотвращения агрессии

Главной достопримечательностью городка Каркасон, что в южной Франции, является средневековый замок, крупнейший во всей Европе. Пятьдесят две башни венчают крепостную стену, внутри которой находится свой собственный крошечный городок с торговыми лавками, церквушками и тавернами. Одна из самых популярных

туристических достопримечательностей Франции завораживает тем, что жизнь здесь бьет ключом. Обосновавшиеся в городе ремесленники и художники регулярно организуют фестивали, реконструирующие Средневековье, и прочие культурные мероприятия. Артисты по-своему заботятся о том, чтобы средневековые традиции не забывались. У местных жителей есть все причины праздновать и веселиться, ведь они — потомки трубадуров. В XII столетии в Каркасоне слагали романтические баллады, адресованные жившим в высоких башнях красавицам, и воспевали благородство рыцарей. В ту пору молодые рыцари в основном проводили свое время в замках, подобных этому, задирая и подначивая друг друга, а затем выясняя отношения. Наиболее бурные проявления темперамента старались сдерживать с помощью самых разнообразных способов, одним из которых была так называемая рыцарская романтика: феодал с помощью красоты своей жены, которая служила объектом платонической любви, усмирял воинственные инстинкты неженатых рыцарей, которые в ожидании знаков внимания от прекрасной дамы пытались сдерживаться и вели себя прилично, «по-рыцарски».

Кроме того, рыцари приносили клятвы примирения с целью сдержать собственную воинственность, и впоследствии этот обычай широко распространился также среди простых людей. В XI–XIII вв. все жившие на одной территории нередко собирались, чтобы поесть и выпить вместе, и во время таких встреч участники клялись жить в мире и дружбе, помогая друг другу.

Стол, ломившийся от угощений, всегда служил важной площадкой для ритуалов, являвшихся проявв-

«Любовь» и «рыцарственность» помогали создавать правила, с помощью которых пытались обуздать агрессивность рыцарей

лением дружбы. Чарка и хлеб издавна были знаками союза и единения. Они символизируют тесную связь между теми, кто собрался за накрытым столом. Английские существительные «host» («хозяин») и «guest» («гость») образованы от одного и того же индоевропейского слова «ghostis», означавшего «посторонний». Это древнее слово указывает на распределение ролей между тем, кто принимает гостей, и тем, кто наносит визит.

Хозяин и гость не могут существовать отдельно друг от друга. Оба соблюдают законы гостеприимства, когда подача и употребление пищи базируются на хрупком равновесии страха, однако за доброжелательными ритуалами может скрываться раздор. Прием гостей или принятие приглашения посетить чужой дом служат зна-

ком того, что разнородные группы будут ритуальным образом связаны вместе под одной крышей на определенный отрезок времени. Обе стороны следуют этому протоколу и принимают на себя обязанность соблюдать мир во имя общего блага.

Во время подобных застолий гость всегда являлся персоной почитаемой и неприкосновенной. В Галлии во времена Карла Великого считалось немыслимым обидеть гостя, разделившего с тобой хлеб. «Салическая правда» (*лат.* Lex Salica), свод законов франков, который позже лег в основу системы престолонаследия во многих европейских государствах, в раннем Средневековье сулила жестокие кары тому, кто во время пиршества позволил гостю подвергнуться насилию или быть убитым. В таком случае все участники застолья обязаны были тем или иным способом компенсировать свою вину, чтобы загладить произошедшее. Параграфы закона, говорящие об обращении с гостями, были крайне важными, поскольку в те времена всех чужаков расценивали как — в меньшей или большей степени — врагов и с помощью торжественных трапез пытались усмирить тот страх, который они пробуждали в людях. У франков законы гостеприимства считались священными, поэтому гостю предписывалось в обязательном порядке есть и пить все, что хозяин ему предлагал. Так, епископ Евхерий Орлеанский, принимавший у себя в 732 г. Карла Мартелла, знал, что стал последнему врагом, когда Мартелл встал и ушел из-за накрытого стола.

Во времена династии Каролингов появились на свет правила поведения, целью которых являлось мак-

симально обезопасить пьющего. Когда гость за столом нуждался в ноже, слуга протягивал ему этот прибор, но затем тут же забирал его обратно; причем из вежливости держали нож за острие, а протягивали рукояткой вперед. Второе правило касалось возлияний. Поднимая большой кубок обеими руками и прикладываясь к нему, человек открывал незащищенную грудь, чем подвергал себя опасности. Находящийся неподалеку недоброжелатель мог попытаться, воспользовавшись ситуацией, лишить жизни соперника. Поэтому содержимое чаши следовало пить не мелкими глоточками, а большими глотками, чтобы сократить до минимума тот промежуток времени, в который не можешь себя защитить. Также гость мог попросить соседа по столу быть на страже в тот момент, когда он сам осушал бокал. Пока пьющий опорожнял огромный рог с хмельным напитком, его «соратник» по застолью внимательно наблюдал за происходящим, не спуская руки с рукоятки меча или кинжала.

Подобные меры принимались вовсе не зря. В V в. король остготов Теодорих Великий умертвил германского короля Одоакра во время примиренческого пира. В 978 г. король Англии Эдуард Мученик был убит как раз в тот момент, когда он подносил ко рту кубок. Еще в XVIII столетии в Оксфорде участники студенческих попоек держали мизинцы на столе в ожидании, пока их «соратник» по пирушке опустошит свой бокал. Неудивительно, что во многих культурах, например у викингов, существовал обычай провозглашать во время праздников «пивной мир», когда забывались все старые обиды. В исландской «Саге об Эгиле» можно про-

честь, что нарушение такого мира считалось поступком из ряда вон выходящим.

Поединок и кровная месть

В Средние века деревенское сообщество являлось закрытым социальным сегментом, внутри которого клятва или договор заставляли людей вести себя мирно. Местные старосты приносили клятвы, чтобы сохранить добрые отношения внутри своей общины без вмешательства посторонних. Агрессию же старались направить на чужаков, находившихся за пределами деревни, обращая ее против всего, что могло представлять угрозу для общего блага членов сообщества. В смутные времена дом или деревня превращались в укрепление, оборонять которые приходилось с оружием в руках. Если же принесенные мирные клятвы не в силах были сдержать раздоры между жителями одной общины, в ход шли свои собственные законы. Так, в XIII в. в деревеньке Хэйлсовен в Англии крестьяне избрали аж четырех асессоров, задача которых заключалась в установлении и взимании штрафов за те или иные телесные повреждения, нанесенные в драках.

Если же в деревне не было своего закона, то средневековая правовая система имела в запасе лишь один способ смыть нанесенную обиду — а именно поединок. Вот как описывал себя живший в XII в. франкский рыцарь Алесис: «Я принадлежу к дворянскому роду, чистокровный франк, и одну вещь знаю наверняка: в стране, откуда я родом, на одном из перекрест-

ков возвышается старая церковь. Каждый, кто желает испытать свои силы в поединке, может прийти туда в полном боевом облачении в надежде на скорый бой. И я тоже стоял там в ожидании мужа, что захочет скрестить со мной оружие, но никто не осмелился сделать этого».

Вплоть до XIII в. никакие представители властей не вмешивались в поединок, поскольку он являлся формой правосудия. Популярность этого способа выяснения отношений основывалась на вере, согласно которой результат дуэли зависел лишь от высших сил: человек, считавший себя правым, верил, что непременно победит, ведь на его стороне сам Господь Бог. Стоит ли упоминать, что вызов на поединок необходимо было принять, поскольку отказ бы сочли явным проявлением трусости. Однако упомянутым образом можно было не только восстановить утраченную честь: дуэль служила способом публично подтвердить свой вес в обществе, то есть средством приобрести социальный капитал. Таким образом, мотивом поединка не всегда обязательно являлось восстановление справедливости или другая причина этического характера.

Несмотря на то что в Европе в XIII в. понемногу начала укореняться регулируемая чиновниками правовая система, вызов на дуэль, в особенности среди дворян, был обычной практикой вплоть до начала XX столетия. Представителей высшего класса привлекали пафос и романтика, присущие идеалам рыцарства: дуэль была живым олицетворением требования, согласно которому обиду надлежало смыть кровью; к тому же поединок обычно происходил на природе, рано утром, при пер-

На дуэлях сражались вплоть до XX в. Привилегированный класс видел в дуэлях продолжение романтических рыцарских традиций

вых лучах солнца. Тем не менее дуэлянты обязаны были придерживаться некоторых правил: противникам следовало пользоваться одинаковым оружием, и поединок начинался лишь после поданного секундантами знака. Согласно Йохану Хёйзинге, с дуэлью также были связаны ритуальные игровые элементы.

В Средние века бывали случаи, когда гибель одного из участников конфликта вела к вендетте, или кровной мести. В Центральной Европе и в Италии это считалось делом всего рода. Согласно распространенным представлениям, смысл вендетты сводился к тому, чтобы причинить обидчику физический и моральный ущерб. Обязанность кровной мести возлагалась на мужчин, которым нужно было доказывать, что они способны защитить себя, свою семью и свой род. Так, в решении одного флорентийского суда в XIV в. значилось, что исполнять вендетту могут лишь старшие мужчины в семье. Прошло несколько столетий, пре-

жде чем власти научились лучше улаживать фамильную вражду.

Если взаимодействие между дворянами в Средние века происходило преимущественно с помощью насилия, то и среди духовенства дела обстояли не лучше. К примеру, в 1492 г. разгорелась вражда между парижскими канониками и архиепископом города Санса. Когда последний вышел из церкви, на него набросились два каноника и группа примкнувших к ним священников. Они сорвали наперсный крест и растоптали его, после чего выкрутили руки архиепископу и задали нахлобучку его прислужникам, оттаскав их за волосы. Когда архиепископ пытался помешать избиению, его наградили ударом в живот и сорвали с него митру. Один каноник выкрикивал при этом оскорбления в адрес архиепископа, а второй так дернул его за руку, что порвал сутану. Если бы бедняга при этом не защитился от удара рукой, обидчик отвесил бы ему знатных тумаков, как писал свидетель-современник.

Кроме того, в начале Нового времени люди вели себя на редкость недоброжелательно. Физическое и словесное насилие применялось постоянно, например в кабаках, посетители которых орали во все горло, пили сверх меры, дрались и лапали женщин. В гостиницах и на постоялых дворах оловянные пивные кружки специально приковывали к столам цепями, чтобы их нельзя было использовать как оружие в драке. В XVII в. бóльшая часть жителей Амстердама носила с собой ножи. Когда во время потасовки в трактире кто-то один выхватывал нож, остальные следовали его примеру, то есть люди жили в постоянной боевой готовности.

На улицах следовало остерегаться ватаг хулиганов, и горожан открытым текстом призывали носить с собой оружие для самозащиты. Сэр Уильям Уэнтуорт в 1607 г. советовал своему сыну не доверять никому, поскольку все окружающие на самом деле лишь хотели его использовать; любой в мгновение ока из друга мог превратиться в злейшего врага, и потому единственным способом выжить в этом мире было, по его мнению, научиться безупречно владеть собой, быть человеком внешне сдержанным, скрытным и даже двуличным.

От средневековой самообороны до современной самозащиты

Самообладание и здоровая бдительность до сих пор необходимы при перемещении в крупных городах. Советы, которые Уэнтуорт давал сыну, хорошо описывают также поведение современного горожанина, для которого в английском языке есть хорошее определение — streetwise, то есть человек, хорошо знакомый с жизнью улицы и умеющий за себя постоять. В публичных местах мы стараемся держать дистанцию и не стремимся идти на контакт с незнакомцами, наоборот, мы всеми силами пытаемся его избежать, поскольку чужаки — люди непонятные, непредсказуемые и доверять им нельзя, ведь они могут оказаться по-настоящему плохими парнями.

Однако по природе своей человек — существо социальное и нуждается в обществе, к которому можно принадлежать, поэтому мы налаживаем контакты с сосе-

дями и превращаем отдельную городскую территорию в зону моральной защиты, в территорию, где обитаем мы сами и нам подобные. Иными словами, мы пытаемся создать вокруг себя безопасное общество, оградить «свое поле», которое так отличается от безликих городских улиц.

В то же время попытка создать общество «своих» может привести к изоляции отдельной территории и превращению ее в гетто. История происхождения слова «гетто», которое изначально употреблялось лишь применительно к иудеям, такова. Евреи испокон веков селились в европейских городах вместе, образовывая свои жилые кварталы. Но если прежде они делали это по доброй воле, то в XVI столетии власти Венецианской республики заставили всех иудеев переселиться в изолированный каналами и рвами район города, известный как Гетто Нуово (ит. Getto Nuovo — «новая плавильня»). Позже еврейские гетто появились и в других странах Европы, но особенно мрачный оттенок это слово приобрело во время Второй мировой войны: так стали именовать жилые зоны оккупированных территорий Третьего рейха, которые были созданы нацистами с целью уничтожения еврейского населения.

В современном языке понятие «гетто» расширилось, и сейчас так можно назвать неблагополучный район любого крупного города, в котором живут представители дискриминируемых расовых или религиозных групп, зачастую иммигранты. Обитатели этих трущоб обычно очень бедны и ведут себя не самым лучшим образом: нам, увы, слишком часто приходится слышать

новости о жестоких бунтах, возникающих то в одном, то в другом европейском городе-миллионере. Власти с помощью городского планирования пытаются предотвратить появление гетто, однако это сложная задача, поскольку у людей всегда была потребность образовывать общины и жить в тесном взаимодействии с себе подобными.

Разделение на плохих и хороших — это касается не только людей, но и территорий — очень древняя привычка. Агрессивное поведение и деление на группы, вероятно, выработались еще в доисторические времена, когда наши пращуры вместе добывали пищу. Люди обычно охотились группами, и это делило представителей рода человеческого на тех, кто шел с вами на сотрудничество, и тех, кто от него отказывался и вел себя агрессивно. В те далекие времена не было нужды контролировать насилие, направленное на чужаков, находившихся за пределами своей собственной группы. А вот когда число людей, входящих в одно сообщество, начало стремительно расти, граница между друзьями и врагами стала стираться. Как установили социальные психологи, человек может поддерживать тесную связь только с ограниченным количеством родных и близких; если же у него слишком много знакомых, то это негативно влияет на уровень его привязанности и тесноты выстраиваемых отношений.

Люди не приспособлены к тому, чтобы жить в огромных муравейниках, где копошатся сотни тысяч таких же, как они. Наше поведение развивалось таким образом, чтобы мы умели взаимодействовать в небольших, до ста человек, общинах, где все члены сообщества знают друг

друга лично. В крупных же городах человек постоянно находится в состоянии стресса, поскольку ему ежедневно приходится сталкиваться с бесчисленным количеством незнакомцев. Невозможно наладить даже самую поверхностную связь со всеми, кого за день встречаешь на пути, и поэтому мы просто не обращаем на них внимания. В книгах по этикету, например в «Парижской книге домоводства» (Le Ménagier de Paris), можно найти похожие советы о том, как «не обращать внимания на людей». Взять, к примеру, инструкции, которым должны были следовать молодые девушки, отправляясь в церковь в средневековом Париже.

Передвигаясь по улице, держи голову поднятой, а взгляд опущенным и неподвижным. Смотри прямо на четыре туаза[1] вперед, не верти головой ни направо, ни налево, не бросай взгляды во все стороны, ни на мужчин, ни на женщин, не смейся и не останавливайся ни с кем поболтать на улице. Прибыв в церковь, выбери место настолько уединенное, насколько лишь возможно. Расположись вблизи прекрасного алтаря или статуи и оставайся там, не меняя места и не двигаясь; голову держи прямо, лишь губы должны беспрестанно двигаться, произнося гимны и молитвы. Также помни, что глаза должны быть устремлены либо в молитвенник, либо на находящуюся поблизости фигуру святого; не бросай взгляды ни на мужчин,

[1] Французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы. 1 туаз = 1,949 м.

ни на женщин, ни на росписи в храме, веди себя скромно, без ханжества или жеманства.

Парижская книга домоводства *(1392–1394)*

Эти советы, которые датируются еще XIV в., ясно показывают всю важность зрительного контакта при привлечении внимания или попытке его избежать. Теоретически считается учтивым, общаясь с кем-либо, смотреть ему в глаза, однако на практике дело обстоит не совсем так: обычно при разговоре лицом к лицу мы не сверлим человека глазами, не пялимся на него не отрываясь, а лишь бросаем время от времени короткие взгляды, чтобы проверить реакцию собеседника на то, что говорим. Вежливый поклон на самом деле также является способом уклониться от прямого зрительного

Угрожающий взгляд? Считалось, что контроль над выражением лица и поведением отличает нас от животных. Рисунок Джамбаттисты делла Порта

контакта, поскольку длительный взгляд в упор считается признаком открытой недоброжелательности. Недаром, случайно столкнувшись взглядами с незнакомцем, мы стараемся быстро отвести глаза. Если же один человек продолжает сверлить другого взглядом, то тот, на которого смотрят, может начать нервничать. Только очень агрессивный индивид может долго и пристально смотреть в глаза незнакомцу.

Агрессивность толпы

В крупных городах человек обычно опасается прикосновений со стороны незнакомцев. Мы стараемся избегать чужаков, поскольку не знаем, как они себя поведут — дружелюбно или враждебно. Если кто-то вызывает у нас симпатию или же возникла потребность в контакте, мы пытаемся приблизиться к этому человеку, но сразу же формально просим нас простить за такое вторжение на личную территорию: «Извините, но...» Ответом на попытку контакта может стать негативная реакция. Страх прикосновений укоренился в нас очень глубоко, и он не исчезает даже после того, как человек устанавливает для себя границы своего собственного личного пространства.

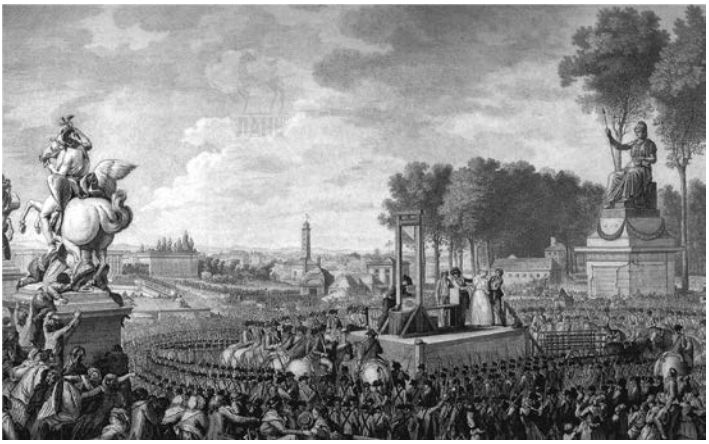
Однако, как бы парадоксально это ни прозвучало, человек освобождается от вышеупомянутого страха, будучи частью толпы. Элиас Канетти, нобелевский лауреат, исследовавший поведение толпы и механизмы власти, считал, что это единственная ситуация, в которой присущая нам боязнь незнакомцев превращается

в противоположное, позитивное чувство. Человеку хочется ощутить свою причастность, почувствовать сплоченность тел в тот момент, когда кажется, что толпа — это единый огромный организм. В подобной ситуации страх становится силой, а поведение толпы приобретает агрессивный характер.

В качестве примера можно привести хотя бы демонстрации, во время которых людей нимало не волнуют чужие прикосновения, поскольку собравшаяся толпа выступает за общее дело, «словно единый огромный организм», как писал Канетти. Однако наряду с этим демонстрации легко превращаются в беспорядки, причем зачастую происходит это по совершенно ничтожным причинам. Нередко манифестанты, вышедшие на мирную акцию протеста, чтобы защитить какие-либо моральные и этические ценности, забрасывают камнями и бутылками полицейских и вступают с ними в драки.

Агрессивное поведение толпы также является пережитком тех времен, когда члены общины вместе охотились. Позже такая модель поведения практиковалась во время коллективных казней, в которых участвовали все члены единого сообщества: таких, например, как побивание камнями. В определенном смысле все публичные казни можно считать коллективными: настоящим палачом является публика, собравшаяся посмотреть на последние минуты приговоренного к смерти.

Во время пыточных церемоний толпа также играла важную роль, поскольку целью пыток было преподать урок абсолютно каждому, вне зависимости от сословия. Народ требовал доступа к лобному месту и протесто-



Казнь Марии Антуанетты.
Еще в XVIII в. на публичные казни люди приводили с собой детей

вал, получив отказ, особенно если пыткам предполагалось подвергнуть какое-либо высокопоставленное лицо, ибо в этом случае собравшиеся могли подозревать, что наказание будет приведено в исполнение недостаточно строго. В ряде стран, например во Франции и Англии, зрители имели право принять участие в пытках. После того как осужденный был подвергнут публичному унижению, его могли отдать на растерзание толпе.

Еще в XVIII в. на место казни отправлялись словно на пикник. Люди с восторгом внимали тому, как бранились и кричали жертвы экзекуций: особенное удовольствие им доставляло слушать, как жертва проклинает власть, короля и церковь. Также поведение толпы, наблюдающей за казнью, было агрессивным: люди дрались, выбивали друг другу зубы, а некото-

рых и вовсе затаптывали насмерть. Среди публики, пришедшей поглазеть на то, как лишают жизни им подобных, были представители самых разных сословий и классов, от дворян до простолюдинов, в том числе и дети.

В XVIII в. характер публичных казней изменился. Издевательства над жертвами отошли в прошлое, а плаха теперь пробуждала скорее отвращение, чем любопытство. Пытки стали восприниматься как проявление жестокости, и к концу столетия во многих европейских странах они были запрещены.

В XIX в. казнь как зрелище исчезла с подмостков, экзекуции перестали быть публичным спектаклем, вызывающим отвращение у большинства зрителей. По мнению философа Мишеля Фуко, ритуал публичных казней действовал на людей двояко: с одной стороны, приучал народ к той самой жестокости, сторониться которой требовало от них общество, а с другой — жестокость властей заставляла зрителей считать судей и палача убийцами, тогда как преступник превращался в мученика и объект жалости. Постепенно на смену смертной казни и пыткам пришли наказания, ограничивающие свободу. Когда общество начало понемногу освобождаться от строгих религиозных норм Средневековья, свобода превратилась в важную гуманистическую ценность. В то же время государство могло строго наказать гражданина, лишив его этой свободы.

Благодаря гуманизму эпохи Просвещения жестокость и наслаждение чужими мучениями превратились в предмет осуждения или по крайней мере в контролируемое обществом явление, после того как насилие

стало инструментом исключительно государственных институтов. В условиях войны это означало отказ от намеренной жестокости, а также возникший обычай брать врагов в плен, вместо того чтобы убивать их, в мирное же время — уменьшение количества казней благодаря укрепившейся системе тюрем и замене смертного приговора на лишение свободы. Однако у любой монеты есть оборотная сторона, и многие считают, что современная пенитенциарная система порождает замкнутый круг душевного насилия и преступлений, подпитывая и взращивая криминал внутри тюремных стен.

Несмотря на то что люди теперь уже больше не развлекаются, наблюдая за повешением, четвертованием или колесованием, публичное насилие никуда не исчезло. По сравнению с античной эпохой уровень эмпатии у наших современников, возможно, и вырос, однако для удовлетворения агрессивных инстинктов людям сейчас необходимы боевики и жестокие виды спорта, такие как бокс или бои без правил; правда, не следует забывать о том, что жестокость там по большей части является результатом актерской игры.

Так или иначе, уровень фиктивного насилия в нашей культуре постоянно увеличивается. В современных боевиках и триллерах агрессия — основной элемент сюжета, и в 1990-е гг. в киноиндустрии даже появились термины «зрелищное насилие» и «поэтизированное насилие». Жестокость стала стильной, и, разумеется, от зрителей ожидается, что они смогут истолковать сцены, где присутствует насилие, как базовый элемент жанра, наблюдая за происходящим на экране со сторо-

ны и не отождествляя себя с героями и совершаемыми ими поступками.

В быту приходится порой сталкиваться с таким понятием, как «развлекательное насилие». Прямо скажем, подобная противоречивая формулировка недвусмысленно свидетельствует об искаженности восприятия: получается, что агрессия в наши дни одобрена как часть культуры — будем надеяться, что исключительно в качестве фиктивного элемента. В XVIII в. термин «развлекательное насилие» хорошо описал бы то, что происходило во время публичных казней, которые привлекали внимание зрителей наравне с другими ярмарочными забавами.

Разумеется, уровень насилия на экране пытаются контролировать: в выпусках новостей не показывают самые ужасающие кадры, а в кинотеатрах сеансы имеют ограничение по возрасту, по телевизору «фильмы для взрослых» демонстрируют в более позднее время и сопровождают их соответствующими предупреждениями. То же самое касается видеоигр, содержащих множество сцен насилия и жестокости.

Психологи и социологи вот уже долгое время ломают копья, обсуждая вопрос, поощряет ли экранное насилие к жестокости в реальной жизни, или же оно, напротив, предотвращает ее проявления, предлагая зрителям легальный и приемлемый способ выплеснуть агрессию. На самом деле еще Платон размышлял о том, какой вред может нанести юным зрителям просмотр пьес, содержащих сцены насилия. Австралийский профессор культурологии Джефф Льюис проанализировал этот вопрос в более широком контексте:

войны, гонка вооружений и социальное неравенство являются константой в нашей современной культуре, да еще СМИ постоянно муссируют эти темы. Льюис прибавляет сюда еще и вымирание множества видов животных, причиной которого служит поведение человека, и суммирует это все в нелестный вывод: современный Homo sapiens является самым жестоким из всех биологических видов, когда-либо существовавших на планете.

Этикет и манеры как подавители агрессии

В отличавшиеся жестокостью Средние века мирные клятвы и поединки были не единственными способами контролировать агрессию. Сдерживать импульсивность и жестокость нравов, царивших тогда в обществе, были призваны также самые ранние правила поведения — рыцарский и придворный этикет. Эта тенденция продолжила развиваться и в эпоху Нового времени, когда в Европе вместо мечей начали сражаться с помощью изысканных манер.

Если в Средние века феодал пытался с помощью ритуалов служения прекрасной даме усмирить своих буйных рыцарей, то в XVII в. король, в свою очередь, стремился обуздать буйных феодалов с помощью правил придворного этикета. Еще в XVII в. каждый французский феодал держал свое собственное войско, однако все изменилось со вступлением на престол Людовика XIV, носившего прозвище «король-солнце».

Он сумел победить знать, создав собственный двор: ранее жившие в отдалении в своих замках воинственные вельможи теперь вынуждены были собираться в Версале, чтобы образовать круг придворных, чья энергия вместо сражений уходила на интриги и борьбу за знаки внимания монарха. Отныне значимость дворянина измерялась не победами на поле брани, а местом, которое он занимал при дворе. «Король-солнце» сделал себя центром, вокруг которого были сосредоточены все ежедневные церемонии. Придворные же всеми силами старались обратить на себя внимание повелителя: так, в его спальню могли попасть только любимчики, кому даровалась высочайшая честь поднести королю сорочку или надеть ему на ноги туфли.

После появления государственной монополии на насилие люди были вынуждены относиться друг к другу более осторожно и внимательно. Сперва это проявилось при дворе, где хорошие манеры ценились превыше всего. Поведение там регулировал строгий придворный этикет, и тот, кто хотел преуспеть в обществе, должен был неукоснительно его придерживаться. Этикетом (*фр.* étiquette) французские аристократы изначально называли именной билет, дающий пропуск к королевскому двору, и лишь позже это слово приобрело известное нам значение. «Король-солнце» не изобретал этикета, однако он понимал всю его важность и расширил это понятие, вследствие чего власть монарха укрепилась, а влияние дворян, напротив, ослабло.

Для того чтобы удержать свое положение при дворе, вельможи должны были тщательно соблюдать этикет, несмотря на все доставляемые им неудобства. Велико-

лепные манеры и знаки внимания короля превратились в предмет и инструмент соревнования. Дворяне были лишены возможности сражаться, и теперь полем битвы оказались королевские покои, а оружием — хорошие манеры. Отклонение от правил поведения становилось поводом для скандала, за которым могли последовать лишение привилегий и опала, то есть публичное унижение.

Поведение самого «короля-солнца» было продумано вплоть до мелочей: к примеру, для того чтобы высказать недовольство, он не прибегал к гневу или крикам, но делал это при помощи еле заметных жестов, мимики и интонаций. Естественно, остальной двор копировал поведение монарха, и во время правления Людовика придворный этикет превратился в жесткий и трудновыполнимый свод норм, которые контролировали буквально каждый жест и каждое слово. Вот что писал об эпохе барокко Эгон Фриделл, австрийский историк и философ:

«Уже внешний вид человека указывал на попытку держаться как можно более отстраненно. Всё: походка и выражение лица, жесты и осанка — должно было соответствовать некоей тайной системе координат. Возможные житейские ситуации были тщательно расписаны, и для каждого случая имелись заранее заготовленные формулы. Наибольшее восхищение вызывал в те времена человек, который мог наиболее точно придерживаться заданных правил».

Стоит подчеркнуть, что особое место в придворном этикете отводилось умению держаться отстраненно, соблюдать дистанцию по отношению к другим людям,

а все интимные, личные моменты встреч, вплоть до произносимых вслух слов, также строго регулировались правилами.

«Король-солнце» провозгласил высшей честью для дворянина благоволение монарха, а не победы на поле брани. Распространение норм придворной культуры, требовавшей хорошо владеть собой, привело к тому, что дуэли, ранее считавшиеся проявлением доблести, начали утрачивать в Европе популярность и в конце концов превратились преимущественно в хобби элиты. В Британии поединки в армии запретили в 1844 г., и последняя задокументированная дуэль произошла там в 1852-м. В немецких университетах вплоть до Первой мировой войны дуэли были распространенным способом выяснять отношения среди студентов. В одной из них успел поучаствовать и студент Боннского университета Карл Маркс.

Французская придворная культура со своим жестким сводом правил стала примером для прочих королевских дворов Европы. Позже эти нормы этикета переняла буржуазия, а через нее они распространились и в остальных слоях общества. По мере увеличивающегося разделения труда и роста торговли вежливое поведение стало одной из основ взаимодействия между людьми: необходимо было контролировать свои эмоции и учиться общению без открытых проявлений агрессии. Расцвет коммерции привел к росту зависимости от других, и, чтобы торговля шла хорошо, следовало держаться учтиво.

Тем не менее западная манера заключать сделки не является универсальной, и многие европейцы, когда им

приходится торговаться на восточных базарах, чувствуют себя неловко. Там торг обычно ведется очень эмоционально, и эта экспрессия уроженцами Запада зачастую расценивается как агрессия. Так или иначе, даже в подобных ситуациях хладнокровие и сдержанность обычно приводят к лучшему результату, то есть терпеливость и вежливость вознаграждаются в конечном итоге даже на базаре.

Норберт Элиас утверждает: для того чтобы лучше понять обычаи, которых придерживаются в современном мире представители среднего класса, следует обратить взор на придворный этикет. Если при дворе прекрасные манеры, поклоны, изящные жесты и неизменная учтивость отличали людей, занимавших высокое положение, то в современном мире схожую модель поведения можно наблюдать в деловой среде, где важны финансовые возможности и личные связи. Вместо естественного поведения практикуется игра, следует придерживаться определенной стратегии, и тут помогает так называемое pocker face, бесстрастное лицо игрока, который утаивает от окружающих свои истинные намерения.

Французский философ XVII в. Жан де Лабрюйер, описывая в книге «Характеры, или Нравы нынешнего века» (Les Caractères ou les Mœurs de ce siècle) своих современников, перечисляет навыки, которые также необходимы в современной бизнес-среде.

Человек, знающий двор, всегда владеет своим лицом, взглядом, жестами; он скрытен и непроницаем, умеет таить недоброжелательство, улыбаться врагам,

держать в узде свой нрав, прятать страсти, думать одно, а говорить другое и поступать наперекор собственным чувствам.

Жан де Лабрюйер. Характеры, или Нравы нынешнего века[1] *(1688)*

Несмотря на то что в мире бизнеса сражения происходят в основном за кулисами, руководитель крупной фирмы может сохранить свое положение, демонстрируя власть. Лидер подвергает себя опасности, долгое время находясь в тени. Недостаточно просто иметь власть, ее нужно проявлять, по крайней мере периодически. Демонстрация и использование власти в нынешней деловой среде стали своеобразным проклятием, поскольку практически каждый руководитель хочет воплотить в жизнь те или иные организационные реформы. Такая же муха показательных реформ, очевидно, в последнее время все чаще кусает не только бизнесменов, но и руководителей общественных институтов.

Сегодня огромной популярностью пользуются всевозможные курсы, обучающие слушателей передовым навыкам эффективного управления. Консалтинговые фирмы больше не распространяют принципы руководства, позаимствованные в армии или основанные на подавлении инициативы и приказах, а продвигают либеральные ценности, принципы равноправия и говорят о том, что с сотрудниками необходимо общаться,

[1] Цит. по: Лабрюйер де Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века. — М.: АСТ, Транзиткнига, 2005.

пользуясь инструментами новейшего прогрессивного менеджмента. Это можно истолковать и так, что в деловой среде сейчас применяется этикет, еще более аккуратно регулирующий процессы коммуникации.

Когда в 1980-е гг. началось молниеносное распространение интернета, пользователи Сети пришли к выводу, что им также необходим определенный свод правил поведения. На свет появился так называемый нетикет (от *англ.* net «сеть» + *фр.* etiquette «этикет»), который давал советы относительно того, как, например, корректно писать электронные письма или общаться на форумах. Нетикет подчеркивал, что в интернете не стоит писать того, чего не можешь сказать лицом к лицу, и призывал всех быть вежливыми и дружелюбными. Запрещалось оскорблять других пользователей или распространять заведомо ложные и порочащие сведения. Нельзя было также писать исключительно заглавными буквами, поскольку это приравнивалось к крику. Следовало придерживаться темы, не оффтопить, не спамить и не засорять треды не относящимися к делу комментариями.

По сути, нетикет призывал к такому же самоконтролю, как и свод правил, принятый при дворе «короля-солнца». Нетикет выполнял ту же функцию, что и этикет: при его соблюдении человек допускался в клуб избранных, в данном случае — в число пользователей форума или чата. Несмотря на то что по нетикету также существуют пособия, они были написаны не отдельными авторами, а созданы огромным количеством интернет-пользователей со всего мира. Нетикет хорошо демонстрирует универсальную основу, на

которой базируются правила хорошего тона: будучи стадным животным, человек нуждается в правилах, и, если таковых не существует, мы начинаем придумывать их сами.

Интернет, однако, развивается быстро: в особенности с распространением мобильных девайсов на свет появились десятки новых приложений, предназначенных для коммуникации, и нетикет за ними уже не поспевает. Как только выходит очередное приложение, люди, в первую очередь подростки, изобретают способ с его помощью высмеивать, оскорблять и унижать других. Это делается как под своим именем, так и анонимно, а иногда и со скрытого IP-адреса. И если деятельность первого «модератора» европейских правил поведения Эразма Роттердамского увенчалась успехом, то нетикет, увы, не способен искоренить распространяющуюся через интернет агрессию, которая готова буквально поглотить пользователей, не выпускающих из рук смартфоны и планшеты.

Насилие в браке

Обычно подразумевается, что рыцарь безупречно ведет себя с представительницами слабого пола. В XI в., однако, отношение рыцарей к женщинам было каким угодно, но только не учтивым, ибо дамы в те времена в основном служили для них прислугой или источником плотских удовольствий. Также насилие по отношению к женщинам, удары, зуботычины и избиения были частью повседневной жизни. В Средние века каждая

Мужчина терял лицо, если позволял жене верховодить. Чтобы этого не произошло, мужу нужно было поколачивать супругу

замужняя женщина могла в любой момент попасть супругу под горячую руку, и физические наказания были распространены как в дворянских замках, так и в хижинах крестьян.

По иронии судьбы насилие обычно обосновывали «дурным поведением», якобы свойственным жен-

щинам, что на деле означало неповиновение супругу. Согласно средневековым представлениям, подчинение себе женщины считалось проявлением смелости и мужественности. Если же мужчина не мог с ней справиться, это грозило ему всеобщим осмеянием и позором.

Чтобы не потерять лицо, представителям сильного пола советовали держаться жестко — то есть агрессивно. Так, в 1371 г. рыцарь Тур Ландри де ла Жоффруа написал для трех своих дочерей наставление, как женщинам подобает вести себя в обществе и в браке. Прочитав эти написанные в брутальном тоне советы, можно понять, что в те времена у любви было мало общего с союзом мужчины и женщины, напротив, жена должна была во всем слушаться супруга и стараться всячески ему угодить, даже если он был жестоким самодуром. В назидание Ландри приводит пример того, как именно рыцари подчас обращаются со строптивицами:

«Он ударил ее кулаком, а после ногой наступил ей на лицо, сломав нос. После этого нос уже никогда не был прямым, и она всю жизнь стеснялась показывать людям свое изуродованное лицо. Поэтому женщине не стоит перечить мужу и следует всегда оставлять за ним последнее слово, ведь он — ее господин».

Тур Ландри де ла Жоффруа подчеркивал, что представительницам слабого пола в особенности необходимо демонстрировать послушание на публике. Дома же, по его словам, у жены была возможность высказывать свое мнение более свободно.

Однако не все средневековые пособия по этикету были настолько кровожадны. Так, в советах, написан-

ных в 1350 г., отец призывает сына не бить свою жену, поскольку это лишь пробудит в ней презрение к мужу:

«Несмотря на то что в определенной степени жена — твоя служанка, она в той же мере и твоя подруга. Призываю тебя, сын мой, никогда не бить жену, поскольку это лишь заставит ее презирать тебя. Наказывай ее любовью, сын мой, и пусть твоей плетью будут слова любви. Также не стоит бранить супругу и награждать ее злыми кличками, поскольку оскорблять ту, которая делит с тобой ложе, означает позор и для тебя самого. Если же ты позоришь свою жену, то и другие могут последовать твоему примеру».

Власти не относились к домашнему насилию всерьез. Так, в XVI в. одна обрученная женщина отказалась идти под венец, поскольку будущий супруг регулярно ее поколачивал. В суде мужчина объяснил свое поведение, заявив, что лишь хотел сделать невесту более послушной, подготовив ее тем самым к семейной жизни. Суд расторг помолвку, однако наложил на женщину штраф за нежелание выходить замуж. Еще в XVI в. насилие являлось частью семейной жизни, и в пособиях по этикету в основном подчеркивалось, что женщине во избежание физических наказаний следует быть послушной.

Реформация не принесла облегчения: за закрытыми дверями мужья избивали жен, а детей растили с помощью палки. И если в континентальной Европе, в особенности в Голландии, мужчин, бьющих своих жен, стали повсеместно осуждать уже к XVII в., то в Англии дела обстояли иначе. Там физическую расправу с женщинами обосновывали именно их дурным поведени-

ем. Некий господин Мозес Уотс опубликовал в 1650 г. книжицу, в которой «с умеренностью размышляется, пристало ли хорошо воспитанному человеку бить свою злую жену». Уотс приходит к выводу, что, если женщина не подчиняется мужу, тот вправе использовать физическую силу. Жене, по его мнению, не следовало переживать по поводу небольших ссадин и царапин и беспокоиться, если ее благонамеренный супруг, исполняя свой долг, слегка собьет с нее спесь во имя блага семьи. Еще в середине XVIII в. в Великобритании судьи без колебаний разрешали бить жен, если те вели себя дурно. Мужчины могли учить их уму-разуму, «придерживаясь той же умеренности, как и при наказании слуг и детей».

Разумеется, с тех пор уже много воды утекло, и положение женщины в обществе сейчас кардинально изменилось в лучшую сторону. Однако и в наше время семейное насилие по-прежнему остается проблемой, поскольку контролировать его гораздо сложнее, чем публичные проявления агрессии. Дом — это вам не улица, и если в публичном пространстве даже жесткие меры властей по предотвращению насилия видятся оправданными, то прямое вторжение в личную жизнь обычно вызывает противоречивые чувства.

Публичные персоны в нашей культуре, несмотря на все получаемые ими блага, все же лишены одной привилегии, которая доступна простым людям, — мы имеем в виду защиту личного пространства. Так, к примеру, от тех, кто занимает высшие руководящие должности, ожидают безупречного поведения также в частной жизни, и в случае, когда насилие в их семьях приобретает

огласку, это обычно ведет к потере работы и положения в обществе. Отдельный разговор — это гоняющиеся за сенсациями журналисты, для которых звезды являются настоящей добычей, а самые лакомые кусочки представляет, конечно же, частная и интимная жизнь знаменитостей.

Глава 7
Сексуальность

Не проявляй чрезмерной заботы о ближайших родственниках, как своих, так и супруга, и не демонстрируй к ним излишней привязанности, а уж всех других мужчин и вовсе следует сторониться. В особенности это касается праздных молодчиков, что живут не по средствам и, не имея ни земельных владений, ни достойной родословной, поступают в танцоры. Воздерживаться стоит от общества придворных, кои находятся при правителях, а также от общения с мужчинами и женщинами, которые ведут жизнь праздную, любострастную или полную распутства.

Парижская книга домоводства *(1392–1394)*

Правила поведения, связанные с вопросами пола и интимной близости, являются древнейшими на планете. В отличие от других животных, человек готов к спариванию круглый год. Это привело к тому, что проявления полового инстинкта в нашем обществе регулируют бесчисленные культурные нормы. Публичную демонстрацию сексуальности всегда старались искоренить: так, например, одним из самых первых признаков цивилизованности стало прикрытие половых органов с помощью одежды. Поскольку человек передвигается на двух ногах, он практически не способен приблизиться к другому представителю вида, не продемонстрировав ему при этом свои детородные органы, и именно поэтому люди придумали одежду, прикрывающую самые выразительные сексуальные раздражители.

Правила поведения, согласно которым женщинам запрещалось привлекать к себе внимание, в Средние века были вполне обоснованны, поскольку инстинкты тогда контролировались слабо. Рыцарство в его нынешнем понимании далеко отстояло от рыцарей. Женщины служили для представителей сильного пола источни-

ком чувственных наслаждений, в том числе и против своей воли, да и похищали их в ту пору сплошь и рядом. В XII в. Андрей Капеллан, живший при дворе Марии Шампанской, которая приходилась дочерью Алиенор Аквитанской, составил сборник наставлений для рыцарей, получивший название «О науке куртуазной любви» (De arte honeste amandi). Книга была адресована юному рыцарю по имени Готье, который попросил у Капеллана совета в амурных делах. Автор наставлений с самого начала ясно дает понять, что уважительно следует относиться далеко не ко всем женщинам, а поклонения заслуживают лишь представительницы знати. Капеллан подчеркивает, что романтические или возвышенные чувства не стоит расточать на тех, кто принадлежит к низшим сословиям, поскольку они существуют исключительно для плотских удовольствий.

Если ты по случайности полюбишь крестьянку, расточай ей комплименты, а позже, когда найдется укромное место, не раздумывая возьми то, что желаешь, даже если тебе придется целовать ее насильно. Вряд ли ты сумеешь растопить ее холодность, чтобы она позволила тебе тихие объятия или же пожелала удовлетворить твою страсть, и поэтому стоит прибегнуть к силе, чтобы исцелить ее от смущения. Мы пишем сие отнюдь не с целью заставить тебя полюбить женщину низкого сословия, а единственно для того, чтобы ты знал, что делать, если по неосторожности увлечешься одной из них.

Андрей Капеллан.
О науке куртуазной любви *(XII в.)*

Единственными женщинами, заслуживавшими рыцарской любви, являлись дворянки. Поскольку соперничество за благосклонность дам знатного происхождения зачастую приводило к убийствам, их начали считать источником всех зол. За девушками строго следили и обычно держали взаперти до тех пор, пока не было принято решение о заключении брака. В комнату, где жила девушка, могли заходить лишь владелец замка и некоторые придирчиво отобранные им мужчины, которые развлекали ее чтением вслух и пением романтических баллад.

В средневековом обществе дамы служили наградой рыцарям, которые порой могли получить свой собственный замок, женившись на дворянке. Брак был результатом переговоров двух семей, и, когда родственники приходили к согласию, от будущих молодоженов также ожидался только положительный ответ.

Жених, шафер и подружки невесты должны ожидать в церкви. Отец невесты под руку ведет дочь к алтарю, где подружки занимают свое место подле нее, а жених встает у алтаря. Шаферу надлежит заблаговременно позаботиться о том, чтобы вручить причитающуюся за венчание плату священнику, служке и причетнику: сделать сие необходимо прежде, чем в храм войдет невеста, дабы избежать путаницы после церемонии.

Джейн Астер. Манеры высшего света *(1859)*

Многие формулировки, которые используются в современном языке, напоминают о том, что в былые вре-

мена брак, по сути, являлся сделкой. Девушку в буквальном смысле выдавали замуж, то есть отдавали будущему мужу и скрепляли договор, соединяя руки жениха и невесты вместе. Сегодня в западных странах удивляются тому, что в Индии браки почти всегда устраиваются родителями, однако прежде подобная практика была повсеместно распространена по всей Европе, и свадебная церемония до сих пор является ее отголоском.

Впрочем, отцы девушек подчас отвергали даже очень родовитых претендентов, и тогда не обходилось без эксцессов. Так, например, когда живший в XI столетии граф Хильдуин IV де Мондидье отказался выдавать дочь замуж за дворянина по имени Конан Сокол де ла Саррас, тот взял его в плен и пообещал выпустить только после свадьбы. Хильдуин вынужден был уступить и пообещать Конану руку дочери, после чего жених и его приближенные оказали Хильдуину все полагающиеся почести и преподнесли дары. На этом примере можно в очередной раз убедиться, как импульсивность средневекового человека и жестокость его поступков немедленно сменяются изысканной вежливостью.

В XII в. появился обычай венчаться в церкви: теперь брачными клятвами, поцелуями и кольцами обменивались перед алтарем в присутствии священника. Кольцо надевали на безымянный палец левой руки, поскольку считалось, что именно этот палец теснее всего связан с сердцем. Первая брачная ночь скрепляла узы и делала союз легитимным.

В Средние века, как и в эпоху Нового времени, ни о какой неприкосновенности частной и интимной жизни молодых и речи не шло. Наоборот, родные и друзья

Рисунок эпохи романтизма, изображающий юных влюбленных. В Европе, однако, долгое время сохранялась традиция браков по принуждению, когда между собой договаривались не молодые, а их семьи

провожали новобрачных в спальню, где те оказывались объектом непристойных шуточек и песен. В одной бременской гильдии даже существовал обычай, согласно которому два принесших особую клятву мастера проверяли девственность невесты. Жених обязан был заплатить «экзаменаторам» за услуги небольшое вознаграждение. Но даже после этого молодая пара не могла спокойно предаваться любовному пылу: гости караулили за дверью и прислушивались, желая узнать, насколько благополучно обстоят дела в спальне.

Предметом широкого обсуждения служила плодовитость заключенного союза. Время от времени брачную ночь нарушали пьяные шуточные серенады, которые распевали под окном у новобрачных. Не оставляли их в покое и в первое утро после свадьбы: муж при всех торжественно вручал молодой жене подарок за то, что забрал ее невинность, а родственники приходили осмотреть постель в поисках несомненных доказательств девственности невесты. В XVII в., во времена Карла Первого, в Англии начали понемногу отступать от публичных ритуалов первой брачной ночи, а в XVIII столетии к свадьбам начали относиться куда более спокойно и участие в них гости принимали уже не столь активно. Только в конце XVIII в. неприкосновенность интимной жизни новобрачных стали охранять, вплоть до изобретения такого понятия, как медовый месяц.

Карнавальные ритуалы, сопровождавшие первую брачную ночь, до сих пор живут в традициях мальчишников и девичников. В Средние века перед домом жениха или невесты принято было устраивать громкий

«кошачий концерт», где вместо инструментов использовались сковородки и другая кухонная посуда. Главным обрядом, сулившим молодым долгую счастливую жизнь, было битье посуды: ведь согласно древнему языческому суеверию осколки приносят удачу.

Поведение в постели

Муж, который страстно совокупляется с женой, дабы удовлетворить свою похоть, совершает грех.

Жан Бенедекти *(1584)*

Человеческая сексуальность во все века была поводом для беспокойства теологов, таких, например, как францисканский монах Жан Бенедекти, который вряд ли бы преуспел в качестве семейного психотерапевта. Бенедекти разделял воззрения Блаженного Августина, согласно которым совокупление в браке не являлось грехом, только если его целью было зачатие ребенка, а добродетельному христианину не пристало страстно вести себя даже с законной супругой.

По мнению Блаженного Августина, стыд в отношении человеческого тела был дан Господом в наказание. Побуждение к греху возникло из души, а не из плоти. Предмет стыда в похоти составляет то, что она не сдерживается и не управляется волей. Держись Адам в свое время подальше от яблони, он мог бы выполнять свое мужское дело без тех волнений, которых оно требует ныне. В этом случае детородные члены, как и все другие члены тела, повиновались бы нашей воле. Надобность

в похоти при половом совокуплении появилась как возмездие: если бы наши прародители не согрешили, совокупление было бы отделено от наслаждения.

Несмотря на то что церковь рассматривает брак как священный союз, в эпоху первых христиан еще более священным считался целибат, поскольку сам Иисус не был женат. Проповедники новой религии хотели отличаться от античных язычников, которые не только не считали плотскую любовь грехом, но, напротив, воспринимали ее как бесценный дар богов. Проявлениям сексуальности, по мнению христианских священников, необходимо было объявить войну, фанатично придерживаясь воздержания, борясь с зовом плоти и побеждая его. Брак был необходимым злом, поскольку люди должны размножаться, однако связанное с этим процессом удовольствие следовало свести к минимуму. Так, на церковном соборе в Карфагене в 390 г. священников, которые уже успели связать себя узами брака, побуждали не прикасаться к своим женам.

Церковь составляла разнообразные правила, которые ограничивали сексуальное поведение супругов. В XII в. британские теологи пытались запретить половые сношения в определенные дни недели. В четверг плотская любовь не дозволялась, поскольку именно тогда Христа взяли под стражу, в пятницу — потому что его распяли, в субботу — в честь Девы Марии, в воскресенье — потому что это день Вознесения, а в понедельник — в память усопших. Также сношения запрещались на Троицу и Рождество, в другие религиозные праздники, на всем протяжении Великого поста, 40 дней после рождения ребенка, а также во время месяч-

ных. Кроме того, нельзя было совокупляться за трое суток до причастия. Одним словом, супружеская пара, придерживающаяся церковного канона, времени на секс практически не имела. Церковники требовали от прихожан беспрекословного исполнения правил, пугая их тем, что для грешников, которые занимались любовью в запрещенные дни, в аду было уготовано особое местечко — озеро из кипящих серы, олова и смолы.

Церковные правила ограничивали также и непосредственно сам сексуальный процесс. В браке разрешалась одна-единственная позиция — так называемая миссионерская, когда мужчина находится сверху. Она отражала господствовавшие тогда представления о том, что мужчина по природе своей активен, а женщина пассивна. Все остальные позиции объявлялись противоестественными, поскольку они приносили лишнее удовольствие. В особенности непристойной и заслуживающей осуждения считалась коленно-локтевая поза (*лат.* coitus a tergo), в которой мужчина находится сзади, «по-собачьи». Тогда же изобрели так называемую «сорочку стыдливости» (*фр.* chemise cagoule) — особого покроя ночную рубашку до щиколоток, с длинными рукавами, препятствующую непристойным прикосновениям. В рубахе спереди на уровне живота была прорезана круглая дыра, сквозь которую муж без ненужного и пустого удовольствия мог оплодотворить жену с целью зачатия. В ту пору ночные сорочки вообще вошли в моду, что говорит о том, что люди стали острее ощущать стыдливость, связанную с обнаженностью.

Неестественным и грешным считалось также целовать «непристойные» части тела. Некоторые отцы

церкви, правда, разрешали оральный секс, если он являлся проявлением любви. Другие же чересчур страстную любовь, даже в законном браке, считали греховной. Согласно Иерониму Стридонскому, мужчина совершал любодеяние, если выказывал страсть по отношению к жене. Мудрый человек должен был проявлять любовь с осторожностью. Чувственных наслаждений надлежало избегать, поскольку ничто не считалось настолько постыдным, как любить жену, словно любовницу.

Многие духовные лица вплоть до XVII в. подчеркивали важность супружеской верности. При этом подразумевалось, что помнящему о своем долге мужу необходимо удовлетворять жену, чтобы она не искала удовлетворения на стороне. В то же время супруг своей активностью не должен был разжигать в женщине пыл, поскольку это могло пробудить в ней интерес к сексуальным приключениям и привести к адюльтеру. То есть, тем или иным образом, любые проявления страсти считались грехом и признаком «неправильной» любви.

Разумеется, советы священников особого отклика в душах прихожан не находили, однако во Франции существовала небольшая группа христиан, которых называли «святошами» (*фр.* dévots): они всячески избегали постельных радостей. При этом жены, отказывавшиеся от исполнения супружеского долга, ссылались на моральные догмы. Если же пыл мужа не удавалось охладить, слух о недостойном поведении быстро достигал ушей общего отца-исповедника, который впоследствии заставлял героя-любовника рьяно каяться. То есть ни о какой неприкосновенности супружеского ложа даже и речи не шло.

Публичная потенция

Многие стороны сексуальной жизни, ставшие приватными в процессе цивилизации, изначально были публичными. К примеру, раньше женщина могла получить развод, только доказав, что ее муж — импотент. Поскольку целью брака было рождение детей, к обвинениям в бесплодии церковь относилась серьезно. Во время судебных процессов XIII–XIV вв. при осмотре потен-

Время от времени священникам необходимо было напоминать о том, как греховны страсти. Рисунок времен Ренессанса изображает дьявола, искушающего монаха плотскими удовольствиями

Итальянский бордель XV в.
Хорошо видна тогдашняя мода на гульфики. Гульфик набивали так плотно, что он, по словам Монтеня, напоминал часть тела, о которой из пристойности не стоит упоминать

циального импотента измеряли его пенис: считалось, что чем он короче, тем выше вероятность того, что мужчина бесплоден. Присутствовавшие на заседании женщины порой даже специально возбуждали беднягу, чтобы посмотреть, реагирует ли его член на прикосновения. В XV в. обвиненный в импотенции муж вынужден был доказывать свою половую состоятельность в борделе, в присутствии священников и чиновников. По свидетельствам историков, подобный случай имел место еще в 1677 г., когда множество зевак собралось поглазеть, как некий стареющий маркиз пытался доказать свою мужскую силу. Маркиз заявил, что способен на половой акт, однако, по словам испытуемого, ожи-

дающая за занавесками толпа стала препятствием для осуществления его намерения.

Сегодня мужское достоинство больше не измеряют публично, однако мужская сила по-прежнему является предметом обсуждения и досужего любопытства. Новую главу в историю потенции вписала виагра: рынок лекарств от эректильной дисфункции стремительно вырос в 2000-е гг., и сейчас их используют не столько для лечения импотенции, сколько для улучшения качества полового акта. Даже если гольф или садоводство интересуют мужчину куда сильнее, он все равно должен исполнять свой мужской долг — и желательно как можно дольше.

В Средние века из-за нехватки места в одной кровати зачастую спало несколько человек, причем не только родственники, но также прислуга и гости. В XVI столетии стали появляться правила, определяющие границы стыдливости между юношами и девушками. Так, Эразм Роттердамский писал, что, раздеваясь и вставая с кровати, нужно помнить о пристойности и не открывать посторонним глазам ничего такого, что природа и мораль велят нам прятать. Спустя пару столетий де ла Салль подчеркивал, что мужчина и женщина не должны ложиться в одну постель, если они не женаты, а если представители разных полов вынуждены спать в одной комнате, то кровати следует раздвинуть.

Даже брак не гарантировал приватности, хотя супруги и делили одно ложе. В конце XVI в. распространение в Англии пуританства привело к ужесточению контроля за моралью: официально этим занимались священники, а неофициально — соседи. Кумушки

не только делились информацией с любопытствующими, сообщая им все интимные подробности, но и сигнализировали церковникам, если нормы морали были попраны. Обычными темами для пересудов являлись соблазнение служанок или же привлекающая внимание половая жизнь супругов. Соседи также доносили священникам, если муж не вмешивался в любовные похождения своей супруги.

Даже аристократы и просто богатые люди в ту пору никуда не могли скрыться от глаз собственных слуг, которые шпионили за тем, что происходило в спальне хозяев. Если дворяне оказывались перед судом по обвинению в адюльтере, свидетелями обычно выступали именно слуги. То есть можно говорить о том, что сексуальной неприкосновенности как таковой не существовало. В XVII в. эта проблема нашла отражение в архитектуре: отныне в жилищах состоятельных людей в спальню вел отдельный коридор, а не анфилада комнат, как ранее. Также спальни стали размещать на верхних этажах, вдали от любопытной прислуги.

Однако следует отметить, что в старинном сословном обществе неловкость из-за того, что кто-то наблюдает за самыми интимными сторонами твоей жизни, чувствовали исключительно в присутствии представителей своего собственного или высшего класса. Если же рядом находились люди, стоящие ниже тебя на общественной лестнице, отсутствие стыдливости считалось по отношению к ним едва ли не проявлением симпатии. Так, согласно делла Каза, «определенные части тела стоит держать прикрытыми и не обнажать... разве что в присутствии человека, которого ты не стыдишься».

Благородный господин мог рассматривать в качестве такового слугу или друга, принадлежащего к низшему сословию, и в те времена это вовсе не считалось высокомерной грубостью, а, напротив, рассматривалось как выражение особой привязанности.

У особ королевской крови и дворян долгое время существовала привычка принимать подчиненных в спальне перед отходом ко сну или сразу после пробуждения, а также, как мы уже писали ранее, отправляя естественные надобности. Невольно возникает вопрос: а не было ли это в действительности способом продемонстрировать таким образом разницу в положении? После того как деление общества на сословия стало не столь строгим, а члены его, вследствие разделения труда, оказались вынуждены все больше взаимодействовать друг с другом, люди, занимающие более высокое положение на социальной лестнице, начали чувствовать стыд также и в присутствии нижестоящих. Приватность в нынешнем ее значении возникла лишь в XIX в., когда дом и личная жизнь для всех социальных классов стали означать приблизительно одно и то же.

В современной культуре позицию «вышестоящих» занимают люди, зарабатывающие на своей публичности, — например, актеры и прочие знаменитости. Очевидно, обыватели считают, что звезды не чувствуют стыда, когда их грязное белье перетряхивают на глазах у всего честного народа: в СМИ одной из ключевых тем зачастую является сексуальная жизнь селебрити, поскольку «клубничка» хорошо продается.

Несмотря на то что подглядывать за соседями в наше время считается извращением, интерес к наблю-

дению за интимной жизнью других людей никуда не исчез. И помощником в этом вопросе, как и во многих других, стало телевидение. Довольно популярным является изначально американский формат, когда собравшиеся в студии пары рассказывают о странных, необычных или трагических событиях своей сексуальной жизни перед камерами. Мировую популярность также обрело реалити-шоу «Большой брат» (*англ.* Big Brother), впервые появившееся в 1999 г. на нидерландском телевидении. Смысл этого шоу, участники которого несколько недель живут под одной крышей в закрытом помещении, где непрерывно работают телекамеры, заключается именно в подглядывании: оно, учитывая развлекательную специфику передачи, разрешено официально.

В новом тысячелетии стало понятно, что публичная демонстрация сексуальности на телевидении быстро набирает обороты — и сбрасывает одежду. Бесконечное количество программ основывается на том, что там следует состязаться практически голышом. Например, зрителю предлагается понаблюдать, как участницы голландского реалити-шоу «Королевы джунглей» (Queens of the Jungle) соревнуются между собой на фоне экзотических пейзажей, наряженные лишь в крошечные бикини, еле-еле прикрывающие стратегические точки. Настоящим подарком для вуайеристов стала нидерландская программа «Адам ищет Еву» (Adam Zkt. Eva), во время которой мужчины и женщины знакомились на райском островке в Тихом океане — одетые, как можно догадаться, лишь в костюм Адама. В США похожая передача транслировалась под названием «Свида-

ние голышом» (Dating Naked), однако на экране зоны гениталий, а также груди и ягодицы участников скрывали расплывчатые изображения.

Секс за пределами супружеского ложа

Не следует раздеваться или ложиться в постель в присутствии других людей, в особенности это относится к представителям противоположного пола, с которыми ты не состоишь в браке. Недопустимо для разнополых людей спать в одной кровати, исключение составляют лишь маленькие дети. Если же вы вынуждены в силу обстоятельств делить ложе с персоной своего пола, например во время путешествия, то стоит помнить, что неприлично при этом лежать так близко к человеку, что вы можете его коснуться или потревожить, и еще менее прилично закидывать на него ногу.

Жан-Батист де ла Салль.
Правила доброго поведения
и христианского соблюдения приличий *(1702)*

В Средние века были распространены добрачные половые связи, равно как и интрижки на стороне. Таким образом, средневековая мораль требовала от человека не подлинной чистоты, а лишь соблюдения формальных правил. Также следовало избегать поступков, которые могли повлечь за собой публичный позор. То есть можно было наслаждаться жизнью, главное — делать это следовало втайне.

Так, рыцарская романтика предполагала, что внебрачные связи — это единственный способ любить понастоящему. Правда, Андрей Капеллан в своем трактате «О науке куртуазной любви» подчеркивает, что неприлично разрушать чужие отношения или брать в любовницы женщину, на которой ты не собираешься жениться. Супружество, однако, в понятие любви для рыцаря не входило. По мнению Капеллана, законные муж и жена были не в состоянии любить друг друга понастоящему, а потому брак не мог считаться причиной отказать себе в радости любить кого-то еще. Капеллан прямо не призывал к адюльтеру, однако настоящему рыцарю необходимо было по меньшей мере уметь флиртовать.

На практике, однако, рыцарям крайне редко выпадала возможность пойти на поводу у своих инстинктов. Незамужних девушек, принадлежащих к высшему сословию, тщательно охраняли, опасаясь позора: если молодая женщина участвовала в публичных торжествах, с ней всегда была старшая спутница, которая строго блюла честь своей подопечной; путешествовали дамы лишь в сопровождении группы спутников, причем все перемещения происходили в наглухо закрытой карете. Страх, что кто-нибудь соблазнит честную девушку, был слишком велик. Так, Робер де Блуа в XIII в. составил пособие «Правила хорошего тона для дам» (Chastoiement des dames) — сборник советов по этикету, в котором советовал представительницам слабого пола не проявлять излишнего дружелюбия по отношению к мужчинам, за исключением собственного мужа. Только он мог заключать жену в объятия.

В свою очередь, интерес супруга к другим женщинам трактовался с чисто мужской точки зрения. По мнению рыцаря Тура Ландри де ла Жоффруа, жена не должна была ревновать, даже если муж и давал ей к этому повод. Воспитанной женщине не пристало также выказывать злость и уязвленную гордость. Средневековые пособия по этикету подчеркивают, что жене не следует показывать свою ревность или спрашивать мужа о связях на стороне. Авторы некоторых справочников также давали сходные советы и мужьям.

Вот, например, что говорится в рукописи 1350 г.: «Если ты ревнуешь, не будь настолько глупым, чтобы дать почувствовать это своей жене, ибо если супруга заметит признаки ревности, то сделает все, чтобы ухудшить твое положение в тысячу раз. Поэтому, сын мой, следует занять в этом вопросе мудрую позицию».

В Средние века проявления сексуальности среди простого народа демонстрировались открыто и бесконтрольно. Деревенские жители не скрывали внебрачных связей, а мужчина мог не таясь держать любовницу. Дисциплину в вопросах пола считали просто смешной, и сатирические книги того времени часто представляют духовенство как самых больших развратников. Причиной таких насмешек является то, что именно погрязшие во блуде священники составляли для простонародья правила полового поведения.

Нельзя позволять мужчинам ласкать груди, поскольку это разрешается лишь законному супругу, то же самое касается и поцелуев. Не стоит хвастаться своим успехом у противоположного пола,

ибо сие опасно. Неприлично ходить в слишком открытых платьях или крутить тем местом, на котором сидишь.

Средневековые правила для женщин, составленные духовенством

Поведение черни хорошо описывает такая деталь: когда мужчина хотел выразить симпатию женщине, с которой только что познакомился, он без церемоний хватал ее за грудь. Наставление по этикету времен Ренессанса предостерегает дам, чтобы те не позволяли мужчинам слишком часто трогать себя за грудь, поскольку это может привести к излишне панибратским отношениям.

Особенно бесстыдным образом сексуальность проявлялась в Средние века в общественных купальнях, где проводили время как мужчины, так и женщины. Много говорит средневековая присказка, согласно которой «для бесплодной женщины нет места лучше, чем купальня: если не поможет ванна, то точно помогут посетители». Несмотря на то что в подобных заведениях свои услуги предлагали также проститутки, водные процедуры не расценивались как что-то постыдное, и походы в купальни практиковали представители всех классов, причем совершенно открыто. Ничего не утаивалось в том числе и от детей: в средневековых хрониках и пособиях по этикету можно даже найти наставления, которые запрещали шестилетним детям тратить деньги на шлюх. Да и сам Эразм Роттердамский также дает в своей книге рекомендации относительно того, как дети должны относиться к проституции.

Мужчина и женщина в ванне.
Средневековый рисунок

Средневековые советы, в том числе написанные в предостерегающем тоне, подчас выглядели крайне прямолинейными, как мы можем убедиться, прочитав отрывок из написанной в XIII столетии в Англии «Книги цивилизованного мужчины» (Book of the Civilized Man):

«Если плотские желания обуревают тебя, пока ты молод, и если твой пенис приведет тебя к проститутке, все же выбирай не обычную уличную шлюху; опустоши свои яйца по возможности быстро и скорее уходи».

Еще в XVI в. походы в бордель были обычным явлением, однако на стариков и богачей, посещавших дома терпимости, смотрели косо: подобного рода заведения предназначались для молодых мужчин, которые еще не накопили денег, чтобы жениться, тогда как те, что постарше, уже имели достаток, позволяющий им обзаве-

стись законной супругой. Содержательницы борделей доносили городским властям, если мужчины в возрасте слишком часто пользовались их услугами. Таким образом в обществе пытались снять напряжение, возникавшее между двумя возрастными группами (молодых и бедных людей по-своему жалели), а также снизить количество совершаемых молодежью изнасилований: в ту пору это преступление было довольно распространенным.

В XVI столетии благодаря Реформации были созданы новые стандарты пристойного поведения, которые привели к изменениям в общественном поведении, в особенности в Англии и Швейцарии. Для неверных супругов придумали различные постыдные наказания, а в Базеле, например, изменщиков так и вовсе отправляли в изгнание. В Великобритании вплоть до 1660-х гг. представители властей имели право вломиться в дом без предупреждения, если подозревали, что за закрытыми дверями происходит адюльтер.

Неверность в отношениях в западных странах до сих пор повсеместно осуждается: несмотря на то что в 1960-х гг. движение хиппи получило широкую известность в поп-культуре благодаря продвигаемым им идеалам свободной любви, однако сейчас приверженцев свободных отношений найдется не так уж и много. Измена по-прежнему является основной причиной разводов, хотя подчас на страницах желтых газет изменщиков с подачи лайфстайл-гуру иногда стараются понять и оправдать. Извращенная двойная мораль при этом цветет пышным цветом на экранах телевизоров — где же еще. Например, в популярном реалити-шоу «Остров искушений» (Temptation Island) участвующие в программе

В средневековых купальнях
время проводили с полной самоотдачей:
ели, пили, музицировали и занимались сексом

пары отвозят на экзотический остров, где их ожидает группа соблазнительных красоток и знойных мачо. После этого зрителю остается лишь гадать, кто первым станет жертвой искушения. Или, если называть вещи своими именами, кто первый осмелится изменить.

Бледная сексуальная жизнь дворянства

В XVI–XVII столетиях знатная супружеская пара в первую очередь представляла свой род и свое имение. Семейная жизнь при дворе считалась вещью второстепенной. Дворяне могли искренне любить друг друга или жить в браке для отвода глаз, хранить партнеру верность или же изменять напропалую: личная жизнь аристократов не касалась посторонних, хорошо, если она касалась хотя бы супруга. Во времена правления «короля-солнца» любовь была страстью чисто теоретической: она выражалась в пафосных речах, принесении клятв, изысканных манерах и написании прочувствованных писем. Секс же был отстраненным, холодным и аристократичным. Когда Людовик скончался в 1715 г., оковы этикета формально были ослаблены. Сексуальность начали проявлять чуть более открыто, однако ее по-прежнему облекали в пышные манеры и «одежды цивилизации».

Стиль рококо отличался вычурностью, рафинированностью и пристрастием к утонченности. С другой стороны, чувственность и игривость допускались, поскольку все, что напоминало обычную семейную жизнь, объявлялось безвкусным и скучным. Хранить верность

партнеру считалось странным. Так, например, графиня Орлеанская разозлилась, узнав, что ее муж завел даму сердца, однако возмущение ее вызвал не сам факт измены, а то, что любовница использовала ночной горшок законной супруги...

Логика тогда была весьма своеобразной: если жена хранит верность, значит, она недостаточно привлекательная; если у мужа нет любовницы, наверняка он импотент.

При дворе нормы морали никого особенно не волновали, и дворяне могли со спокойной душой нарушать предписания, которые дома связывали их по рукам и ногам. Когда Жюстин Пари, владелица самого роскошного в Париже борделя, открыла в 1750 г. новый дом терпимости, она заявила: «Каждый благородный человек говорит об этом, сие предмет для обсуждений в каждом изысканном салоне, и ни один иностранец, посетивший Париж, не упустит случая там появиться и купить себе право на любовь».

Во Франции и в Италии также существовал публичный институт любовников и любовниц: так, любовник сопровождал свою даму, когда та выезжала с визитами, следовал за ней на бал, в театр и даже в церковь. Мало того, сам отец современного этикета Эразм Роттердамский считал наличие любовницы лишь небольшой слабостью характера. Однако существовали свои правила и на этот счет: так, адюльтер не должен был создавать проблемы в обществе, а внебрачных детей, если таковые появлялись, необходимо было материально поддерживать.

Кое-где в Европе, в особенности во Франции, иметь любовницу или любовника до сих пор считается более

позволительным, нежели в других странах. Когда любовница бывшего французского президента Франсуа Миттерана вместе с внебрачной дочерью появилась на его похоронах, англичане сочли наличие у Миттерана второй семьи настоящим скандалом, в то время как среди французов полемика разгорелась в основном вокруг вопроса, имела ли любовница право заявляться на похороны. В самом факте супружеской измены никто ничего предосудительного не увидел. Хотя историю Билла Клинтона и Моники Левински нельзя напрямую сравнивать с тем, что произошло с Франсуа Миттераном, однако масштабы, которые принял скандал, разгоревшийся вокруг американского президента, красноречиво свидетельствует о том, как в США относятся к публичным персонам, уличенным в адюльтере.

Разумеется, в XVIII столетии сексуальная жизнь заключалась не только в разврате и внебрачных связях; обычный семейный быт и любовь обрели свою нишу, подчас даже выглядевшую несколько карикатурно. Когда средневековые традиции трубадуров опять вошли в моду, романтическая любовь была изобретена вновь. Культуролог Лоуренс Стоун с горечью отметил, что романтика была особым феноменом, в котором природа начала подражать искусству: сложившееся у людей романтическое представление о Средневековье стало влиять на их поведение. Романтическое понятие любви укрепилось в особенности в Англии XVIII в., где супруги, например, начали обращаться друг к другу по имени вместо обязательных до этого «сэр» и «мадам». Одна французская дворянка, побывавшая в Лондоне в 1786 г., обратила особое внимание на то, как много

Старый сластолюбец.
Довольно много картин эпохи Нового времени изображают стариков, приударяющих за молоденькими девушками.
Гравюра по картине Якоба ван Шуппена

там заключалось браков по любви. Вскоре, однако, эта тенденция получила распространение и в других уголках Европы.

Сексуальные ограничения в культуре

«Нам не нужно долго оглядываться в поисках моральных последствий, которые причиняет половой инстинкт, разрушающий все естественные ограничения. Он приводит к бесстыдству и непристойностям, а это в свою очередь — к слабости натуры, которую не описать словами. Удовлетворение грубых инстинктов считается вещью незначительной, а верность в браке — глупостью, простительной лишь крестьянам. Мы с легкостью можем обнаружить пугающие жертвы разврата — это юноши в телах стариков, живые скелеты, чьи лица бледны, словно смерть, а прищуренные глаза лишены отблесков души, их память слаба, а разум помутился. Наши страсти и потребности к их удовлетворению превысили меру. Мы отказались не только от моральной, но и от физической свободы, унизили себя до уровня самых убогих рабов».

С такой критикой выступает против морали XVIII в. опубликованная в начале XIX столетия книга «Гинекология, или Наука о девственности, коитусе и браке» (Gynecology or on virginity, coitus and marriage), изначально написанная на немецком и позже переведенная на английский язык. Согласно датским культурологам Уве Броненсдорффу и Полу Хеннигсену, этот трактат является самой известной и значимой книгой своего

времени по сексуальному просвещению. Авторы книги, следуя принятому в те времена дидактическому тону, ужасаются царящим в обществе нравам и падению, а затем напоминают читателям, что, к счастью, человеческий дух способен подняться из праха и познать свою силу, обретя таким образом утраченное «я», которое, разумеется, представляет собой умеренные буржуазные ценности. Новые идеалы любви должны были соответствовать этим ценностям. Любовь необходимо было отделять от всех страстей и удовольствий: она считалась субстанцией духовной, в то время как сексуальность необходимо было искоренять недрогнувшей рукой, писалось в книге.

В Викторианскую эпоху сложился свод правил, согласно которому у идеально воспитанного человека не должно было быть никаких сексуальных, то есть животных, инстинктов. Этикет однозначно запрещал любые проявления эротических чувств и разговоры о половой жизни. Против биологии человека пытались сражаться в том числе и оружием науки: повышенная сексуальность трактовалась как явление исключительное или даже патологическое. Пример благочестия современникам подавала сама королева Виктория: по ее мнению, половая жизнь была горькой необходимостью для женщины, и она смиренно приносила себя в жертву. Рассказывают, что Виктория не имела ни малейшего представления о существовании лесбиянок и узнала о них исключительно из законопроекта о запрете гомосексуальных связей, который королеве принесли на утверждение. Виктория попросту отказалась верить в существование подобного явления, поэтому она недрогнувшей рукой

вымарала из закона все упоминания о женщинах; таким образом мужеложство стало в Британии уголовно наказуемым, в отличие от лесбийской любви. Отрицательное отношение королевы к сексу привело к появлению на свет этикета, которого позже стали придерживаться все представители высших классов.

На культуру Викторианской эпохи оказал влияние тот же мотив, который всегда является основным при создании правил поведения: желание выделиться. Аристократия и буржуазия в викторианской Англии хотели отличаться от черни с помощью высокой морали и чистоты нравов: только простонародье открыто проявляло животную сексуальность. Женщины из высшего и среднего классов строго блюли себя, и лишь чернь подчинялась низменным инстинктам, поскольку была «менее умна».

Этикет Викторианской эпохи напоминает пуританскую мораль. Английские пуритане еще в XVII в. всеми силами старались оградить себя от проявлений сексуальности и старательно подавляли инстинкты, например, с помощью скудной вегетарианской пищи и холодного душа. В XIX столетии самым важным было любым способом продемонстрировать свою высокую мораль. Так, о приличиях стоило помнить в любых ситуациях, и, например, оголять лодыжки женщине считалось неподобающим. Поэтому, скажем, во время купаний дамы были полностью одеты. Их привозили к морю в специальных маленьких кабинках для переодевания, которые тянули лошади, после чего в воду с берега спускали лесенку, и повозка оставалась ждать купальщиц. У мужчин также были плавательные костюмы, которые

открывали лишь ноги и предплечья. Неприличным для женщины считалось оставаться наедине с мужчиной.

Если молодая замужняя женщина хочет быть респектабельной и, таким образом, жить счастливо, она должна следовать правилам хорошего тона и демонстрировать чувство собственного достоинства по отношению к представителям мужского пола, что не будет ошибочно истолковано как излишняя щепетильность, поскольку сие приличествует ее положению.

Джейн Астер.
Манеры высшего света *(1859)*

Самым известным знатоком манер викторианского общества считается Бланш Августин Анжель Сойер, которая в 1889 г. под псевдонимом «баронесса Стафф» выпустила весьма популярный и разобранный на цитаты сборник «Что до́лжно знать каждой женщине»[1]. Стафф, например, сетовала на то, что многие ее современницы позабыли старый добрый обычай, способный отчасти защитить их от посягательств мужчин, — иметь компаньонку или наперсницу.

Женщина в возрасте до тридцати, да и после тоже, если она хороша собой, никогда не должна выходить из дома в одиночестве, но ее надлежит сопровождать

[1] Стафф Б. Что должно знать каждой женщине. — М.: Типография В.П. Быкова, 1912.

подруге, которая уже успела достигнуть возраста, не пробуждающего в мужчинах желания. Следует помнить, что порядочная женщина не ищет греховных утешений.

Баронесса Стафф.
Что должно знать каждой женщине *(1889)*

Баронесса понимала, что чувства могут вспыхнуть внезапно, однако считала, что с помощью правильно выбранной стратегии поведения скандала всегда можно избежать.

Замужняя женщина сразу же замечает, если кто-то в нее влюблен. Как же она должна поступить, чтобы с честью выйти из ситуации и не уронить свое достоинство? Сколь бы уверенной в себе и своих чувствах она ни была, она сразу же предотвращает возможную опасность, твердо отказываясь — в присутствии супруга или матери — впредь принимать у себя того, кто осмелился на подобную дерзость; она всеми способами будет избегать встреч с этим мужчиной, поскольку существует риск, что с течением времени сердце ее смягчится, и тогда один Господь знает, к чему сие может привести.

Баронесса Стафф.
Что должно знать каждой женщине *(1889)*

Викторианская мораль призывала строго разделять мужчин и женщин. Даже книги, написанные авторами мужского пола, не ставили на ту полку, где уже стояли сочинения дам. Некоторые женщины отказывались

спать в комнатах, где на стенах висели мужские портреты. Ножки пианино, в свою очередь, прикрывали из стыдливости — их изгибы могли напомнить о соблазнительности женских ног...

Кроме того, викторианский этикет изгнал из языка все упоминания о сексуальности. Поэтому чтение французских романов стали считать неприличным. Женщины также не могли использовать такие слова, как «пол» или «трусы», а тема нижнего белья была в приличном обществе запретной. В свою очередь, про беременных женщин и родильниц говорили, что они «уехали в деревню». Не дозволялись никакие упоминания эрогенных зон, поэтому тело от головы до груди называли «бюстом», а все, что находилось ниже, расплывчато именовали «животом», говорить о котором не полагалось. Самое большее, что могли себе позволить викторианцы — это порой перешептываться о «двойне крольчат», «сосисках» и «горячих десертах».

Молодой паре не следует оставаться наедине. Свадебные подарки принято выставлять на отдельном столе — все, кроме белья, подаренного новобрачной, его нужно немедленно спрятать. Это зрелище может шокировать жениха, а бедная невеста от стыда покраснеет как рак.

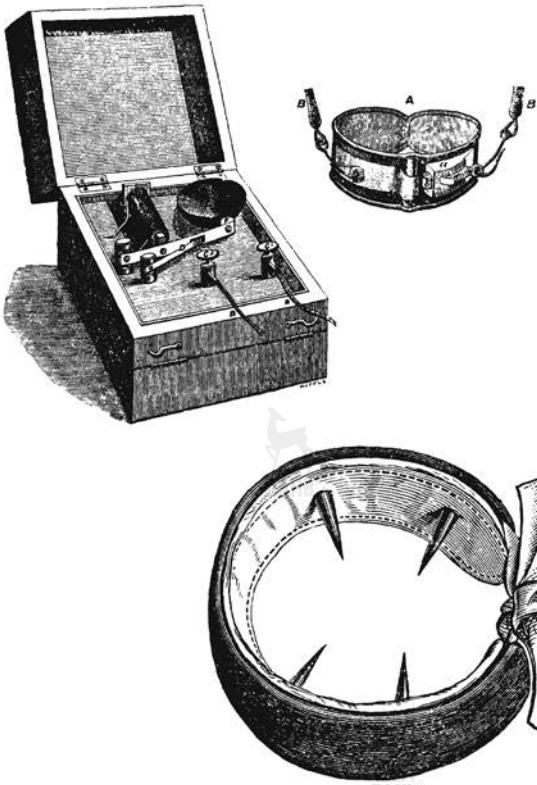
Баронесса Стафф.
Что должно знать каждой женщине *(1889)*

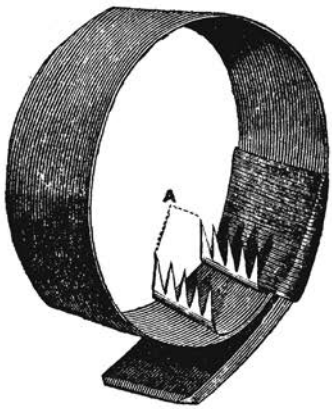
На приеме у врача дамы на кукле показывали, где именно у них болит, чтобы избежать употребления «вульгарных» слов. Прикосновения к интимным

местам были под строгим запретом, в особенности это касалось мальчиков и подростков. Викторианцы верили, что самоудовлетворение — это прямой путь к ужасным недугам, в том числе и к слабоумию. Некоторые отцы на ночь надевали на бедра сыновьям небольшую клетку, игравшую роль пояса невинности, а ключи держали у себя. Предотвратить детскую мастурбацию также пытались с помощью особого приспособления: стоило только пенису принять эрегированное положение, как раздавался звон колокольчика. Иногда родители на ночь связывали детям руки или привязывали их к кровати, чтобы оградить от попыток мастурбации.

Считалось, что у честной женщины никаких плотских желаний быть не может. Характерно, что женщинам во время полового акта советовали держать глаза закрытыми и думать о родине. В изданном в 1897 г. пособии Сильвания Сталля «Что необходимо знать молодому человеку» (Mitä nuoren miehen tulee tietää) подчеркивается, что сексом можно заниматься самое большее раз в неделю, в темной комнате. Партнеры ни в коем случае не должны были вместе раздеваться.

И все же, если верить только справочникам по этикету, наше представление о викторианцах будет ограниченным. Об их двойной морали без прикрас рассказывает тот факт, что никогда в Лондоне не было столько публичных домов, как в ту эпоху. Другими словами, в цивилизованных кругах и на публике секс был запретной темой, однако за кулисами наблюдалась совершенно иная картина. Это знала и баронесса Стафф, которая давала советы относительно того, как хорошей





Ай!
Разнообразные
приспособления,
с помощью которых
пытались сдерживать
пробуждающуюся
сексуальность мальчиков.
Рисунок XIX в.

жене следует относиться к тому, что ее супруг проводит время в борделях.

Никогда не говорите о своих подозрениях. Возможно, вы несчастны и сердце ваше разбито на тысячу осколков, однако не ищите утешения на стороне: это опасно, и жизнь ваша может наполниться грехом. Займитесь лучше воспитанием детей.

Баронесса Стафф.
Что должно знать каждой женщине *(1889)*

В Викторианскую эпоху высоко ценили дом, эту приватную зону человеческой жизни. Однако на улице мужчина был свободен от роли почтенного отца семейства и домашних обязанностей. Положение в обществе мужчины и женщины, как явствует из приведенной выше цитаты, существенно разнилось. В XIX в. дама, которая вместе с законным супругом и его друзьями ужинала в ресторане, могла вызвать скандал, однако, если мужчина ужинал с посторонней женщиной, никто не обращал на это внимания.

От (а)морального секса к сексу социальному

Если в XIX в. говорили об «искушениях», то сегодня принято говорить о «связях». Смена понятий, указывающих на сексуальность, свидетельствует о том, что в наши дни проявления либидо видятся феноменом больше социальным, нежели биологическим и ос-

нованным лишь на инстинктах. Наше отношение к демонстративной сексуальности за последние 100 лет кардинально изменилось. В современных пособиях по этикету вы уже не найдете советов, как вести себя в постели или что делать, дабы этого избежать.

В то же время сегодня простую и понятную информацию о сексе распространяют всевозможные руководства, авторы которых дают советы, как во время полового акта выбрать правильную позицию или создать нужную атмосферу. Пособия по сексу раскрывают «новую» истину о человеческой сексуальности: только максимально искренний диалог между партнерами служит залогом счастья в интимной жизни. Также в глянцевых журналах и на страницах вечерних газет можно обнаружить всевозможные рассуждения о том, что есть хороший секс, — это нынче одна из самых популярных тем. Если Аристотель и прочие ученые и философы немало времени потратили, рассуждая о смысле жизни и прочих высоких материях, то в наши дни львиная доза умственных усилий человечества расходуется на то, чтобы выяснить, как добиться хорошего оргазма.

Поведенческая культура, однако, развивается в абсолютно противоположном направлении. Если в Средние века, согласно общепринятым представлениям, мужчина не должен был слишком уж часто хватать за грудь приглянувшуюся ему красотку, то в наше время любые прикосновения к незнакомцам находятся под строжайшим запретом. За случайным легким прикосновением следует шквал извинений, которые только усиливаются, если задетая часть тела является сексуальной зоной. То есть разговаривать о сексуальности всерьез и открыто

можно, однако малейшие намеки на распускание рук в эпоху всеобщей политкорректности могут немедленно привести к обвинению в домогательствах.

Признаком цивилизованного человека считается то, что он не трогает руками объекты своей любви или ненависти. Совет, который де ла Салль еще в XVIII столетии дал по поводу воспитания подрастающего поколения, до сих пор служит для нас эталоном и в отношениях между взрослыми: «Дети часто хотят потрогать одежду и прочие предметы, кажущиеся им приятными или интересными. Их необходимо научить тому, что прикасаться к вещам можно исключительно взглядом». Рекомендация де ла Салля отлично подходит к реалиям современной эпохи, в которой все больше вещей, включая эротику, происходят в «виртуальной реальности» и становятся визуальными, не включающими в себя физические элементы.

Несмотря на запреты, в нашей культуре всегда существовала потребность подчеркивать собственную сексуальность с помощью одежды. Гульфик, который широко использовался в XV–XVI вв., изначально был придуман для прикрытия мужского достоинства, однако вскоре его начали богато украшать и делать модели, нарочито подчеркивающие внушительность этого самого достоинства. В Викторианскую эпоху корсеты не только заставляли дам держать спину прямо, но и подчеркивали эротизм женского тела сообразно стандартам красоты, принятым в то время. Представительницы слабого пола уже долгие столетия прикрывают грудь лифчиками; однако удобство и практичность — далеко не единственные характеристики, которые влияют на дизайн ниж-

него белья: производство бюстгальтеров, визуально улучшающих форму груди и увеличивающих ее объем, сегодня является многомиллионным бизнесом. Мода всегда привязана к эпохе и меняется порой довольно быстро, однако молодые женщины вот уже много лет поддерживают тренд, согласно которому одежда должна больше показывать, чем скрывать.

Сексуальность и эротизм все чаще подчеркиваются во всех сферах жизни, включая профессиональный спорт и политику. Секс — основной двигатель в шоубизнесе, да и рекламировать с помощью него нынче можно практически что угодно. В наши дни лишь эмоционально ущербный человек не способен открыто говорить на эту тему. Как установил британский исследователь медицины Роберт Уинстон, секс для современного человека стал навязчивой идеей. Нет, мы вовсе не маньяки, просто бóльшая часть нашей жизни уходит на вещи, так или иначе связанные с сексом и продолжением рода: мы хотим получить много денег, сделать хорошую карьеру, иметь привлекательную внешность и прочие атрибуты успеха, чтобы с их помощью завоевать самого лучшего партнера. То есть сексуальность стала естественной частью нашей культуры, однако лишь на визуальном и понятийном уровнях. Физическая неприкосновенность является в современном мире святыней, и этим мы отличаемся от людей всех прошлых эпох.

По мнению некоторых, сегодня сексуальность даже слишком уж выпячивается в нашей жизни, однако подобная точка зрения — это скорее глас вопиющего в пустыне. Публичный эротизм тяжело сдерживать, и в западной культуре любые ограничения, связанные

с сексуальностью, на законодательном уровне наверняка составили бы большую проблему. Да и к тому же стоит задаться вопросом, насколько это вообще необходимо, ведь цивилизационный процесс на Западе «приручил» половой инстинкт и вытеснил его проявления в зону личной жизни. Хотя наше окружение предлагает сегодня все больше сексуальных раздражителей, они не приводят к соответствующим действиям импульсивного характера, поскольку это контролируется нормами принятого социального поведения. Если манеры и базовые навыки цивилизованности — это духовная клетка, призванная сдерживать проявления животных инстинктов, то одну из стен этой клетки украшает плакат с надписью: «Смотри, но не трогай!»

Глава 8
Новое цифровое средневековье

Поскольку благодаря цифровым технологиям весь мир превратился в одну большую деревню, в наши дни легко познакомиться с чужой культурой и ее обычаями. Для этого не нужно даже вставать с дивана, ведь теперь и самые далекие уголки планеты стали доступны для нас благодаря спутниковому телевидению и интернету. Не то что в эпоху Средневековья, когда вся информация, поступавшая извне круга твоего общения, была окрашена пропагандой либо церкви, раздувавшей пожар священных войн, либо правителей, вечно воюющих меж собой. Если в том мире вежливость и хорошие манеры были вещью второстепенной, поскольку человеку приходилось не жить, а выживать, то сейчас, казалось бы, ситуация должна измениться к лучшему.

Мысль о том, что цифровые технологии несут нам свет цивилизации, является прекрасной, но несколько наивной. По сравнению с мощной полноводной рекой бесконечных реалити-шоу телепрограммы, посвященные другим культурам и традициям, являются лишь маленьким маргинальным ручейком. Куда ни кинь взгляд, в любом уголке мира по телевидению демонстрируют

изобретенные в Европе программы, в которых взрослые люди издеваются друг над другом и состязаются самыми макабрическими способами, словно средневековые шуты. Можно задаться вопросом, какого мнения был бы Эразм Роттердамский о своих соотечественниках голландцах, придумавших телешоу, в которых людей сводят с ума в закрытом помещении, пытаются подтолкнуть к адюльтеру или же раздевают догола с целью найти им партнера для спаривания на экзотическом острове. Скорее всего, Эразм ощутил бы прилив так называемого финского стыда и выразил бы это с помощью популярного фэйспалм-мема, если бы, конечно, вел блог.

В теории интернет мог бы служить мостом между культурами, однако нетикет, придуманный в качестве пособия по правилам поведения в Сети, не смог ограничить агрессию пользователей, которая постоянно принимает новые формы с изобретением все новых мобильных приложений для общения. К примеру, вечная проблема — расизм и национализм — вновь вспыхнула пожаром, когда в 2015 г. в Европу хлынула очередная волна мигрантов: люди наперегонки занимались распространением разжигающих национальную вражду материалов в социальных сетях, которые сейчас занимают настолько значимую позицию, что с ними вынуждены считаться, готовя обзоры новостей, традиционные СМИ. Ну а уж когда бензина в огонь подлила желтая пресса, не имеющая никакого понятия о журналистской этике, круг замкнулся.

Победоносное шествие европейской культуры впечатляет размахом: сначала хорошие манеры от при-

дворных проникли в жизнь мещан и буржуа, а затем стали нормой также для простого народа. Интернет и социальные сети тоже изначально призваны были сплотить людей и помочь наладить новые дружественные связи, однако то, что творится сейчас в Сети: хамство, выпячивание нарциссических комплексов и риторика ненависти, — как нельзя лучше доказывает, что разнузданные средневековые замашки обрели новый дом в виртуальном мире.

Тяжесть коммуникации: сетевой мир, тролли и реальность

С каждым днем людей, которые не мыслят свою жизнь без социальных сетей, становится все больше и больше. Взять, например, Facebook, где количество зарегистрированных пользователей осенью 2015 г. уже перевалило за 1,5 миллиарда, а суточная активная аудитория в среднем составляет около 1 миллиарда человек. В то же время между реальностью и виртуальным миром царит конфликт поведенческих норм: если взять за образец стандарты, принятые в сетевых дискуссиях и на форумах, можно запросто стать человеконенавистником. Когда коммуникация не включает в себя реальное физическое общение, хорошие манеры отступают на второй план, равно как и пропадает желание контролировать всплески гнева. Также позиция тех, кто координирует виртуальную реальность, подчас вызывает недоумение: так, модераторы в соцсетях могут заблокировать фотографии, содержа-

щие легкую эротику или запечатлевшие процесс кормления грудью, однако открытая риторика ненависти контролируется куда более слабо, поскольку считается, что в таких вопросах цензура может посягнуть на свободу слова.

Американский психолог Джон Саллер в 2004 г. опубликовал статью, в которой перечислил причины, по которым пользователи ведут себя в Сети агрессивно. Анонимность в интернете придает человеку смелости и провоцирует его делать вещи, которые он никогда бы не совершил в реальной жизни; в виртуальном пространстве мы ощущаем себя более безопасно. Ведя сетевую дискуссию, мы не видим, как другие люди жестикулируют, вздыхают или качают головой. Поскольку лиц не видно и все нюансы невербальной коммуникации отсутствуют, человеческий мозг по своему выбору награждает собеседника качествами, которыми тот якобы обладает. Зачастую эти черты отражают наши собственные потребности, желания и надежды, а не реальные характеристики человека по ту сторону экрана. Воображение создает новую цифровую реальность, поля для битвы, где сражаются наши аватары.

В интернете общение не привязано к времени или месту, при желании его легко закончить в любой момент. При общении лицом к лицу тебе некуда деться от собеседника, однако в Сети принято разбрасываться направо и налево своими мнениями, ведь в крайнем случае всегда можно просто выключить компьютер. По мнению Саллера, общение в Сети для многих является игрой, в которой правила и нормы обычной жизни не работают и которую можно прекратить когда угодно.

Это своего рода проявление эскапизма, возможность отвлечься от рутины и броситься в пучину удовлетворения страстей — не заботясь при этом о последствиях своего поведения.

Однако значительно бóльшая опасность, нежели дурно воспитанные индивиды, заключается в том, что социальные сети оказывают на людей определенное давление, а это может привести к непредсказуемым последствиям. Поскольку чужаки не пробуждают в нас такого же сочувствия, как члены собственной группы, этих посторонних легко дегуманизировать при поддержке участников своего сообщества. Афоризм о том, что невозможно переоценить глупость толпы, применим также и к виртуальной реальности. Так, тренер лондонской футбольной команды «Арсенал» Арсен Венгер выразил беспокойство по поводу агрессии, которую выплескивают в социальных сетях европейские футбольные болельщики. Эта агрессия, по его словам, вскоре может стать самой серьезной проблемой, которую футбольному сообществу придется решать. Венгер в интервью сетевому изданию *Goal.com* заявил, что мнение отдельного фаната может превратиться в волну всепоглощающего гнева в Facebook. Это замечание кажется в особенности пугающим, если вспомнить, что агрессивное поведение футбольных хулиганов — феномен куда более давний, чем социальные сети.

С подобными неконтролируемыми вспышками агрессии приходится сталкиваться также учителям, журналистам и исследователям — то есть людям, занимающимся сбором и распространением информа-

ции, тем, чья компетентность часто публично и в грубой форме подвергается сомнению. Если раздувание агрессии происходит осознанно, то можно говорить о троллинге, цель которого — вызвать недоумение и злость, направленные на конкретного человека или группу лиц. Часто троллинг ведется анонимно, под прикрытием никнеймов, но он может быть и открытым, например, когда против чего-то или кого-то протестуют с помощью специально созданного сайта. Троллинг может лоббировать интересы какой-либо политической группы, но чаще это нападение на человека или группу лиц, происходящее в силу личных причин. Так или иначе, цели при этом преследуются одинаковые: подорвать репутацию и возбудить негативные чувства, используя в качестве инструмента Всемирную паутину.

Виртуальная реальность и социальные сети, таким образом, создают собственную вселенную, в которой каждый может быть кем хочет и вести себя как угодно. В худшем случае эта манера поведения перекочевывает в реальный мир, где люди общаются лицом к лицу. Привело ли развитие интернета к тому, что мы оказались в эпохе цифрового средневековья, где попросту не способны контролировать выражение собственных эмоций, общаясь посредством информационных сетей? Готовы ли мы немедленно выхватить шпагу и воткнуть ее в своего собеседника — и неважно, что шпага эта лишь вербальная, — как только нас что-то начинает раздражать? В эру компьютерного средневековья насмешки, агрессия и отсутствие эмпатии стали частью нашей повседневной жизни.

Разумеется, риторику ненависти люди освоили уже давно, лишь инструменты прежде были иными. Охота на ведьм оказалась бы куда более гибельной, имейся у троллей из доминиканских монастырей интернет. Можно лишь вообразить, с какой ловкостью выслеживающие инакомыслящих инквизиторы использовали бы социальные сети и форумы для отлова жертв.

На самом деле человек троллил с тех пор, как научился писать. Еще в Древней Греции боялись острого языка поэтов и их издевательских стихов, написанных ямбом и гекзаметром. С помощью своих сатирических и обличительных произведений поэты привлекали внимание к неподобающему поведению отдельных личностей. Так, сборник язвительных поэм, написанных античным философом-скептиком Тимоном из Флиунта в 250 г. до н. э. и направленный против философов-современников, назвали «оскорблением всему роду человеческому».

В Италии времен Ренессанса люди, которые сами не владели пером, даже специально нанимали поэтов, чтобы те с помощью рифмованных строк очерняли их противников. Самым известным из таких поэтов был сатирик Пьетро Аретино, который писал остроумные эпиграммы на всех, кто попадался ему под горячую руку. В 1525 г. он опубликовал направленный против высшего духовенства пасквиль, который едва не стоил ему жизни. Аретино сбежал в Венецию, где жил под покровительством сразу двух европейских правителей, Карла V и Франциска I, каждый из которых платил поэту пенсию в надежде, что тот будет своим пером досаждать другому государю.

Глава 8

Нарциссы в Сети

Герой одного из древнегреческих мифов, прекрасный юноша по имени Нарцисс, влюбляется в собственное отражение в горном источнике и, очарованный им, не в силах оторваться от созерцания прекрасной картины, гибнет от голода и жажды. В наши дни люди могут нарисовать в соцсетях прекрасную картинку своей жизни, однако на деле она сплошь и рядом оказывается искаженной, словно отражение в кривом зеркале. Сетевой ресурс WhoIsHostingThis.com в 2012 г. провел среди своих пользователей опрос, результаты которого продемонстрировали, насколько распространена ложь в соцсетях. Люди, например, постили статусы, согласно которым занимались разными веселыми и интересными делами по всему миру, в то время как в действительности они даже не покидали свой дом. Большинство респондентов подтвердили, что они занимаются намеренным искажением информации в Facebook. Исследования показали, что каждый третий участник опроса проявил склонность к патологической эгоцентричности.

Профессор Кристофер Карпентер из Университета Западного Иллинойса в 2012 г. также провел исследование на тему потребности в самоутверждении, свойственной пользователям соцсетей. Карпентер изучал, как люди самоутверждались с помощью постоянных апдейтов, новых фотографий и улучшений профиля. Он заметил, что юзеры испытывали злость, если никто не комментировал их посты, и что многие старались отомстить за негативные комментарии, оставленные в Facebook. Исследование показало, что Facebook под-

питывает нарциссическое поведение, поскольку соцсети предлагают возможность завязывать сотни, если не тысячи, поверхностных и мимолетных социальных связей и практиковать эмоционально отстраненную коммуникацию. Люди, обладавшие большим количеством «друзей» на Facebook, были в особенности склонны к эксгибиционному нарциссизму, который сочетает эгоизм с потребностью манипулировать другими и использовать их в своих целях. Возможно, стоит вспомнить, чем закончился миф о Нарциссе: нимфы пришли оплакать смерть прекрасного юноши, и их вздохи и плач нимфа Эхо, ранее высокомерно отвергнутая Нарциссом, повторяет и повторяет бесконечно. В Сети тоже следует быть предельно осторожным: ведь информация, которую ты о себе распространяешь, может остаться там навеки.

Французский философ Жан-Жак Руссо сделал похожие наблюдения о нарциссизме еще в 1750 г. в своем трактате «Рассуждение о науках и искусствах» (*Discours sur les sciences et les arts*). Руссо утверждал, что науки и искусства не принесли человечеству никакой пользы, поскольку они развивались не благодаря людским потребностям, а в силу человеческой гордыни и тщеславия. Появление материализма разрушило настоящую дружбу, и на ее место пришли зависть, страх и подозрение. По мнению Руссо, распространение зависимости от социальных отношений отрицательно сказалось на благополучии людей. Любовь к себе, в которой нет ничего плохого, ибо она основана на естественной потребности в самосохранении, сменилась самолюбием. А вот оно является чувством ненатуральным, поскольку

заставляет человека сравнивать себя с окружающими, служит источником немотивированного страха и делает возможным злорадство, то есть наслаждение страданием и слабостями другого.

Если бы Руссо жил в наши дни, у него вряд ли было бы много друзей в Facebook. Весьма сомнительно, чтобы знаменитый французский философ стал бы пригоршнями рассыпать «лайки» или же, несмотря на присущий ему эгоцентризм, тыкать в людей палкой для селфи на улицах европейских городов. И уж Руссо точно не строчил бы постоянные посты, призванные рассказать миру о его собственном великолепии. Скорее всего, он писал бы саркастические статусы, обличая в них нарциссизм и упадок современной цивилизации.

Несмотря на то что притворство людей, пользующихся Facebook, вряд ли удивило бы Руссо (ведь при дворе «короля-солнца» истинное лицо тоже прятали за пышным париком, пудрой и изысканными манерами), он был бы поражен культурой общения, принятой в цифровую эпоху. Даже такого прямолинейного, вплоть до грубости, человека наверняка шокировало бы обилие угроз, оскорблений и клеветы, распространяемых в Сети. Для Руссо это стало бы знаком, что человечество деградировало, вернувшись в эпоху религиозных войн, предшествовавших Просвещению, во времена, когда людей натравливали друг на друга с помощью риторики ненависти.

Заключение
Отец и непутевый сын

Археологи обнаружили среди вавилонских руин глиняную табличку, озаглавленную «Беседа писца с непутевым сыном». В этом тексте, который специалисты датировали 1750 г. до н. э., отец всячески стыдит своего недостойного отпрыска, который вместо того, чтобы учиться, бесцельно слоняется по улицам Вавилона и вообще ведет себя из рук вон плохо.

Почему ты бездельничаешь? Ступай в школу, стань перед «отцом школы», расскажи ему заданный урок, открой свою школьную сумку, пиши свою табличку... Когда закончишь урок и покажешь наставнику, возвращайся ко мне, не болтайся на улице... Не стой на площадях, не разгуливай по садам. Когда идешь по улице, не гляди по сторонам. Будь почтителен, трепещи перед своим наставником. Когда наставник увидит в глазах твоих страх, он полюбит тебя... Ты, бродящий без дела по людным площадям, хотел бы ты достигнуть успеха? Тогда взгляни на поколения, которые были до тебя. Ступай в школу, это принесет тебе благо...

Сын мой, взгляни на предшествующие поколения, спроси у них совета. Упрямец, с коего я не спускаю глаз, — я не был бы мужчиной, если бы не следил за своим сыном, — я говорил со своей родней, я сравнил наших родственников между собой, и нет среди них ни одного, похожего на тебя.

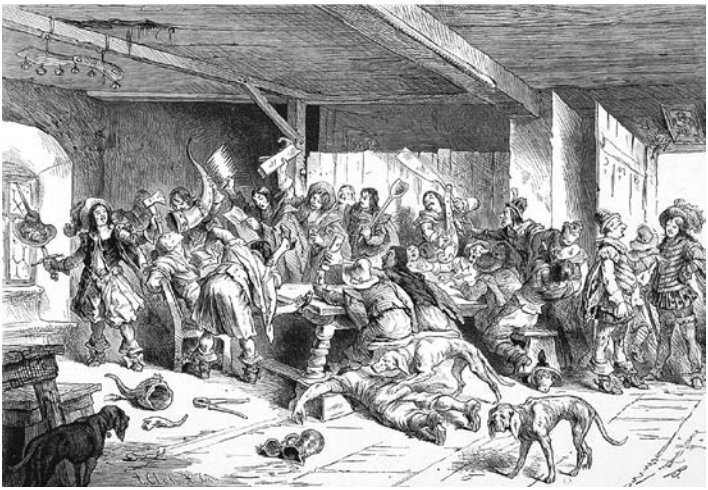
То, о чем я тебе сейчас скажу, обращает слепца в мудреца, останавливает змею, словно по волшебству... Ты изнурил мое сердце, и я отдалился от тебя и не обращал внимания на твои страхи и ропот... Из-за твоих жалоб — да, из-за твоих жалоб — я гневался на тебя... Из-за того, что ты ведешь себя не так, как подобает человеку, сердце мое было как бы опалено злым ветром. Своим ропотом ты довел меня до края могилы.

Ни разу в жизни не сказал я тебе: «Ступай работать, помогай мне!» Другие, подобные тебе, работают, помогают родителям. Если бы ты поговорил с родственниками, если бы ты ценил их, ты бы постарался их превзойти[1].

Этот текст, созданный почти четыре тысячи лет тому назад, ясно дает понять, что ничто не ново под луной. Сейчас родители говорят детям: «Подстригись уже наконец и найди работу!» Отцы во все времена считали своих отпрысков непутевыми, заявляя, что сами в молодости так себя не вели.

---

[1] Цит. по: Крамер С. История начинается в Шумере. — Л.: Наука, 1991.



Молодежь всегда вела себя отвратительно, по мнению старшего поколения. Студенческая вечеринка в стиле XVII в., или Посвящение первокурсников

Шумерская глиняная табличка хорошо демонстрирует извечный конфликт поколений, не последнее место в котором занимает спор о привычках и хороших манерах. Всегда найдутся представители старшего поколения, которые будут ставить в пример остальным собственные нормы поведения. Хотя различные пособия по этикету в зависимости от эпохи подчеркивали важность абсолютно разных манер, во всех этих изданиях неизменно можно прочесть между строк одно и то же послание: молодежь ведет себя просто ужасно. Каждое поколение родителей продолжает петь ту же песню, и жалобы отцов, как мы убедились, можно проследить аж до древней Месопотамии.

* * *

Приступая к созданию этой книги, мы преследовали две цели: с одной стороны, хотели осветить причины эволюции европейского этикета, в том числе и весьма неожиданные, с другой же — показать, что последствия этого развития не всегда оказывались благоприятными: иными словами, блеск пресловутых хороших манер является отчасти фальшивым. Если авторы многочисленных пособий рассказывают, *как* нужно себя вести, то мы попытались поведать читателям о том, *почему* люди ведут себя именно так, как ведут. Разобраться в истории этикета порой очень непросто, однако знакомство с ней помогает понять, откуда возникли те или иные привычки, сопутствующие современному европейскому образу жизни. Как говорил великий философ Гегель: «Сова Минервы вылетает лишь с наступлением сумерек». Человечество проделало большой путь, однако, несмотря на долгую эволюцию европейских хороших манер, до наступления сумерек мудрости, похоже, еще очень далеко. И мы смеем предположить, что в нашу эпоху интернета мудрая сова пока что восседает на ветке, крепко зажмурившись.

Общество изменилось, изменились манеры, и кто-то наверняка решит задаться вопросом: а изменился ли сам человек? Ответ: и да и нет. Эволюция общества породила новые нормы поведения, а также ситуации, которые требуют овладения новыми социальными навыками. Так называемый «базовый этикет» нашей повседневной жизни сложился в западном мире настолько давно, что правила его успели устояться, и теперь изме-

нить их возможно лишь очень медленно, продвигаясь крошечными шажками. В то же время на более глубоких уровнях социального взаимодействия человек должен уметь находить общий язык с носителями самых разных обычаев: отход от единых религиозных ценностей привел к тому, что сейчас общество складывается из все более многочисленных субкультурных групп, поведение которых регулируется объединяющими отдельных индивидов факторами, будь то мода, образ жизни, этническая составляющая или же идеология. И знакомство с системой поведенческих правил этих субкультур является важной задачей для каждого развитого современного человека.

Несмотря на то что в бытовых ситуациях мы уже не проявляем открытой агрессии, как в былые времена, однако природа человека не изменилась, поскольку никакой «человеческой природы» на самом деле не существует: люди всегда являлись по большей части такими, какими взращивало их окружающее общество; наше поведение базируется в основном на выполнении социальных норм. В то же время настоящая воспитанность всегда идет от сердца: каким бы банальным это ни казалось, вежливость — всего лишь искреннее внимание к другому человеку. Поэтому истинное воспитание не может быть результатом механического выполнения правил — именно об этом и говорил один из наиболее значимых философов Нового времени Иммануил Кант, рассуждая об освобождении индивида от собственной незрелости через свободу разума и сообразные ей поступки. Разум не-

обходим людям как при решении вопросов морального характера, так и в ситуациях, когда мы пытаемся понять, что прилично, а что нет в обществе себе подобных, — это же в полной мере относится и к эпохе интернета.

Турунен Ари, **Партанен** Маркус

Только после Вас

Всемирная история хороших манер

Главный редактор *С. Турко*
Руководитель проекта *О. Равданис*
Корректор *И. Яковенко*
Компьютерная верстка *Е. Кукалева*
Дизайн обложки *Ю. Буга*

Подписано в печать 31.10.2018. Формат 84×108/32.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Объем 8,5 печ.л. Тираж 2000 экз. Заказ № .

ООО «Альпина Паблишер»
123060, Москва, а/я 28
Тел. +7 (495) 980-53-54
www.alpina.ru
e-mail: info@alpina.ru

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.) 16+

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Всемирная история высокомерия, спеси и снобизма

Ари Турунен, пер. с фин., 2018, 224 с.

О чем книга

Нередко власть, успех и высокое положение в обществе делают людей высокомерными, неадекватными и глухими к чужому мнению. Финский писатель и исследователь Ари Турунен рассказывает о сильных мира сего, которые пострадали от собственного снобизма. История подтверждает: надменность и высокомерие с незапамятных времен становились причинами разорения, испорченной репутации или гибели. С тонким юмором автор разбирает самые разные ситуации, показывая, что дурные наклонности человеческой натуры очень трудно искоренить.

Почему книга достойна прочтения

- Вы узнаете множество интересных исторических фактов, связанных с темой книги.
- Вам откроется целая вселенная мифов о превосходстве и реалий человеческой глупости.
- У автора отличное чувство юмора — книга не только пополнит багаж ваших знаний, но и развлечет.

Кто автор

Ари Турунен — финский писатель и исследователь.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Битвы за еду и войны культур

Тайные двигатели истории

Том Нилон, пер. с англ., 2017, 224 с.

О чем книга

Еда — центральный аспект нашей жизни, но в учебниках истории об этом не пишут. Многое из того, что происходило на кухне, никогда не записывалось, а свидетельства съедены и забыты. Между тем, история всегда была неразрывно связана с пищей: разгорались гвоздичные войны и кондитерские конфликты, в погоне за специями открывались новые континенты, империи рождались и разрушались из-за битв за еду. Том Нилон изучил сотни антикварных кулинарных книг и восполнил пробел в наших исторических знаниях.

Почему книга достойна прочтения

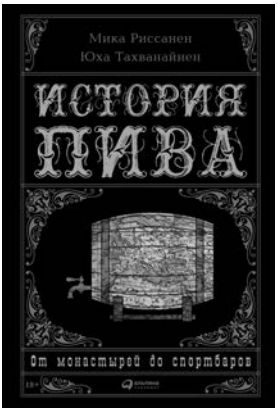
Из книги вы узнаете, как:

- лимонад спас Париж от чумы,
- коричневый соус повлиял на поэзию Байрона,
- разведение карпов могло бы избавить мир от крестовых походов,
- каннибализм вдохновил на создание рецепта чили кон карне.

Кто автор

Том Нилон — антиквар, историк, специалист по рукописным и первопечатным, особенно кулинарным, книгам. Основатель магазина Pazzobooks, торгующего редкими антикварными томами.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free



История пива

От монастырей до спортбаров

Мика Риссанен, Юха Тахванайнен
пер. с фин., 2017, 274 с.

О чем книга

Авторы исследуют связи пива с мировой политикой, экономикой и культурой. Им удалось проследить его путь от шумерской цивилизации (4000 лет до н.э.) до наших дней. И оказалось, что напиток ценили не только простые монахи и солдаты, но и великие люди, такие как Петр Первый и Екатерина Вторая, Мартин Лютер и Питер Брейгель Старший, Луи Пастер и Фритьоф Нансен и многие другие. Вы узнаете, как пиво влияло на ход истории, как способствовало укреплению дружбы, какие легенды были связаны с ним и какие свойства ему приписывали в разные времена.

Почему книга достойна прочтения

- Вы узнаете о происхождении пива, его непростом пути к признанию и, наконец, о триумфальном шествии по миру.
- В книге много информации о том, кто из великих людей в разное время и в разных странах был горячим приверженцем пенного и как эта любовь помогла им стать еще более великими.
- Вы научитесь разбираться в сортах пива, его крепости, плотности, цвете и вкусе и будете осознанно относиться к выбору напитка.

Кто авторы

Мика Риссанен — исследователь и писатель, автор нескольких научно-популярных книг. Его научные исследования сосредоточены по большей части на истории Древнего мира и европейской культуры. Большой знаток и ценитель пенного.

Юха Тахванайнен — преподаватель латыни, писатель, любитель книг, природы и фермерства. В свое время он оставил сельское хозяйство ради изучения древних языков.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Вино по правилам и без

Исчерпывающее руководство для любителей вина

Джон Бонне, пер. с англ., 2018, 160 с.

О чем книга

«Вино по правилам и без» — не очередная книга в духе «пейте это, не пейте то». Здесь вы не найдете долгих рассказов о сортах и регионах. Вы не научитесь открывать шампанское саблей или вслепую распознавать красное бургундское. Зато узнаете, что нужно спрашивать у сомелье в ресторане или консультанта в магазине, как открывать вино как профи, куда и сколько наливать, и получите нестандартный ответ на вопрос «что пить с тем, что я ем?». От знания азов до покупки вина для вечеринок: в этой книге все самое необходимое для того, чтобы научиться получать от вина максимум удовольствия.

Почему книга достойна прочтения

- Почему нельзя судить о вине по этикетке, какие четыре заповеди мастера по разливу вина следует знать и без чего нельзя обойтись дома, если вы заядлый винолюб? Автор не без юмора отвечает на эти и множество других вопросов понятно и увлекательно.
- В книге собраны практические приемы и советы, с помощью которых вы научитесь понимать, что нравится лично вам.

Кто авторы

Джон Бонне — журналист и писатель, винный критик, один из ведущих специалистов по винам в США. Почти десятилетие проработал в *The San Francisco Chronicle*, где вел собственную рубрику о вине. Также сотрудничал с MSNBC, *Saveur*, *Food & Wine*, *The Washington Post* и *The Art of Eating*.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Карманная книжка

для приезжающих на зиму в Москву старичков и старушек, невест и женихов, молодых и устарелых девушек, щеголей, вертопрахов, волокит, игроков и проч., или Иносказательные для них наставления и советы, писанные сочинителем «Сатирического вестника». В 3 ч.

Николай Иванович Страхов, 2-е изд., 2018, 176 с.

О чем книга

«Карманная книжка для приезжающих на зиму в Москву...» — переиздание в современной орфографии уникальной книги, вышедшей в 1791 году. Это необычный исторический документ, живописующий быт и нравы Москвы времен Екатерины II.

Если вы полагаете, что столичная мода на барбершопы, лимузины и бросающиеся в глаза дорогие покупки — отличительная черта нашего времени, то глубоко заблуждаетесь. Вы удивитесь, сколько здесь забавных совпадений с нынешними реалиями, как много сходства с околосветским обществом Москвы XXI века. Сарказм автора абсолютно современен, советы актуальны, а персонажи реалистичны.

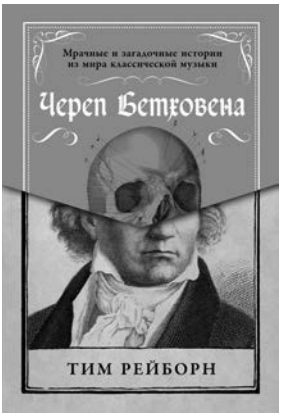
Почему книга достойна прочтения

- Эта книга — настоящая библиографическая жемчужина. В мире сохранилось лишь несколько экземпляров полного издания. Для удобства чтения текст публикуется в современной орфографии.
- Язык и стиль автора полностью сохранены, и читателей ждет встреча со множеством интереснейших слов и выражений, ныне ушедших из повседневной речи.
- Множество интереснейших бытописательных подробностей эпохи конца XVIII века отлично расширяют кругозор, а авторская манера повествования и яркие образы в подборке иллюстраций не оставляют скуке ни малейшего шанса.

Кто автор

Николай Иванович Страхов (1768 — после 1811) — талантливый русский писатель-сатирик, журналист, переводчик и этнограф.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free



Череп Бетховена

Мрачные и загадочные истории из мира классической музыки

Тим Рейборн, пер. с англ., 2-е изд., 2018, 344 с.

О чем книга

«Череп Бетховена» — это курс истории классической музыки, но в совершенно необычном ключе. На этих страницах нет скучного перечня дат и событий, и вам не понадобится с ходу запоминать многочисленные имена. Зато вы узнаете о малоизвестных исторических фактах, познакомитесь с некоторыми из наиболее странных, забавных и удивительных моментов, связанных с музыкой последних двух тысяч лет. Вы поймете, что все знаменитые композиторы, так же, как и мы, попадали в передряги, дрались и влюблялись, а в перерывах сочиняли великолепную музыку.

Почему книга достойна прочтения

В этой книге вы найдете богатый ассортимент странных, кровавых, жутких или просто нелепых фактов, загадок, правдивых историй и легенд о некоторых из самых известных композиторах и музыкантах:

- Существует ли проклятая песня, которая заставляет тех, кто ее слышит, кончать с жизнью?
- Зачем королева эпохи Возрождения требовала, чтобы ее придворные музыканты постоянно пели над телом ее умершего супруга?
- Почему многие верят, что композитор не должен писать больше девяти симфоний?
- Где сейчас череп Моцарта и что случилось с черепом Бетховена?

Кто автор

Тим Рейборн — музыкант с международным именем; играет на десятках странных инструментов с труднопроизносимыми названиями, среди них копии средневековых инструментов и народные инструменты из Северной Европы, с Балкан и Ближнего Востока. Записал более сорока альбомов, автор нескольких книг и журнальных статей о музыке и истории.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Полчаса музыки

Как понять и полюбить классику

Ляля Кандаурова, 2018, 438 с.

О чем книга

Слушать музыку — это самое интересное, что есть на свете. Вы убедитесь в этом, читая книгу музыкального журналиста и популярного лектора Ляли Кандауровой. Вместо скучного и сухого перечисления фактов перед вами настоящий абонемент на концерт: автор рассказывает о 600-летней истории музыки так, что незнакомые произведения становятся близкими, а знакомые — приносят еще больше удовольствия.

Почему книга достойна прочтения

- Каждая глава — это эссе, посвященное определенному произведению и его создателю, эпохе, в которой он жил, и тем людям и обстоятельствам, которые на него повлияли. Вы познакомитесь с историей одного жанра (реквиема), узнаете о том, как один образ по-разному обыгрывали композиторы и что особенного произошло в музыке в 1888 году.
- В этой книге показаны страсти и неочевидные причинно-следственные связи, параллели через время и расстояние между композиторами, которые такие же, как и мы, — люди, снедаемые страстями.
- Вы можете использовать QR-коды для прослушивания композиций, о которых идет речь, чтобы текст ожил, заиграл и раскрылся совершенно по-другому.

Кто автор

Ляля Кандаурова — музыкант, журналист, постоянный автор журнала Seasons of life, лектор образовательного проекта Level One. Выступает с лекциями в образовательных проектах, на музыкальных фестивалях. Пишет о музыке в печатных и интернет-СМИ, посвященных культуре. Читает лекции в Европе и России

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Калсарикянни

Финский способ снятия стресса

Миска Рантанен, пер. с фин., 2018, 185 с.

О чем книга

Калсарикянни — финский тренд, органично дополняющий известные во всем мире концепции майндфулнесс, хюгге и лагом. Это способ снять накопившиеся за день тревоги, расслабиться и улучшить настроение. В буквальном переводе «калсарикянни» означает «выпивать дома в нижнем белье», но на самом деле это понятие гораздо шире и необязательно подразумевает употребление алкоголя. Практикуя калсарикянни, вы получаете возможность в удобной обстановке и без помех отрешиться от всех проблем и раздражающих факторов, немного побыть в одиночестве, разгрузить уставший за день мозг, успокоиться и настроиться на позитив. Книга Миски Рантанена познакомит вас с этим понятием во всех подробностях и поможет вам стать опытным практиком.

Почему книга достойна прочтения

- Калсарикянни — честный способ перезагрузки сознания, корнями уходящий в глубины финской идентичности. Вы познакомитесь с историей возникновения этого прекрасного явления, с этимологией понятия калсарикянни и с самыми разными трактовками термина.
- Это практическое руководство поможет вам снимать стресс легко и быстро, а заодно лучше узнать, принять и полюбить себя. Калсарикянни не потребует от вас специальных навыков или инструментов. Его правила просты, понятны и близки каждому.

Кто автор

Миска Рантанен — журналист, писатель, руководитель Института вечеринок Norra Haga и настоящий эксперт по калсарикянни. На протяжении 50 лет исследует быт и привычки финнов.

Покупая бумажную книгу на сайте **alpina.ru**, вы бесплатно получаете ее электронную версию. Подробнее на alpina.ru/free

Издательская группа «Альпина»

Услуги для бизнеса

Издательские услуги

- Издание корпоративных и подарочных книг
- Тиражи с интеграцией партнерского бренда
- Формирование корпоративной библиотеки
- Дистрибуция и продвижение книг на рынке

Корпоративная электронная библиотека

- Более 1200 книг и саммари в аудио- и текстовом форматах
- Разработка брендированного приложения компании
- Возможность непрерывного чтения на компьютере, планшете и смартфоне для сотрудников
- Подборки книг по матрице компетенций и системе грейдов
- Снижение стоимости обучения сотрудников

Оптовая закупка книг

- Гибкие цены при оптовой закупке

Издательские услуги:
+7 (915) 282 63 27, email: creative@alpina.ru

Корпоративная электронная библиотека:
+7 (499) 685 46 32, email: lib@alpinadigital.ru

Оптовая закупка книг:
+7 (495) 980 53 54, email: zakaz@alpinabook.ru

Ваша книга

AlpinaB2B

В хорошей компании

ВЫ — АВТОР?
Издадим вашу книгу и поможем с распространением

ПРОДВИГАЕТЕ БИЗНЕС?
Напечатаем тираж бестселлера с вашим логотипом или книгу вашего спикера

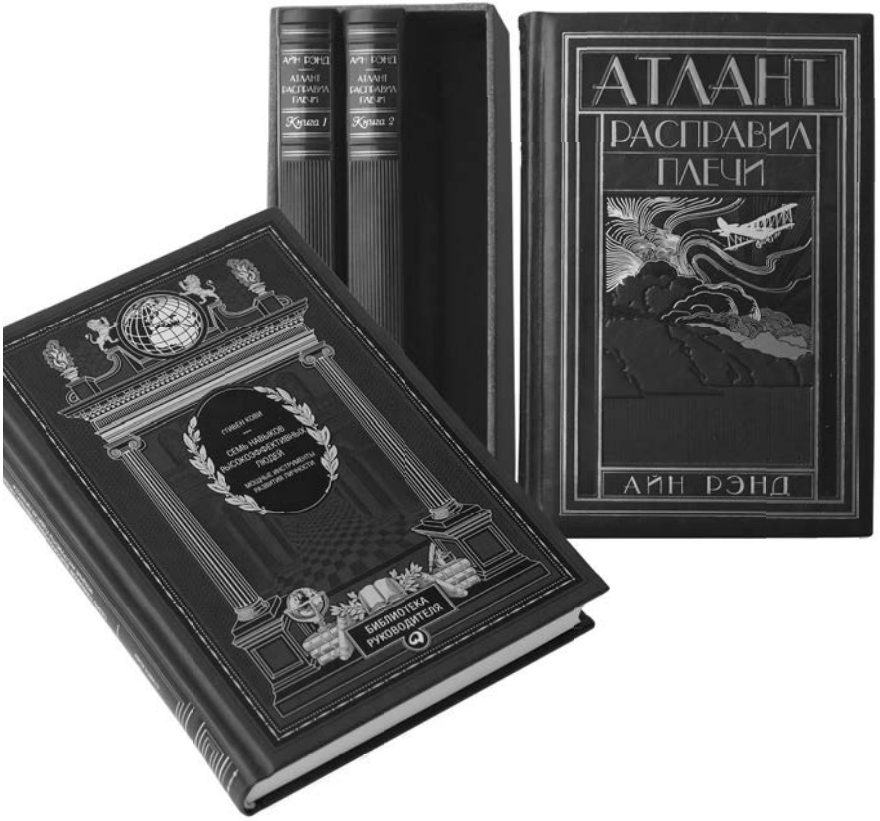
ХОТИТЕ УДИВИТЬ ПАРТНЕРОВ?
Создадим книгу «с нуля» и разработаем уникальное оформление

ИЩЕТЕ ПОДАРОК?
Издадим любую книгу в дизайнерском переплете

Специальные и рекламные проекты: **alpinab2b.ru | +7 (495) 980-53-54 | pr@alpina.ru**

СОЗДАЙТЕ СВОЮ БИБЛИОТЕКУ ИЛИ СДЕЛАЙТЕ НЕОБЫЧНЫЙ ПОДАРОК

ВАШИ ЛЮБИМЫЕ КНИГИ
В ПОДАРОЧНОМ ОФОРМЛЕНИИ



ИЗГОТОВИМ ЗА 7 ДНЕЙ,
ДОСТАВИМ ПО НУЖНОМУ
АДРЕСУ

AlpinaB2B

ПОСМОТРЕТЬ И ЗАКАЗАТЬ:
+7 (495) 120-07-04
SHOP@ALPINABOOK.RU